

Архиепископ Аверкий (Таушев)

КНИГА ДЕЯНИЙ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.

Церковь Христова из иудеев (главы 1-12).

Глава первая.

Предисловие к книге Деяний (1:1-3). Наставления Господа и Вознесение Его (1:4-12).
Избрание Матфея (1:13-26).

Глава вторая.

Сошествие Святого Духа (2:1-13). Речь Апостола Петра (2:14 - 42). Первая христианская
община (2:42-47).

Глава третья.

Исцеление хромого от рождения (3:1-11). Речь Апостола Петра по поводу исцеления
хромого (3:12-26).

Глава четвертая.

Заключение Апостолов Петра и Иоанна в темницу (4:1-4). Допрос Апостолов в
синедрионе (4:5-22). Молитва Апостолов и ниспослание Святого Духа (4:21-31). Взаимная
любовь среди христиан (4:32-37).

Глава пятая.

История Анании и Сапфиры (5:1-11). Новое гонение на Апостолов (5:12-42).

Глава шестая.

Избрание семи диаконов (6:1-6). Проповедь архидиакона Стефана (6:7-15).

Глава Седьмая.

Суд над архидиаконом Стефаном и его мученическая смерть.

Глава восьмая.

Гонение на Церковь (8:1-4). Насаждение Церкви в Самарии, Симон Волхв (8:5-13).

Апостолы Петр и Иоанн в Самарии (8:14-25). Крещение евнуха (8:26-40).

Глава девятая.

Обращение гонителя Савла (9:1-25). Савл в Иерусалиме (9:26-30). Апостол Петр в Лидде, исцеление Энея (9:31-35). Воскрешение Тавифы (9:35-43).

Глава десятая.

Обращение ко Христу Корнилия сотника (10:1-48).

Глава одиннадцатая.

Петр объясняет, почему он крестил язычника (11:1-18). Распространение христианства вне Палестины (11:19-21). Посольство Варнавы и Савла в Антиохию (11:22-26). Помощь христианам в Иудее (11:27-30).

Глава двенадцатая.

Гонение на Церковь со стороны Ирода Агриппы.

Часть вторая.

Церковь Христова среди язычников (главы 13-28).

Глава тринадцатая.

Путешествие Варнавы и Савла на Кипр (13:1-12). Путешествие в Пергию и Антиохию Писидийскую (13:13-41). Успех проповеди Апостола Павла и гонение со стороны иудеев (13:42-52).

Глава четырнадцатая.

Проповедь в Иконию, Листре и Дервии (14:1-7).

Исцеление хромого в Листре (14:8-18).

Гонение на Апостолов (14:19-28).

Глава пятнадцатая.

Апостольский Собор в Иерусалиме (15:1-35). Второе миссионерское путешествие Апостола Павла (15:36-41).

Глава шестнадцатая.

Путешествие в Троаду (16:1-8). Путешествие в Македонию (16:9-11). Павел в Филиппах, изгнание прорицательного духа (16:12-18). Заключение Павла и Силы в темницу (16:19-40).

Глава семнадцатая.

Павел и Сила в Фессалонике (17:1-9). Апостол Павел в Афинах и речь его в Ареопаге (17:15-34).

Глава восемнадцатая.

Апостол Павел в Коринфе (18:1-17). Отплытие через Эфес и начало 3-го путешествия (18:18-23). Проповедь Аполлоса (18:24-28).

Глава девятнадцатая.

Апостол Павел в Ефесе (19:1-20) Мятеж в Ефесе против христиан (19:23-40).

Глава двадцатая.

Путешествие в Грецию и обратно до Трояды (20:1-12). Дальнейшее путешествие до Милита (20:13-17). Прощальная речь Павла к пресвитерам Ефесским (20:18-38).

Глава двадцать первая.

Путешествие Павла от Милита до Кесарии (21:1-9). Апостолу Павлу предсказывают темницу (21:10-14). Прибытие Павла в Иерусалим и возмущение иудеев (21:15-40).

Глава двадцать вторая.

Речь Апостола Павла к народу (22:1-21). Неистовство толпы и суд перед синедрионом (22:22-30).

Глава двадцать третья.

Распря между обвинителями Павла (23:1-11). Умысел иудеев убить Павла (23:12-22). Отправка Павла в Кесарию (23:23-35).

Глава двадцать четвертая.

Апостол Павел пред судом прокуратора Феликса (24:1-9). Защитительная речь Апостола Павла (24:10-23). Беседа Павла с Феликсом и Друзиллой (24:24-27).

Глава двадцать пятая.

Прокуратор Фест во Иерусалиме и жалоба ему на Апостола Павла (25:1-6). Апостол Павел на суде перед Фестом (25:7-12). Царь Агриппа 2-й и Вереника слушают Апостола Павла (25:13-27).

Глава двадцать шестая.

Апостол Павел рассказывает о своем обращении ко Христу (26:1-29). Признание Павла невинным (26:30-32).

Глава двадцать седьмая.

Путешествие от Кесарии до Мир Ликийских (27:1-5). От Мир до Крита и предостережение Апостола Павла (27:6-13). Сильная буря на пути к Мальте и гибель корабля (27:14-44).

Глава двадцать восьмая.

События на острове Мелит (28:1-14). Прибытие в Рим (28:15-16). Беседы Павла с римскими иудеями и заключение книги Деяний (28:17-31).

Часть первая.

Церковь Христова из иудеев (главы 1-12).

Глава первая.

Предисловие к Книге Деяний (стихи 1-3). Наставления и обетования Господа пред вознесением и Вознесение его (стихи 4-11). Речь святого апостола Петра об избрании нового апостола на место Иуды и избрание Матфея (стихи 12-26).

Предисловие к книге Деяний (1:1-3).

В предисловии автор обращается к некоему Феофилу и при этом указывает на свою *"первую книгу"* в которой написал *"о всем, что Иисус делал и чему учил от начала."* Совершенно очевидно, что здесь речь идет о третьем нашем каноническом Евангелии, которое написано Лукой для того же *"достопочтенного Феофила."* Святой Лука указывает на внутреннюю органическую связь между своим Евангелием и этой второй книгой, которая должна служить как бы продолжением первой. О *"всем,"* конечно, только относительно, ибо святой Иоанн считает даже невозможным описать **всё** (Иоан. 21:25). *"Всё"* здесь сказано в смысле: *"все необходимое"* для того, чтобы можно было познакомиться с жизнью, деятельностью и учением Господа Иисуса Христа и уверовать в Него, как Сына Божия.

"Что Иисус делал и чему учил от начала" - эти слова и по-русски правильнее было бы перевести: *"что начал делать и чему начал учить Иисус."* Деятели хотели этим выразить то, что в Своей земной жизни Господь только начал творить и учить, а будет это продолжать через Апостолов (деяния которых в предлагаемой им книге будут описываться) и, само собой разумеется, *через их преемников до скончания века* (Матф. 28:20).

"До того дня, в который Он вознесся." - Вознесение Господне указывается здесь, как поворотный пункт: это - конец Евангельской и начало Апостольской истории. До этого момента имела место видимая деятельность Господа на земле, с сего же момента начинается Его невидимая деятельность.

"Дав Святым Духом повеления Апостолам" - важность этого поворотного пункта истории спасения человечества в том, что Господь вознесся, оставив Своим Ученикам *заповедь - заветание*, как выражение Его последней воли о распространении и утверждении Его учения *во всем мире*.

"Духом Святым" - Господь Иисус Христос все творил *"Духом Святым,"* ибо, по выражению блаженного Феофилакта, *"где творит Сын, содействует и сопричастует Дух, как единосущный."* Это заветание дано не всем, а только тем, *"которых Он избрал"* - избрал на это великое дело.

"Которым и явил Себя живым" - для того, чтобы Апостолы могли свидетельствовать о Нем во всем мире, Господь явил им Себя живым после страданий и смерти Своей и уверил их в истине Своего воскресения, в продолжение сорока дней являясь им. Книга Деяний, таким образом дополняет Евангелие, указывая, что, хотя Господь и не пребывал со Своими учениками непрестанно после воскресения Своего, но многократно являлся им и лишь через сорок дней вознесся от них на небо. В течение этого срока Он учил их тайнам Царствия Божия, надо полагать, устроению этого Царствия, или Церкви Христовой, на земле, дабы подготовить их к предстоящей им Апостольской деятельности.

Наставления Господа и Вознесение Его (1:4-12).

Господь, *"собрав их, повелел им не отлучайтесь из Иерусалима,"* что требовало от учеников немалого самоотвержения, ибо им, конечно, не хотелось бы оставаться в этом враждебном их Учителю и им самим городе. Но такова была воля Божия: *"ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне - из Иерусалима"* (Исаия 2:3 и далее) - именно там, где вражда против Бога и Христа Его достигла своего наивысшего выражения, должно было явиться преизбыточество благодати Божией и начаться распространение Евангелия по всей вселенной. С этим тяжелым повелением оставаться во враждебном городе, Господь сейчас же соединил радостное обетование о ниспослании Апостолам всемогущего Покровителя и Руководителя от Всемогущего Отца - Духа Святого. Несомненно, что под *"обещанным от Отца"* разумеется именно Дух Святой, ниспослать Которого еще через пророков было обещано Богом Отцом в Ветхом завете (напр., Исаии 44:3; Иоилия 3:1).

"О чем вы слышали от Меня" - о Духе Святом Господь говорил Апостолам многократно, а особенно в Своей последней прощальной беседе, называя Его *"иным Утешителем"* (Лук. 12:12; Матф. 10:20; Иоан. 14:16-17,26; 15:26; 16:7,13).

"Ибо Иоанн крестил водою..." об этом сошествии Святого Духа говорил и сам величайший из пророков святой Иоанн Креститель, который противопоставлял своему водному, как только приуготовительному крещению, *крещение Духом Святым* (Матф. 3:5; Лук. 3:16; Иоан. 1:33). Выражение *"крещены Духом Святым"* образно указывает на полноту и обилие даров Духа Святого - Апостолы как бы погружаются в эту всеочищающую и оживотворяющую силу Святого Духа.

"Через несколько дней" - Господь не указывает точно дня сошествия Святого Духа, дабы ожидание поддерживало в Апостолах непрестанное духовное бодрствование и радостное желание исполнения этого великого обетования, возгревая тем самым в них веру. Исполнилось же это через десять дней по Вознесении Господа, в день Иудейской того года и первой христианской Пятидесятницы.

"Не в сие ли время, Господи, восстанавливаешь Ты царство Израилю?" - вопрос этот указывает на то, что Апостолы все еще не расстались с общими для всех иудеев чувственными представлениями о Царстве Мессии. Только по сошествии на них Святого Духа они окончательно переродились духовно. Вопрос этот ученики Господа задали Ему потому, что им известно было предсказание пророка Иоилия об *обильном излиянии даров Святого Духа в Царстве Мессии* (2:28). Господь премудро устраняет этот неуместный вопрос, говоря: *"не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти."* Через несколько дней, когда сойдет на них Дух Святой, они уже не будут задаваться таким вопросом: их дело - быть *свидетелями* Господа, то есть проповедниками Его Евангелия, а для этого они получают необходимую им *силу, когда сойдет на них Дух Святой.*

"В Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли." - Иерусалим, как город, в котором Господь был предан распятию, должен первый услышать проповедь о Мессии распятом и воскресшем, затем Слово Божье должно быть в первую очередь проповедано всему избранному народу Божью во Иудее, потом самарянам, как ближайшим соседям, и затем уже язычникам по всему миру.

"Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их" - здесь указаны два момента: сначала Господь поднялся в глазах учеников, отделился от земли так, что ученики взором своим могли следить за Ним, парящим по воздуху, а потом скрылся за облаком. Быть может, это облако было символом присутствия славы Божьей, каковая еще в Ветхом завете являлась под видом светлого облака (ср. Матф. 17:5). Пораженные величием зрелища, ученики, вероятно, долго смотрели, вперив свой взор в небеса, когда Господь уже скрылся от них, пока не явились им *"два мужа"* в белой одежде, несомненно Ангелы. Белая одежда - символ их небесной чистоты и святости: только Ангелы могли принести ученикам весть о втором пришествии Христовом.

"Мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо?" - в этом вопросе кроткий упрек ученикам: незачем им оставаться так долго в таком бездеятельном положении - надо готовиться к предстоящему им ответственному делу, на которое они призваны вознесшимся Господом. Все мысли учеников, как и всех, конечно, искренних последователей Христовых, должны быть направлены отныне на ожидание Его Второго славного пришествия на землю, и вся жизнь должна быть подготовкой к нему.

"Придет таким же образом" - второе пришествие Господа будет подобно Его вознесению, то есть Господь явится опять в Своем прославленном теле и видимым для всех образом. Значит, нельзя понимать второе пришествие только иносказательно, символически, как некоторые рационалисты его понимают. Сам Господь в Евангелии (Матф. 24:30) говорил, что Он явится *"на облаках небесных с силою и славою великою."* Это же подтверждают теперь и Ангелы. Итак, второе славное пришествие Господа телесное, видимое, будет также несомненно, как было Его телесное вознесение.

"Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон" . . . Из этого видно, что вознесся Господь с горы Елеонской, которая находилась к востоку от Иерусалима. Так как Феофил не знал, видимо, Палестины, святой Лука поясняет, что гора Елеонская находилась в расстоянии субботнего пути: по учению раввинов, в субботу разрешалось пройти не более 2000 шагов, то есть около версты. Таково расстояние было во время странствования евреев по пустыне от крайних палаток еврейского лагеря до скинии. Иосиф Флавий также определяет расстояние Елеона от Иерусалима, указывая то 5 то 6 стадий, что как раз составляет около нашей версты. Гора Елеонская, которая была свидетельницей величайшего унижения Господа при Его аресте в Гефсиманском саду, сделалась теперь свидетельницей его высочайшего прославления - восхода на небеса, как Сына Божия, к Небесному Своему Отцу.

Избрание Матфея (1:13-26).

По возвращении с Елеона все одиннадцать Апостолов, которых Деяния полностью перечисляет по именам, пребывали, по заповеди Господа, вместе в горнице, то есть в верхней комнате дома, где удаленные от уличного шума они беспрепятственнее могли предаваться молитве, готовясь к принятию Святого Духа. Может быть, это была та же самая горница, где была совершена Тайная Вечеря.

"Все они единодушно пребывали в молитве и молении" - эти слова указывают на особый религиозный подъем, в котором находились ученики Господа по Его Вознесении. По словам Евангелия Луки 24:52, возвратились они в Иерусалим *"с радостью великою."* Эта радость и выражалась ими в усиленных единодушных молитвах. Находясь в Иерусалиме, как овцы посреди волков, они, конечно, особенно нуждались в укреплении себя от всяких искушений такой молитвой. Вместе с Апостолами находились и жены во главе с *"Мариюю, Материю Иисуса."* Это, конечно, были жены-мироносицы, свидетельницы погребения и воскресения Господа. Были здесь и названные братья Господа, которые еще недавно *не веровали в Него* (Иоан. 7:5), а теперь были уже в числе верующих. Были здесь и другие верующие, общим числом около 120 душ.

Святой Апостол Петр, "уста апостолов, всегда пламенный и верховный в лике апостолов," по выражению святого Иоанна Златоуста, став посреди учеников *"и в те дни,"* то есть в период времени между вознесением Господа и Пятидесятницей, произнес речь, в которой предложил собранию избрать нового Апостола на место отпавшего Иуды Искариота. Здесь характерно, что "Петр все делает с общего согласия и не распоряжается ничем самовластно и как начальник" (Златоуст). Глубокое падение Иуды святой Петр объясняет предопределением Божиим, которое отнюдь не уничтожает, однако, свободной воли человека. Это предопределение Божие, выражающееся в пророчестве, основывается лишь на Божественном предвидении: Бог знает, как употребит человек свою свободную волю и в зависимости от этого **предопределяет**. Устраняя соблазн страшного падения Иуды для других, святой Петр приводит пророчества, дабы показать, что в этом событии нет ничего необыкновенного, ибо оно уже было предсказано, а потому должно было совершиться. Выражение, что Иуда *"получил жребий служения сего"* нельзя понимать так, что он был избран Господом по жребию: это только образное выражение, означающее **избрание**, которое нередко производилось через метание жребия. Выражение *"жребий служения"* по-гречески: "клирос тис диакониас" послужило основанием для наименования впоследствии лиц духовного сословия **"клиром."** Из речи святого Петра мы узнаем подробности страшной смерти предателя, о которых не говорят Евангелия. Выражение же: *"приобрел землю неправедною мздою,"* конечно, только особый оборот речи, указывающий на то, что на деньги, за которые Иуда предал Христа, была куплена потом земля для погребения странников, прозванная жителями Иерусалима *"Акелдама,"* что значит: *"Земля Крови."* Святой Лука поясняет это слово Феофилу, не знавшему еврейского языка: в этом пояснении не нуждались, конечно, слушатели Петра, а потому нельзя думать, что Петр выразился в своей речи буквально так, как пишет Деятели.

Пророческие слова об Иуде приведены из двух псалмов - 68-го ст. 26-й и 108-го ст. 8-й. Первое из этих мест приведено с небольшим изменением, второе - буквально. В обоих этих псалмах изображается праведник, невинно страждущий от своих врагов и содержится прещения против врагов его в форме молитвы, главным образом, против одного из этих врагов. Несомненно, что этот страждущий, кто бы он ни был в исторической действительности, сам ли царь Давид, или кто другой, был прообразом Мессии - Господа нашего Иисуса Христа, а враги его прообразовали врагов Господа, предавших Его на крестную смерть. Главный из этих врагов - совершитель предательства Иуда, почему апостол Петр и меняет в первом изречении множественное число на единственное, и прещение против врагов представляет, как прещение против одного врага - Искариота. *"Да будет двор его пуст"* - это символ гнева Божия на обитавших в этом месте жительства. В применении к Иуде это означает: апостольское место его да будет пусто. Вместо недостойного, оно должно быть замещено достойным, что и выражено в псалме: *"достоинство его да примет другой."*

Так как пророчество об извержении Иуды из сонма Апостолов исполнилось, надо, чтобы исполнилось и другое - о замещении опустевшего места: надо избрать на место предателя другого и таким образом восполнить установленное Господом число 12-ти Апостолов Его. Вероятно, на это восполнение было дано повеление Самого Господа, не записанное в Евангелии. Необходимым и единственным условием избрания нового Апостола святой Петр поставляет то, чтобы избираемый был свидетелем-очевидцем всей земной жизни и деятельности Господа Иисуса Христа. Это потому, что Апостолы - прежде всего "*свидетели,*" как их Сам назвал Господь (Луки 24:48). Они должны свидетельствовать перед всем миром о том, что они сами видели и слышали (Деян. 4:20) - в этом особенная сила и убедительность их проповеди. С другой стороны, постоянное пребывание с Господом в течение трех с половиной лет Его служения - достаточное ручательство его веры, любви и преданности Господу: такому человеку можно доверить исполнение Апостольского служения.

"Начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас" - здесь как раз указывается начало и конец общественного служения Господа на земле, свидетелем которого должен быть избираемый.

"Свидетелем воскресения Его" - второе весьма важное условие избрания - главный предмет апостольского свидетельства - это свидетельство об истине *Воскресения Христова*, основной истины спасающей веры христианской. Необходимо, чтобы избираемый Апостол был свидетелем действительности воскресения распятого и умершего Мессии.

Удовлетворявших этим условиям оказалось двое: *Иосиф*, называемый *Варсавою*, который прозван *Иустом*, и *Матфеем*. Оба они неизвестны в евангельской истории. Есть предположение, что они были из числа 70-ти учеников Господа. Окончательное избрание из числа этих двух одного Апостола предоставили Самому Господу через жребий после усердной молитвы о том, чтобы Сам Господь показал, кого Он избирает. Таким образом в избрании нового Апостола совершилось двоякое действие - человеческое и Божественное: Апостолы со всем обществом верующих избирают двух, Господь, по молитве их, указывает одного.

"Ты, Господи, Сердцеведец всех..." - так обратились они в молитве к Господу: Господь Сердцеведец, знающий душу каждого человека, знал, кто из двух более способен понести возлагаемое на него служение. Определение по жребию есть установление ветхозаветное и в решении дел по жребию видели действие Самого Бога (см. Лев. 16:8 и д.; Числ 17:1 и д.; 34:13; Нав. 14:2; I Цар. 14:42). Писались обычно имена на листках; листки вкладывались в сосуд, встряхивались, и чей жребий первый вынимался из сосуда, тот и считался избранным.

"И выпал жребий Матфею" - в этом увидели волю Божию, *"и он сопричислен к одиннадцати Апостолам."* Святой Матфей проповедовал потом Евангелие во Иудее и Эфиопии и был побит камнями во Иерусалиме по приговору первосвященника Анана, особенного ненавистника христиан. Память его празднуется 9(22) августа. Другой кандидат Иосиф, он же Иуст, был после епископом Елевферополя в Иудее и тоже окончил свою жизнь мученической смертью. Память его 30 октября (12 ноября н.ст.).

Глава вторая.

Сошествие святого духа на апостолов в день пятидесятницы и недоумение народа (стихи 1-13). Речь апостола Петра и ее действие на слушателей (стихи 14-42). Религиозно-нравственное состояние первой христианской общины в Иерусалиме (стихи 43-47).

Сошествие Святого Духа (2:1-13).

Великое событие сошествия Святого Духа на Апостолов некоторые, по всей справедливости, называют "днем рождения Церкви Христовой." Это событие было вместе с тем и завершением всего дела "домостроительства Божия" - дела спасения рода человеческого. "Чему быть благоволил Бог-Отец, что исполнил в Себе Сын Божий, - то присвоить верующим снисшел ныне Дух Святой" (Еп. Феофан Вышенский). Просвещенные Духом Святым Апостолы мужественно и безбоязненно, с великим дерзновением начали проповедь о Христе распятом и воскресшем из мертвых, и Церковь Христова начала расти и множиться сначала среди иудеев в Палестине, а затем и среди язычников во всем мире - "даже до края земли" (Деян. 1:8).

Произошло это "*При наступлении дня Пятидесятницы*" - при наступлении дня праздника иудейской Пятидесятницы. Законом Моисеевым было постановлено праздновать 50-ый день после наутрия субботы Пасхи, отсчитав от нее семь полных седмиц. Пасха иудейская в год смерти Христовой приходилась на вечер пятницы: первый день Пасхи приходился, следовательно, в субботу, наутрие субботы было по нашему в воскресенье (в которое и воскрес Христос). От него нужно было отсчитать 7 полных недель. Таким образом, праздник иудейской Пятидесятницы приходился в тот год в воскресенье и совпадал с днем первой христианской Пятидесятницы. Иудейская Пятидесятница установлена была в освящение жатвы или первых плодов, так как к этому дню оканчивалась жатва, начинавшаяся сразу после Пасхи. С этим праздником соединялось также у евреев воспоминание **Синайского законодательства**. Это был один из трех важнейших праздников (Пасха, Пятидесятница, Кущи), на которые весь мужской пол обязан был собираться для празднования в Иерусалим. Совпадение дня сошествия Святого Духа с днем иудейской Пятидесятницы, конечно, не случайно и весьма символично. К этому дню ученики Господа созрели и возросли духовно: тогда и снизошла на них полнота дарований Духа Святого и они сами явились первыми плодами искупительного дела Христова. Кроме них, первыми плодами этого же дела Христова явились и крестившиеся в тот день три тысячи душ. Как христианская Пасха заменила собой иудейскую Пасху, так христианская Пятидесятница заменила собой в этот день Пятидесятницу ветхозаветную.

В какой день дан закон (ветхозаветный), в тот же нужно было даровать и благодать Духа, потому что как Спаситель, имея понести святое страдание, благоволил предать Себя на это страдание не в иное время, а в то, в которое закалили агнца, чтобы связать истину с самим образом, так и сошествие Святого Духа, по благоизволению свыше, даровано не в иное время, **но в то, в которое дан закон**, чтобы показать, что и тогда законополагал и теперь законополагает Дух Святой . . . Так как в день Пятидесятницы сносили снопы новых плодов и разные лица сходились под одно небо в Иерусалиме, то в этот же день имело быть и то, чтобы начатки от всякого народа всех живущих под небом народов собирались в один сноп благочестия и по слову апостольскому приводились к Богу (блаженный Феофилакт).

"Все они были единодушно вместе." Собраны были вместе, конечно, не только 12 апостолов, как это можно заключить из дальнейшего повествования, но все верующие, может быть, даже в большем числе, чем те 120 человек, о которых говорится в 1-ой главе.

В 14 ст. 12 апостолов довольно ясно различаются от других участников этого великого события. Собрание это, как можно предположить, происходило все в той же горнице-зале, где, видимо, постоянно собирались ученики, после совершенной в ней Тайной вечери.

И *"внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились."* Они ожидали сошествия Святого Духа, но, конечно, не знали, когда именно должно исполниться данное им о том обетование, не знали и как это произойдет, а потому и сказано, что это было внезапно, неожиданно для них, тем более, что это был час утренней молитвы и, вероятно, они собирались идти в храм. Выражение: *"Шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра"* показывает, что это не был собственно ветер, а только один шум, напоминающий бурный ветер, но без самого ветра. Этот шум шел сверху вниз, наполнил весь дом и был так силен, что привлек к себе внимание многочисленного народа, собравшегося на праздник в Иерусалим.

"И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них" - языки были только подобны огненным, но без огня, как и шум был подобен ветру, но без ветра. Шум был, таким образом, знаком сошествия Святого Духа для слуха, языки - для зрения. Слышанный сильный шум был образом могучей силы, какую сообщал Апостолам и всем верующим Дух Святой, огненные языки - образ того, что все бывшие тут получили дар речи пламенной, опаляющей, как огонь, все нечистое, все неправое и противящееся истине. (см. Григорий Богослов 4. 17).

Непосредственно за этими внешними явлениями последовало внутреннее: *"и исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать."* И прежде Апостолы сподоблялись некоторых духовных дарований, - теперь они исполнились Духа Святого: на них снизошла вся **полнота** благодатных духовных дарований - они преобразились, очистились, освятились и просветились действием Духа Божия, стали как бы совершенно другими, **новыми** людьми, а Дух Святой стал их постоянным вдохновителем и руководителем. Внешнее проявление этого благодатного преображения Апостолов выразилось в том, что они *"начали говорить на других языках, как Дух давал им провещевать."* Это было предсказано Господом (см. Марка 16:17). Как только в душах их возгорелся этот Божественный огонь, они, в естественном порыве священного восторга, начали возносить Богу слова хвалы и благодарения, прославляя величие Божие (Деян. 2:11). Это благодарение Богу они начали выражать громко вслух на разных языках, что и привлекло к ним особенное внимание собравшегося на шум многочисленного народа, пришедшего в Иерусалим на праздник из разных близких и отдаленных стран. Деятели нарочно перечисляет все эти страны для того, чтобы показать, на сколь различных и многочисленных языках стали говорить ученики Христовы, после сошествия на них Святого Духа. Здесь были жители и восточной Азии и западной, и Африки и Европы, и все они слышали между говорившими свой язык, понятную для себя речь. Это тоже было символичным. Здесь мы видим прообраз Церкви Христовой, в которую должны были войти все племена и народы, чтобы единым сердцем и едиными устами возносить хвалу Богу. Понятно значение этого дара языков: **он должен был сделаться средством распространения веры Христовой на земле.**

При этом невольно припоминается, как этот дар Божий некогда был в руках Божиим орудием для наказания человеческой гордыни. Было некогда время, когда *"на всей земле был один язык и одно наречие"* (Быт. 11:1). Но человек, по гордости своей, задумал безумное предприятие, которое наказано было Богом через ниспослание гордецам различных языков, что заставило их, оставив работу, разойтись в разные стороны. Теперь же, дарованная Господом посредством Святого Духа возможность говорить на разных языках явилась средством, благодаря которому разделенные народности соединяются в

единое целое - единую Церковь Христову. Прекрасно выражено это в дивном песнопении - кондаке праздника Пятидесятницы: "Егда снисшед, языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва, и согласно славим Всесвятаго Духа."

"В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами" здесь идет речь, как о иудеях, живших прежде в разных странах и переселившихся на постоянное жительство во Иерусалим, по религиозным побуждениям, так и о тех, которые временно находились в Иерусалиме, собравшись туда из разных мест на праздник Пятидесятницы. Иудеи времён земной жизни Христа Спасителя действительно были уже во множестве рассеяны по разным странам, частью по неволе, как военнопленные, частью по своей воле, в интересах торговли и производства.

"Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием" - очевидно шум, несшийся с неба на тот дом, в котором были собраны ученики, был слышен на значительном расстоянии и притом так, что слышавшие его в городе замечали, что он несется к этому именно дому. Необычайность такого явления привлекла к дому громадное множество народа, быть может, шедшего в храм на утреннюю молитву. Вероятно, перед домом была большая площадь. Народ был поражен непонятным явлением: Апостолы, видом своим, очевидно обнаруживавшие свое происхождение из Галилеи, говорили на разных языках, так что каждый из собравшихся слышал свой собственный язык или наречие. Галилея славилась, как страна темная, не отличавшаяся образованностью, а потому собравшийся народ удивлялся, как эти люди, необразованные, неучившиеся, могли заговорить на столь различных языках и наречиях. Можно полагать, что Апостолы, прославляя Бога на разных языках, вышли на плоскую кровлю дома, а народ слушал их, окружая дом вокруг и заполняя всю площадь перед домом. Деяписатель перечисляет многие страны, из которых происходили эти люди.

"И все изумлялись и дивились, говоря между собой: сии говорящие не все ли Галилеяне? ... А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина," - из этого видно, что не всеми одинаково было принято это чудесное событие. Люди благомыслящие справедливо видели в этом необыкновенное знамение, пытаясь догадаться, что оно предвещает. Но люди неверующие, злобные и легкомысленные, бывшие, может быть, из среды враждебной Христу Спасителю фарисейской и саддукейской партии, стали насмешливо объяснять происшедшее самым грубым образом - действием вина, оскорбляя, таким образом, Духа Святого. **Именно так всегда неверие, легкомыслие и злоба самое высокое в духовной жизни силятся объяснить низкими до пошлости причинами, будучи не в состоянии понимать это высокое (1 Кор. 2:14-15).**

Речь Апостола Петра (2:14 - 42).

Изумление одних и грубые насмешки других побудили Апостолов обратиться к народу с разъяснением совершившегося чуда. Дар языков был ниспослан всем ученикам Христовым, находившимся в доме; теперь из всех выделяются только 12 ближайших учеников Христовых, и от имени их всех святой Апостол Петр обращается к народу с **первой апостольской проповедью.**

Он *"возвысил голос свой"* - речь его полна великого дерзновения, она торжественна, ясна и вразумительна. В лице собравшихся святой Петр обращается ко всем жителям Иерусалима. Мягко и кротко он устраняет подозрение в том, что ученики Господа *"напились сладкого вина," "ибо теперь третий час дня."* Это был час утренней молитвы, до которой никто из иудеев не вкушал пищи, тем более в такой великий праздник, как

Пятидесятница. Далее, в объяснение происшедшего, святой Петр приводит ветхозаветное пророчество Иоила (2:28-32), изреченное за 800 слишком лет до того. В этом пророчестве Господь устами пророка дает обетование людям об обильном сообщении даров Святого Духа всем верующим людям, с чем вместе соединяется угроза суда на нечестивых и обетование спасения праведным. Начальные слова пророчества: *"и будет после сего"* - святой Петр заменяет выражением: *"и будет в последние дни"* - выражение, относящееся у пророков к окончанию ветхозаветного времени и началу новозаветного. Заменяя этим выражением неопределенное выражение *"после сего,"* Апостол таким образом очевидно исключает отношение этого пророчества к какому-либо ветхозаветному времени, а относит исполнение его только ко времени новозаветному.

"Излию от Духа Моего на всяку плоть," вместо подлинных слов пророчества: *"излию Дух Мой,"* - смысл тот же, но Апостол лишь указывает на разделение даров Святого Духа каждому верующему в отдельности. **"Излияние"** есть образ сообщения этих даров Святого Духа в особом изобилии, как бы в виде изливаемой воды или дождя. Излияние *"на всякую плоть"* указывает на сообщение даров Святого Духа всем людям. Здесь имеются в виду, конечно, все те, кто вступает в открывшееся Царство Мессии (ср. Исаии 40:5); только члены Царства Христова получают эту благодать Святого Духа.

До Христа огромная часть человечества - язычники - были совершенно лишены даров Святого Духа, а иудействе дары Святого Духа сообщались лишь некоторым, избравшимся на особенное служение, в христианстве же - каждый верующий сподобляется этих благодатных даров через таинства. Это и начало исполняться со дня Пятидесятницы. Для примера указываются здесь и некоторые проявления этих даров Святого Духа, как наиболее известных в Ветхом Завете: пророчества, видения, сновидения, как средства сообщения Божественного Откровения людям.

"Сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши... старцы ваши" - этим указывается, что Дух Святой изольется Своими дарами на всех без различия пола и возраста. Знаменательно выражение: *"на рабов Моих и на рабынь Моих"* - в подлиннике. В Ветхом Завете не было случая, чтобы рабы получали благодатные дары Святого Духа и пророчествовали - в Новом Завете оковы рабства будут разрушены, и Дух Святой будет изливать Свои дары на всех, без различия состояний, ибо в Царстве Христовом все равны пред Господом - все рабы Господа.

С этим предречением об обильном излиянии Святого Духа соединяется предречение об имеющем быть после сего суде над нечестивым миром и о спасении истинных поклонников Бога истинного. Знамения приближения этого последнего Страшного Суда Божия над человечеством: *"кровь, и огонь, и курение дыма."* Это - символы кровопролития, возмущений, войны, опустошений. С этим соединятся и знамения на небе: затмение солнца и кровавый вид луны. Все эти ужасы на образном языке священных писателей обозначают вообще все те великие бедствия в мире человеческом, которые явятся предвестниками суда Божия над миром. Все это произойдет, *"прежде нежели наступит День Господень великий и славный."* В Ветхом Завете под этим "днем" понимался "день Мессии," или вообще время Мессии, в Новом Завете - день суда Мессии над миром - день Страшного Суда.

От суда, однако, **"спасется"** тот, *"кто призовет имя Господне,"* конечно, не в это только время и не устами только. "Призовет не просто," поясняет святой Иоанн Златоуст, *"ибо не всякий, - говорит Христос, - говорящий Мне: Господи, Господи, войдет в Царство небесное, но призовет с усердием, при хорошей жизни, с должным дерзновением."* Разумеются здесь истинно верующие в Господа праведники.

Какое отношение имело это пророчество к событию дня Пятидесятницы?

Когда Апостол объяснял слушателям, что чудное событие, свидетелями которого они явились, есть исполнение ветхозаветного пророчества Иоилия, это само собой рождало мысль, что, следовательно, мессианское время уже **наступило, Мессия уже пришел**. Но где же Он и Кто Он? И вот в дальнейшей своей речи святой Апостол Петр начинает свое благовествование о Христе. Он возвещает слушателям, что Мессия явился в лице *"Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знаменами..."* Всем известные чудеса Христовы Апостол вспоминает, как доказательства Его мессианского достоинства. Однако, для иудеев того времени крест, понесенный Христом, был большим соблазном. Дабы устранить этот соблазн, святой Петр прибавляет, что предание и умерщвление Христово совершилось: *"по определенному совету и предведению Божию."*

Устраняя соблазн, что Бог мог быть распят и умереть, святой Апостол говорит о Христе, применительно к иудейским понятиям, как о Человеке, Сыне Давидове, а потому и выражается, что *"Бог воскресил Его,"* хотя Христос, как Сын Божий, воскрес Своєю собственной силой и властью (см. Иоан. 10:18). Говоря о воскресении Господа, святой Петр приводит убедительное для евреев свидетельство царя Давида из 15 псалма ст. 8-11. Псалмопевец изображает в этом псалме праведника, который говорит о своем внутреннем тесном общении с Богом и выражает радость о том, что это общение не будет прервано смертью, что душа его не останется во аде и самое тело его не подвергнется тлению, а будет наслаждаться полнотой жизни в Боге и радостью в общении с Ним. Апостол прямо указывает, что этого Давид не мог говорить о себе, так как *"он умер и погребен,"* как обыкновенный смертный человек, а что это Давид говорил *"о Нем,"* т.е. о Христе. Говорил он это, будучи пророком, в тесном смысле слова, или провидцем будущего, и зная, что Бог с клятвой обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его. Это действительно мы находим во 2 книге Царств 7:12-16. Тут Бог дал такое обетование Давиду о непоколебимости дома его и о вечности престола и царства его, которое могло исполниться, конечно, **только на Мессии**, имевшему произойти по плоти из рода Давидова. Давид тогда же так это и понял и прославил Бога песню в стихах 18-29. В 131 псалме говорится о том же предречении Господа Давиду, что из рода его произойдет Мессия, причем оно названо "клятвой": *"Клялся Господь Давиду в истине, и не отречется ее"* в смысле совершенной непреложности предрекаемого (Пс. 131:11).

"Он прежде сказал о воскресении Христа" - сказанное Давидом в 15 псалме ст. 10 исполнилось не на нем самом, а на потомке его по плоти Христе, ибо Христос, умерши плотию, сходил во ад с душой своей, но не остался там, а проповедав бывшим там духам об искуплении смертью Его всего человечества, снова оживотворил плоть Свою, *Которая не видела тления*, и воскрес из мертвых (см. 1 Петр. 3:18-19). Истину воскресения *"сего Иисуса"* святой Петр удостоверяет свидетельством всех верующих: *"чему все мы свидетели."*

Далее святой Петр свидетельствует и о Вознесении Христовом, результатом чего явилось и это изливание благодати Духа Святого на верующих. Как истину воскресения Христова святой Петр утвердил на пророчестве Давида, что особенно важно было для слушателей его иудеев, так и истину вознесения Господня он утверждает ссылкой на 1 ст. из 109 Псалма. Давид, как известно, сам не взошел на небеса, но говорит о Господе своем, что Бог посадил его одесную Себя: ясно, что Давид говорит; это не о себе, а о другом лице и именно - о Мессии Иисусе из Назарета, Который вознесся на небеса. Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни Сам приложил к Себе это пророчество (Мф. 22:42-

45), а святой Петр прилагает его ныне именно к вознесению Господа и седению Его одесную Отца.

В заключение Апостол делает практический вывод из всего сказанного: *"Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли"* - распятый ими Иисус и есть именно тот Мессия, о котором предсказывали ветхозаветные пророки.

"Которого вы распяли" - тут смелый и сильный оборот речи, которым Апостол хотел как бы острием поразить сердца слушателей: Бог так возвысил и возвеличил Его, а вы Его распяли. "Прекрасно этим заключил свое слово," говорит святой Иоанн Златоуст, "дабы чрез то потрясти их душу."

Речь святого Апостола Петра действительно возымела сильное действие на слушателей. Они *"умилились сердцем,"* то есть пришли в состояние сердечного сокрушения, представив себе ясно, как тяжело они согрешили пред Богом и Мессией. Богородивное слово Апостола, подтверждаемое поразительным событием, очевидцами которого они явились, решительно убедило их в мессианском достоинстве Иисуса Назорея, и они обратились к Петру и прочим Апостолам с вопросом, полным почтения, любви и доверия:

"Что нам делать, мужи братия?" то есть: что нам делать, дабы загладить наше преступление, получить прощение грехов и вступить в общение с отвергнутым Мессией?

Путь примирения с Богом святой Петр от лица всех Апостолов указывает не в каких-либо внешних делах ветхозаветной праведности, а в покаянии и крещении: *"покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа."* Здесь Апостол требует от Иудеев того же самого условия для вступления в Царство Мессии, которого требовали раньше и святой Иоанн Предтеча и Господь Иисус Христос, начиная Свою проповедь (см. Матф. 3:2 и 4:17). Первое и необходимейшее условие для этого - **покаяние**, то есть решимость коренным образом переменить свою жизнь, в частности для иудеев - отказ от иудейства и обращение к христианству. Второе условие - **крещение во Имя Иисуса Христа**. Слова эти не противоречат заповеди Самого Господа - крестить *"во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа"*: они обозначают только главное содержание веры и исповедания крестящихся - они должны уверовать во Христа, как Мессию и с этой верой приступать ко крещению. За эти два дела Апостол обещает им и два спасительных для них последствия: *прощение грехов и дар Святого Духа*. Спасение человека и совершается этим двояким путем: отложение ветхого человека с греховными деяниями его и облечение в нового - "новотворение" человека силой благодати Святого Духа.

"Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш" - обетование Божие, данное через пророка Иоиля об излинии Духа Святого принадлежит прежде всего иудеям, как избранному народу Божию, а затем и всем народам земли, т.е. язычникам, которых также призывает Господь в Свое Царство. Об этом святой Петр, впрочем, говорит прикровенно, называя язычников "дальними," чтобы мысль эта не показалась иудеям соблазнительной, так как они только себя считали достойными Царства Мессии.

"И другими многими словами.." - Деятели не все излагает, что говорил святой Петр своим слушателям, а передает лишь сущность всего сказанного в увещании: *"спасайтесь от рода сего развращенного,"* то есть стремитесь избежать того осуждения, которое

ожидает строптивых Иудеев, в ожесточенном упорстве своем, не желающих уверовать в Мессию Христа.

Суд над этим строптивым родом Иудейским совершился весьма скоро уже в 70 г. при разрушении Иерусалима римлянами. Иудеи, обратившиеся ко Христу, избегли ужасов этого страшного наказания Божия, постигшего строптивый род еврейский: они, помня наставления Господа (Матф. 24:15-16), заблаговременно бежали из Иерусалима. Это апостольское увещание относится, конечно, и ко всем верующим всех времен, которые всегда должны спасаться от мира, во зле лежащего, верой во Христа и добродетельной жизнью, чтобы избегнуть наказания Божия, ожидающего грешный мир.

Действие этого события - излияния Святого Духа на Апостолов и речь Апостола Петра было необыкновенно величественным: к первоначальному малому обществу христианскому *"присоединилось в тот день душ около трех тысяч,"* которые приняли святое крещение.

Первая христианская община (2:42-47).

Все вновь крестившиеся постоянно пребывали *"в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах"* - для крещения требовалась только искренняя сердечная вера во Христа и покаяние; научение же новой вере совершалось потом, постепенно - Апостолы научали присоединенных истинам новой для них веры. Все уверовавшие представляли собой как бы одну дружную семью: это братское их единение Деятели и выражает словом *"общение."*

Под *"преломлением хлеба"* обычно разумелось всякое вкушение пищи, но в книге Деяний оно имеет высший смысл: под ним надо понимать Таинство Евхаристии - принятие Тела и Крови Христовых. В Апостольской Церкви Евхаристия совершалась иногда даже вечером (Деян. 20:7-11), при чем к ней присоединялась трапеза, называвшаяся *"вечерею любви"* (*agapa*) или *"трапезой любви"* (Иуд. 12; I Кор. 11:20-34). Под *"молитвами"* здесь подразумеваются не молитвы в Иерусалимском храме, о чем речь идет ниже, а молитвы собственно-христианского характера по домам. Таким образом, в этих домашних собраниях первохристианской общины в Иерусалиме мы видим *начало христианского Богослужения*, которое состояло тогда из апостольских поучений, таинства Евхаристии и общих молитв. О пении здесь не упоминается, но так как пение было обычно при храмовом и синагогальном богослужении евреев, то несомненно этот обычай перешел и в богослужебные собрания первой христианской общины.

"Был же страх на всякой душе..." - этими словами обозначается то впечатление, какое было произведено событиями дня Пятидесятницы, особенно обращением ко Христу такого множества иудеев. Страхом были одержимы души неверующих, которые не могли не видеть во всем происшедшем перста Божия. Это чувство страха усиливалось еще тем, что много знамений совершалось через Апостолов.

"Все же верующие были вместе и имели всё общее" - взаимная любовь так связала всех уверовавших во Христа, что они *"были вместе,"* то есть находились в постоянном взаимообщении, жили как бы одной дружной семьей.

Это настроение первых христиан привело к обобществлению имущества верующих, конечно, не принудительному, как это мы видим в коммунизме, а совершенно добровольному, основанному единственно на братской любви к ближним и сострадательности к неимущим и нуждающимся. Здесь не было уничтожения прав

собственности, но имеющие собственность сами добровольно разделяли ее с неимущими: *"и продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого,"* то есть продавали свои недвижимые имущества и движимую собственность и делились с бедными или сами, или через Апостолов, отдавая вырученные от продажи имущества деньги в их распоряжение. Долго ли держалось в иерусалимской общине такое обобществление имущества, неизвестно: следы его скоро теряются из истории. Надо полагать, что недолго, ибо в многолюдном христианском обществе это было бы практически трудноосуществимо. В других общинах, основанных Апостолами, мы также этого уже не видим: в своих писаниях Апостолы только убеждали к христианской благотворительности и взаимной братской любви, но не учреждали общих касс. Лишь по временам собиралась милостыня для бедных церквей и передавалась Апостолами (Деян. 11:29-30; 1 Кор. 16:1).

"И каждый день единодушно пребывали в храме" - они ежедневно неопустительно посещали иудейское богослужение, совершавшееся в Иерусалимском храме. Христианство не составляло секты в иудействе, а осуществило конечную цель иудейской религии: привести всех ко Христу, было исполнением и совершением истинного иудаизма.

Все храмовое богослужение было основано на идее Мессии, а потому христиане могли молиться в Иерусалимском храме. Но так как христиане веровали в Мессию уже пришедшего, то у них естественно должно было постепенно выработаться свое богослужение, уже отличное от ветхозаветного иудейского. Начало ему и было положено совершением Таинства Евхаристии, которое в кн. Деяний называется *"преломлением хлеба."* Для этого первые христиане собирались в частных домах - *"по домом"* - где совершалась Евхаристия, соединенная с вечерней любовью. Общий характер этих христианских собраний характеризуется словами: *"в радости и в простоте сердца."* Это - плод живости веры и чистоты сердца, глубоко погруженного в новое начало духовной жизни, освящаемого обильными дарованиями Святого Духа.

Вследствие всего этого христиане являлись образцом истинного благочестия и для всего остального народа - неверующих во Христа; поэтому они пользовались любовью народа - *"имущие благодать у всех людей."* Это доброе мнение о христианах было причиной постепенного увеличения числа верующих. Это увеличение Деесписатель рассматривает, как дело Самого Господа, почему и выражается: *"Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви,"* то есть предназначенных Богом ко спасению.

Глава третья.

Чудесное исцеление святым Апостолом Петром хромого от рождения (1-11). Речь святого Апостола Петра по этому поводу с призывом к покаянию (12-26).

Исцеление хромого от рождения (3:1-11).

После общей характеристики жизни первой христианской общины в Иерусалиме, Деесписатель переходит к повествованию о частных событиях и, в первую очередь, рассказывает о чудесном событии исцеления хромого от рождения, которое повлекло за собой новое массовое обращение свидетелей этого чуда ко Христу.

Когда произошло это чудо, Деесписатель не указывает, но можно полагать, что не очень скоро после дня Пятидесятницы, так как после этого дается опять характеристика жизни первых христиан, сходная с первой, чего ненужно было бы делать, если бы чудо это произошло вскоре после Пятидесятницы.

"Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый" - как мы уже это видели, для первых христиан, не исключая и самих Апостолов, храм Иерусалимский продолжал оставаться святым местом, куда они по-прежнему в определенные для того часы собирались на молитву. Ко времени Христа Спасителя и Апостолов окончательно были установлены в храме троекратные общественные молитвы, которые были приурочены к часам **третьему, шестому и девятому**, что соответствовало нашим 9-ти часам утра, полудню и 3-м часам дня. Первый и последний совпадали с узаконенным утренним и вечерним жертвоприношением. Следы этой троекратной молитвы встречаются в иудейской истории давно: пророк Даниил в Вавилонском плену ежедневно трижды преклонял колена (Дан. 6:10); в одном из псалмов Давидовых указывается на молитву вечером, утром и в полдень (54:18).

"И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма" - хромому этому было уже лет более сорока (Деян. 4:22), почему чудо это особенно поразительно. Господь исцелил однажды слепого от рождения, святой Петр исцеляет хромого от рождения, чем сбывается обетование Господа, что верующий в Него сотворит такие же дела, какие Он Сам творил (Иоанн. 14:12).

Хромой сидел при дверях храма, называвшихся - "Красными." Это название, нигде больше не встречающееся, объясняется особенной красотой или великолепием этих ворот храма сравнительно с другими. Вероятно, это были главные восточные ворота, ведущие во двор язычников, которые и Флавий описывает, как самые красивые. По общераспространенному во все времена обычаю этот хромой просил милостыню у входящих в храм на молитву. Когда Апостолы Петр и Иоанн проходили перед ним, он и к ним обратился с обычной своей просьбой.

"Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас" - примечательно это взаимное напряжение взглядов между хромым и Апостолами: это было как бы взаимное приготовление к чуду. Апостолы всматривались в убогого полным Христовой любви и сострадания взглядом и привлечением на себя взгляда хромого хотели узнать, насколько он духовно восприимчив, а вместе с тем хотели заставить его внутренне сосредоточиться, возбудить в нем веру и надежду.

Как и в других случаях, от имени остальных, говорит Петр: *"серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи"* - этими словами Апостол прямо разрушает надежду хромого получить от него денежную милостыню, но зато вселяет в него надежду на получение иного - высшего дара, которого хромой, конечно, не мог ожидать. Примечательно, что Апостол говорит с полной уверенностью в возможности совершения чуда. Эта уверенность основана несомненно на тех обетованиях, которые дал Господь Своим Апостолам (Марк. 16:18; Лук. 9:1; Иоан. 14:12), а вместе с тем и на ощущении в себе необычайной силы Духа Святого, что Апостол и выражает словами: *"что имею."*

"Во Имя Иисуса Христа Назорея, встань и ходи" - Апостол совершает чудо Именем Господа Иисуса Христа, удостоверяя сим наглядно, что распятый и умерший Иисус жив и что Он есть "источник исцелений для людей." Для возбуждения еще большей энергии веры в хромом, Апостол берет его за руку и поднимает. Исцеленный пошел не домой, но в

храм, чтобы возблагодарить Бога за свое исцеление. Весь народ, собравшийся также на молитву в храм в этот вечерний час, узнав хорошо всем известного хромого, исполнился ужаса и изумления. Исцеленный же, в чувстве благодарности к исцелителям не отходил от Петра и Иоанна, громко прославляя Бога и, очевидно, и их. Это, конечно, привлекло к Апостолам и исцеленному общее внимание. Они находились в это время в обширной крытой галерее, через которую вели в храм красные ворота и которая называлась притвором Соломоновым.

По Флавию, из всех Соломоновых храмовых построек во время халдейского погрома при Навуходоносоре сохранились остатки только этого притвора, занимавшего восточную сторону, почему по возобновлении его и стали называть Соломоновым.

Речь Апостола Петра по поводу исцеления хромого (3:12-26).

Воспользовавшись громадным стечением народа и его изумлением перед совершившимся чудом, святой Апостол Петр обратился к нему с речью. Эта речь распадается на две части: в первой части святой Апостол Петр указывает народу истинного Виновника совершения этого чуда и цель его совершения, поясняя, что не они, Апостолы, совершили это чудо, но Бог для прославления Господа Иисуса, отвергнутого и умерщвленного Израилем; во второй части увещевает народ покаяться и обратиться ко Христу, чтобы получить оставление грехов и стать участником в обетованных пророками мессианских благословениях.

И в этой речи святой Апостол Петра, как и в первой его речи, главное место занимают свидетельства из Ветхого Завета, которыми Апостол доказывает мессианское достоинство Иисуса Христа.

"Что дивитесь сему?" - святой Апостол как будто порицает удивление народа. Это потому, что народ, быть может, смотрел на Апостолов, как на людей, наделенных какой-либо магической силой, или как на обладающих каким-нибудь особенным благочестием. Апостол отклоняет оба этих возможных предположения, желая подчеркнуть, что чудо совершено отнюдь не их собственной силой: он хочет представить единственно Христа, действующим через них. Как раньше Сам Господь все Свои дела относил ко Отцу Своему Небесному, так и Апостолы относят их теперь к Господу Иисусу Христу и Богу Отцу.

"Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали," вот истинная причина чуда: Бог этим чудом прославил Иисуса Христа, Которого вы предали на смерть. Апостол намеренно подчеркивает их вину, чтобы призвать их к покаянию.

"Просили даровать вам человека убийцу," то есть разбойника Варавву, *"а Начальника жизни,"* то есть Господа Иисуса Христа, *"убили."*

"Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели" - но Бог воскресил Его из мертвых и теперь прославил Его исцелением во Имя Его этого хромого.

"И ради веры во Имя Его" - вера во Имя Господа Иисуса и была силой, которая дала исцеление хромоте. Это выражение можно толковать трояким образом: 1) Исцеление произошло ради веры Апостолов, 2) Исцеление совершилось для того, чтобы свидетелей чуда привести к вере во Христа и 3) Ради веры хромого призвание Имени Иисусова исцелило его.

Представив слушателям их вину в отношении к Мессии, Апостол, желая склонить их к покаянию, смягчает тяжесть их вины, представляя дело убийства Иисуса, как дело **неведения** - "сделали это по неведению." С другой стороны, Апостол указывает, что дело это было predetermined в совете Божиим. "Если бы он обратил речь в обвинение," говорит святой Иоанн Златоуст, "он сделал бы их более упорными," а так он внушает им возможность получить прощение соделанного ими греха через покаяние:

"Итак покайтесь и обратитесь," ... "да придут времена отрады" ... то есть наступит то царство Мессии, о котором предсказывали ветхозаветные пророки.

"И да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа" - здесь речь о втором пришествии Христовом при кончине мира.

"Которого небо должно было принять" - выражение это означает пребывание Господа Иисуса Христа с прославленной плотью на небесах со времени вознесения до дня второго пришествия, которое названо по русски "временем совершения всего," а по гречески: "апокатастасис," что, собственно, значит: **восстановление**, в смысле восстановления правильных, истинных отношений, нарушенных чем-либо. Здесь имеется в виду то, что иудеи отвергли своего Мессию и тем разорвали завет свой с Богом, но, по пророческому созерцанию святого Апостола Павла (Рим. 11), в конце времен обратятся к вере во Христа, и "Бог помилует народ свой," как предсказывали об этом ветхозаветные пророки. Побуждая иудеев к покаянию, святой Петр приводит им особенно сильное пророчество Моисея:

"Господь Бог ваш воздвигнет вам Пророка, - "слушайте Его во всем" ... Это пророчество Моисея (Второзак. 18:18-19) вся древность, как иудейская, так и христианская, всегда относилась к Мессии.

"Вы сыны пророков и завета, который завещевал Бог..", вам, следовательно, принадлежат все эти обетования относительно царства Мессии и исполнение пророчеств о Нем. В этом святой Апостол поставляет последнее и сильнейшее побуждение к покаянию.

"И в семени твоём благословятся все племена земные" - это обетование Божие праотцу Иудеев Аврааму (Быт. 12:3; 18:18) должно исполниться: Мессия дарован не одним евреям, но всем народам земли. Однако, к евреям Бог "**первое**" послал "*Отрока Своего Иисуса,*" и в этом новое побуждение к покаянию. Во всей этой речи святого Апостола Петра, как и в первой его речи, мы видим старание святого Апостола показать своим слушателям, что христианство, проповедуемое им, отнюдь не находится в противоречии с ветхозаветным законом, а есть его продолжение и достойное завершение. Примечательна здесь осторожность и любовь Апостола к врагам Иисусовым: он говорит им правду, но спокойно, без раздражения, без горечи, стремясь расположить их к сожалению о соделанном преступлении и покаянию.

Глава четвертая.

Заключение святых Апостолов Петра и Иоанна в темницу и следствие речи Петровой (1-4). Допрос Апостолов в синагогоне, запрещение им проповедовать об имени Иисусове и отпуск их на свободу (5-22). Молитва Апостолов и ниспослание верующим благодати Святого Духа (23-31). Взаимная любовь членов первой христианской общины (32-37).

Заключение Апостолов Петра и Иоанна в темницу (4:1-4).

Раздраженные проповедью святого Петра священники, начальник стражи при храме и саддукеи схватили Апостолов и заключили их в темницу до утра, ибо наступил уже вечер.

Священники досадовали на то, что Апостолы, не имея, по их мнению, законного полномочия, учат народ, начальник стражи досадовал на то, что стечением народа нарушается благочиние, саддукеи же были раздражены тем, что Апостол учил о воскресении мертвых, которое они отвергали. Они прервали речь Апостола, *"возложив на них руки,"* конечно, не без распоряжения синедриона. Так как было уже поздно и спешить с созывом синедриона для суда над Апостолами не было большой надобности, то их посадили в темницу - *"отдали их под стражу"* - до утра. В то время как представители иудейской иерархии отнеслись к Апостолам так враждебно, простые люди так были увлечены речью Апостола, что уверовало великое множество - около пяти тысяч. Уверовали они, как подчеркивает Деятели, не ради собственно чуда, но убежденные словом Апостола. К этому подготовило их, вероятно, все то, что совершали Апостолы и до тех пор со дня Пятидесятницы, и вся необыкновенная жизнь первых христиан, стяжавшая им общее уважение и любовь.

Допрос Апостолов в синедрионе (4:5-22).

На следующий день собрался синедрион. Это, как видно, было формальное и полное собрание синедриона, так как дело Апостолов было сочтено важным. Тут заняли свои места и отставной первосвященник Анна, или Анан, и Каиафа, осудивший Господа Иисуса Христа, и еще неизвестные в истории Иоанн и Александр, члены рода первосвященнического, имевшие в то время, видно, силу в синедрионе, может быть, как родственники первосвященников.

Поставив обвиняемых *"посреди,"* как было в обычае (ср. Иоан. 8:3), их спрашивали: *"какою силою или каким именем,"* то есть чрез призывание какого имени, они сделали это. Члены синедриона, конечно, знали, что Апостолы совершили это чудо Именем Иисуса Христа, но им хотелось на собственном признании Апостолов основать обвинение их или в еретичестве и богохульстве, или в мятежных стремлениях, или, быть может, они рассчитывали, что Апостолы, испугавшись, отрекутся от сделанного ими.

"Тогда Петр, исполнившись Духа Святого, сказал им" - исполнился Духа Святого особенным образом для защиты правого дела, как это и обещал Господь Иисус Христос Своим ученикам прежде - см., напр., Матф. 10:19-20.

"Начальники народа и старейшины Израильские!" - начиная с почтительного обращения, святой Апостол Петр с особой силой, прямою и дерзновением отвечает на поставленный вопрос, тем не менее отдавая должное властям, хотя и недостойным.

"Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен" - дальнейшая условная форма речи Апостола тонко и остро указывает на несправедливость теперешнего суда над Апостолами. И в самом деле: они оказали благодеяние несчастному человеку: неужели за это следует судить их? Вместе с этим Апостол торжественно и дерзновенно свидетельствует перед всеми, что чудо действительно совершено и совершено притом *"именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых."*

Далее, ссылаясь на пророчество, которым однажды воспользовался в применении к Себе Сам Господь, именно псалма 117:22 (см. Матф. 21:42). Апостол называет Господа Иисуса Христа *"Он есть камень, пренебреженный вами строителями, но сделавшийся,"* тем не менее, *"главою угла,"* добавляя, что *"и нет ни в ком ином спасения."* Смысл этого тот, что распятый ими Иисус сделался краеугольным камнем нового здания Царства Божия на земле, и что только Его Именем можно получить спасение, так как Он один - Искупитель человечества от греха, проклятия и смерти.

Эти слова произвели столь сильное впечатление на членов синедриона, что те не знали, на что им решиться. Их поразила прежде всего необычайная смелость Петра, с какой он решительно исповедал Христа перед всем синедрионом и из положения обвиняемого перешел в положение обвинителя, изблотив их в убиении Христа. Члены синедриона удивлялись смелости и ораторству Апостолов. Видя, что те - люди *"некнижные и простые,"* узнавали в них Христовых учеников, и убеждались в том, что они продолжают столь ненавистное фарисействующим иудеям дело Христово. Вместе с тем присутствие исцеленного налагало печать молчания на уста судей: они ничего не могли сказать в опровержение действительности увиденного ими чуда. Поставленные в затруднение, они выслали Апостолов вон, чтобы наедине посоветоваться между собой о дальнейших мероприятиях против этих неприятных им чудотворцев. В результате всего того, что произошло за последнее время, начиная со дня воскресения Христова, ими овладела нерешительность. Возможно, что среди них были лица, подобные Иосифу Аримафейскому и Никодиму, а потому решение их было весьма мягким - запретить Апостолам проповедь о Господе Иисусе Христе: *"отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса."* Ясно, что это было распоряжение людей несколько растерявшихся.

"Какое безумие," говорит об этом святой Иоанн Златоуст, "зная, что Христос воскрес и имея в этом доказательство Его Божества, они надеялись своими кознями утаить славу Того, Кто не удержан был смертью. Что сравнится с этим безумием? И не удивляйся, что они опять замышляют дело несбыточное. Таково уже свойство злобы: она ни на что не смотрит, но везде бывает в замешательстве."

"Справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?" - с поразительным мужеством и смелостью отвечают на это запрещение Апостолы. При этом они прямо заявляют, что не могут не проповедовать о том, чему сами были свидетелями. Страх синедриона перед народом не дал возможности причинить Апостолам какое-либо зло: они были отпущены на свободу. Здесь мы видим очевидную нравственную победу Апостолов, но здесь же видны и грозные признаки предстоящих Апостолам и всем первым христианам гонений за веру. Ответ Апостолов синедриону дает нам указание, как поступать, когда земные власти требуют от нас чего-либо противного Закону Божьему и совести: ради угождения земным властителям нельзя идти против Закона Божьего и велений совести.

Молитва Апостолов и ниспослание Святого Духа (4:21-31).

Лишь только Апостолы были отпущены, *"они пришли к своим,"* то есть в дом, где пребывали в то время остальные Апостолы и некоторые из верующих, вероятно в молитве о благоприятном исходе дела. Рассказ Апостолов о происшедшем воодушевил всех, и все собрание, как один человек, обратилось к Богу с горячей молитвой.

Это - первая, дошедшая до нас христианская общественная молитва. В этой молитве они искали первого утешения и ободрения, предавая все дело в руки Божии и испрашивая у Бога лишь дерзновения в проповедании истины. В связи с высказанными синедрионом

угрозами, в основу молитвы положено псаломское изречение Давида, в котором последний с евангельской наглядностью изображает восстание против Мессии и в лице Его - против Самого Бога Отца: *"Востают цари земные, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его"* (Псал. 2:1-2). Это изречение молящиеся применяют к Мессии - Господу Иисусу Христу, на Которого подвиглись все в этом городе, то есть Иерусалиме, для того, чтобы - сами того не ведая - исполнить предопределенное в совете Божьем искупление человечества через убиение Сына Божьего. Дальнейший смысл молитвы, как выражает его святой Иоанн Златоуст: *"приведи все это к концу и покажи, что они замыслили тщетно,"* то есть, что невозможно остановить благовестие о распятом и воскресшем Мессии. Закljučают они молитву не прошением об избавлении от страданий, а только просьбой о даровании им *смелости и дерзновения* проповедовать о Христе, подкрепляя эту проповедь *знамениями и чудесами*.

На молитву горячей веры Бог ответил чудесным знамением: *"поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого."* Это чудесное колебание места было символическим выражением всемогущей силы Господа, которая не оставит их беспомощными и беззащитными перед лицом врагов. Молитва их была тотчас же исполнена: сподобившись особого подъема от Духа Святого, они стали безбоязненно смотреть на предстоящий им путь страданий за Христа и ощутили себя сильными и способными дерзновенно проповедовать Слово Божье.

Взаимная любовь среди христиан (4:32-37).

Число членов христианской общины, после великого чуда исцеления хромого, увеличилось больше, чем вдвое, и потому Деяписатель счел нужным вновь дать характеристику жизни этого умножившегося общества, дабы показать, что внутреннее его состояние осталось таким же: сохранялось полное единодушие и взаимная братская любовь. Сохранялось и обобществление имущества, в силу чего никто ничего не называл своим.

Апостолы же с особой великой силой проповедовали *о воскресении Христовом*. Это не значит, что они проповедовали только об этом, но что *воскресение Христово*, как *основание христианской веры* (1 Кор. 15:14), было основанием и средоточным пунктом всей апостольской проповеди. Среди первых христиан не было никого нуждающегося, потому что владевшие землями или домами, по доброй воле своей, продавали их и приносили цену проданного Апостолам, которые из составлявшейся таким образом общей кассы, помогали нуждающимся.

Примером такого бескорыстия указывается Иосия Кипрянин, прозванный *Варнавою*, что значит *"сын утешения,"* вероятно за особенный дар утешительной речи. Характерно, что он был левит, то есть из сословия служителей храма, особенно враждебно относившихся к Господу Иисусу Христу. Вероятно, он продал участок земли в Палестине, которыми обычно владели все священники и левиты, как видно из примера пророка Иеремии (32:7 и далее). Это был тот самый Варнава - спутник святого Апостола Павла, хорошо известный в истории первохристианства, о котором далее много повествует кн. Деяний.

Глава пятая.

История Анании и Сапфиры, утаивших часть денег за проданное имение (стихи 1-11). Чудеса, совершившиеся Апостолами и новое гонение синедриона на Апостолов: заключение их в темницу, освобождение их ангелом, проповедь во храме, ответ перед синедрионом, совет Гамалиила и отпуск Апостолов на свободу после нанесенного им бесчестия (стихи 12-42).

История Анании и Сапфиры (5:1-11).

После похвального примера Варнавы, Деяписатель приводит противоположный пример нравственного падения в этом идеальном первохристианском обществе. Некоторые муж и жена, по имени, Анания и Сапфира, продав имение, утаили из вырученной от продажи цены и лишь некоторую часть принесли в общую кассу к Апостолам, сказав, что принесенное ими - все, что было выручено за проданное (видно из стиха 8-го). В этом поступке выразилось не только их своекорыстие, но и намеренная, сознательная ложь, а главное - фарисейское лицемерие. Они хотели представиться такими же самоотверженными, как и другие, не будучи таковыми. Это было первое темное пятно на светлом фоне святого общества первых христиан, а потому такой поступок не мог остаться без самого строгого наказания на вразумление всем. Святой Апостол Петр узнал об этой лжи, без сомнения, по наитию исполнявшего его Духа Святого и прямо указал Анании на совершенный им грех, назвав его делом отца лжи - сатаны:

"Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому?" Действие сатаны на Ананию святой Петр выражает почти в тех же словах, как Евангелист Иоанн действие сатаны на Иуду предателя (Иоан. 12:6). Из этого уже видна опасность поступка Анании и Сапфиры для всего первохристианского общества, если бы это действие не было обнаружено святой Петром и не прекращено в самом начале решительным искоренением зла из среды первых христиан.

"Чем ты владел, не твое ли было?" спрашивает Апостол Ананию. Очевидно, что обобществление имущества отнюдь не было принудительным и внешне обязательным, но вполне добровольным. Грех Анании был именно в совершенном им обмане - в том, что часть вырученной им за продажу имения суммы он хотел представить, как всю сумму.

"Ты солгал не человекам, а Богу" - это выражение ясно указывает на Божественное Существо Духа Святого и на Его личность. Такое суждение показало Анании всю глубину его нравственного падения, которой он, быть может, не замечал.

"Услышав сии слова, Анания пал бездыханен;" - это было непосредственное наказание Божье преступнику за его тяжкий грех против Духа Святого. Тяжесть этого наказания объясняется опасностью, которая грозила от этого Иудина греха всему первому христианскому обществу. Один грешник представляет большую опасность для других, как человек, от которого другие могут заразиться его болезнью.

"Разве вы не знаете, что малая закваска квасит все тесто?" (1 Кор. 5:6). Это апостольское изречение объясняет нам строгость суда над Ананией. Грех Анании мог быть опасен для целого общества, а потому этот гнилой член немедленно отсекается в страхе и поучение другим, чтобы кто-нибудь не вздумал взять с него пример.

"И великий страх объял всех, слышавших это" - вероятно все это произошло в общем, быть может, даже богослужебном собрании, и такая явная казнь Божия не могла не потрясти всех.

"И встав, юноши приготовили его к погребению" - вероятно, это были молодые служители, исполнявшие разные поручения, как было и в синагогах.

"И, вынеся, похоронили" - тотчас же вынесли труп за город, где обычно погребали умерших, и похоронили его там.

Жена Анании ничего не знала о происшедшем, а когда часа через три пришла, святой Петр уличил и ее в обмане и сговоре с мужем. Желая дать ей возможность оправдаться и раскаяться, святой Апостол спросил ее, за сколько они продали землю, но и она повторила ложь своего мужа.

"Но Петр сказал ей: что это согласились вы искутить Духа Господня?" В этот момент возвратились юноши, похоронившие ее мужа, и святой Петр воспользовался этим, чтобы и ей изречь ту же казнь, которая постигла ее мужа: *"и тебя вынесут."* И она тотчас же упала у ног его и испустила дух.

"И великий страх объял всю Церковь." Примечательно, что здесь впервые Дееписатель называет общество первых христиан *"Церковью,"* по-гречески: *"Экклисиа."*

Новое гонение на Апостолов (5:12-42).

Окончив повествование о событиях внутренней жизни Церкви, Дееписатель опять дает характеристику тогдашнего состояния христианского общества. Для этого состояния характерно множество знамений и чудес, совершавшихся Апостолами *"в людях,"* то есть, по-видимому, среди неверующего народа, для привлечения его к вере во Христа, а также - единодушие между всеми христианами. Все верующие во Христа даже при посещении храма держались там вместе, одной сплоченной массой. Таким местом был *"притвор Соломонов"* - крытая галерея при Главном входе в храм, очевидно удобная для христиан, по своей значительной величине. Чувство некоторого страха и высокого почтения к христианам делало то, что все держались от них в некотором почтительном отдалении.

"Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их," то есть народ прославлял их, ценя очевидно их высокие религиозно-нравственные качества.

Далее говорится, что число верующих во Христа, как мужчин, так и женщин, все более и более увеличивалось. Особенно поразительны были чудеса исцелений болящих, причем, как прежде даже одно прикосновение к одежде Христовой давало исцеление, так теперь исцеляла даже тень проходящего Петра. Буквально исполнились слова Христовы на Апостолах : *"верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит"* (Иоан. 14:12).

Громадный успех Апостольской деятельности вызвал новое гонение против Апостолов со стороны иудейских властей. Как раньше они воспылали ненавистью против Господа *по зависти,* так и теперь, по слову Дееписателя *"первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти."* Под "архиереем," или первосвященником здесь надо понимать Каиафу, который тогда был правящим. Религиозно-нравственное разложение в этом высшем иудейском обществе было тогда так велико, что нет ничего удивительного в том, что и сам первосвященник принадлежал к саддукейской ереси, отвергавшей существование души и воскресение мертвых. Иосиф Флавий прямо говорит, что один сын Анана, или Анны, тестя Каиафы, был саддукеем. Может быть, Каиафа не открыто принадлежал к этой секте, а тайно разделял ее воззрения.

На этот раз с Апостолами поступили более сурово, замышляя даже умертвить их (ст. 33): *"заключили их в народную темницу,"* то есть их заключили, как преступников.

"Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы.".. чем сильнее становится преследование новоустраиваемой Церкви, тем явственнее чудесная помощь Божья гонимым. По повелению Ангела, Апостолы сейчас же по освобождении их из темницы, безбоязненно начинают проповедовать открыто в храме. Замечательная смелость и мужество, которые ничем объяснить нельзя, как только укреплявшей естественные силы Апостолов благодатью Святого Духа, делавшей их безбоязненными. Тогда Апостолы были приведены на суд в синедрион, но, как подчеркивает Деятели, *"не с нуждою,"* то есть без принуждения, из опасения, чтобы народ не вступился за них и не вышло бы побоища: столь велико, следовательно, было сочувствие народа Апостолам.

"Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем?" - допрос начинается формальным обвинением первосвященника. Характерно, что об освобождении Апостолов из темницы - ни слова. Очевидно судьи догадывались о чуде, но намеренно игнорировали его.

"Хотите навести на нас кровь Того Человека" - желаете представить нас достойными кары Божьей за пролитую кровь человека того, как невинно-убитого. Они словно забыли, как сами кричали: *"Кровь Его на нас и на детях наших"* (Матф. 27:25). В словах первосвященника как будто слышен голос упрекающей совести, сознание собственной действительной виновности или, по крайней мере, тяжелое томительное чувство ложного положения представителей народных в отношении ко всему этому делу.

"Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам" - опять Петр от лица всех Апостолов говорит то же самое, что было сказано и в первый раз на предшествующем заседании синедриона; только еще сильнее и решительнее: *"должно повиноваться больше Богу, нежели человекам"* и далее с силой свидетельствует о Божестве Христовом, почти в тех же самых выражениях, что и раньше, подчеркивая виновность иудеев в убиении посланного к ним Мессии.

"Которого вы умертвили, повесив на древе" - эти слова подчеркивают личную виновность членов синедриона, ибо с понятием повешения на древе соединяется понятие проклятия (см. Гал. 3:13). Защита в устах Петра переходит в страшное для Иудеев обвинение, и члены синедриона *"разрывались"* - разрывались от гнева, *"и умышляли умертвить их."* Этот злой замысел был предотвращен мудрым советом уважаемого всеми члена синедриона, фарисея и законоучителя *Гамалиила*. По Талмуду это - знаменитейший раввин еврейский, сын равви Симеона и внук знаменитейшего равви *Гиллела*. Он был учителем Апостола Павла (22:3) и, как говорит предание, сделался впоследствии христианином и проповедником Евангелия. Православная Церковь считает его равноапостольным, празднуя память его 4 января и 2 августа.

Гамалиил стал советовать, прежде чем принять жестокие меры против учеников Христовых, *"подумать,"* то есть быть осмотрительными. Мысль его та, что христианство надо предоставить естественному течению вещей в уверенности, что если оно дело не Божье, то разрушится само собой. В доказательство Гамалиил указал на два очень недавних события: двое фанатических обманщиков народа Февда и Иуда Галилеянин погибли без всякого вмешательства синедриона, а с ними погибло и их дело.

Из рассказа Иосифа Флавия мы знаем, что некий Иуда Гавлонитянин, называемый также Галилеянином, поднял восстание против римлян в 6 г. по Р. Хр., когда Имп. Август, низложив Архелая, обратил Иудею в римскую провинцию и повелел произвести перепись,

которая должна была служить основанием для взимания податей. Восстание было продолжительное и кровавое, но было подавлено римлянами. Последователи Иуды, известные под названием "зелотов" ("ревнителей") принимали потом участие в войне против Веспасиана и Тита. Февда был ложный пророк, призывавший иудеев к свободе во время прокуратора Фада в 44 г. по Р. Хр. Все его скопище было рассеяно римскими войсками, а сам он убит. Но по-видимому, здесь идет речь о каком-то другом Февде, ибо едва ли Гамалиил мог говорить о том Февде, поскольку он жил позже, явившись лишь после смерти царя Агриппы, о которой рассказано только в 12-ой главе Книги Деяний. Гамалиил высказывает мудрую мысль, что дела человеческие - человеческого происхождения и характера, с человеческими только стремлениями и целями, на которые нет воли и благословения Божия, погибают сами собой, ибо, как греховные, носят начатки разрушения в самих себе.

"А если от Бога" это дело, то есть если есть воля Божья и благословение Божье на этом деле, то есть на христианстве, то вы *"не можете разрушить его,"* - ибо против всемогущей силы Божьей людям бороться бесполезно, а к тому же таким образом можно впасть в тяжкий грех богоборчества. Надобно, таким образом, по мысли Гамалиила, выждать время, что оно покажет.

Для нас интересно знать мотивы совета Гамалиила. Древние думали, что он сам тайно был расположен к христианству. В новейшее время хотят видеть в совете Гамалиила простое безразличие к христианству, индифферентизм, но это, конечно, взгляд неверный: бессмысленна была бы тогда угроза, которой закончил свой совет Гамалиил: *"берегитесь, чтобы вам не оказаться и Богопротивниками,"* точнее в греческом значении - *"Богоборцами."* Так мог говорить только человек, несомненно расположенный к христианству, уже видевший в нем силу Божью.

Речь Гамалиила, по внешней форме вполне беспристрастная, произвела на членов синедриона такое впечатление, что они согласились с нею, но не вполне: они *били* Апостолов и, снова запретив им проповедовать, отпустили их. Бичевание, перенесенное Апостолами, было первое поругание, которое они претерпели за своего Возлюбленного Учителя, и они с радостью приняли это бесчестие. Несмотря на запрещение, они продолжали проповедовать.

Глава шестая.

Избрание семи диаконов (ст. 1-6). Проповедь архидиакона Стефана (ст. 7-15).

Избрание семи диаконов (6:1-6).

"В эти дни" - выражение, хотя и неопределенное, но указывающее на относительную близость события от ближайшего предшествующего, о коем шла речь перед тем. После новой нравственной победы Церкви над врагами, число христиан продолжало все более и более умножаться.

Но в это время обнаружилось внутреннее нестроение в недрах самого христианского общества и притом весьма важное, ибо указывало на внутреннее разделение и несогласие членов общества: *"произошел у Эллинистов ропот,"* то есть взаимное неудовольствие между *"Эллинистами"* и *"Евреями."* "Эллинистами" назывались иудеи, жившие в разных

странах языческого мира и говорившие на очень распространенном тогда повсюду в Империи греческом языке. Под это общее название подходили иногда и прозелиты, то есть принявшие иудейство язычники. Под именем "Евреев" здесь понимаются христиане из числа палестинских иудеев, живших в своей родной земле и говоривших на еврейском языке. Из общей денежной кассы, бывшей в распоряжении Апостолов, каждый нуждающийся получал то, что ему было нужно для пропитания и вообще ежегодного содержания. Эллинистам показалось, что вдовы их при этом пренебрегаются. Откуда происходило это пренебрежение, трудно сказать. Святой Иоанн Златоуст предполагает, что не от недоброжелательства, но от невнимательности по причине многолюдства. Может быть, причиной было и высокомерие евреев, с каковым они относились к эллинистам, носившим на себе невольно отпечаток той языческой среды, в которой им приходилось жить. Этого различия двух разнородных частей первого христианского общества не мог, как видно, сгладить даже высокий дух христианства. Страдали от этого именно вдовы, как беззащитные, за которых некому было заступиться.

Так как это взаимное неудовольствие грозило большой опасностью первохристианскому обществу, Апостолы приняли самые решительные меры для пресечения зла. Созвав, по видимому, все христианское иерусалимское общество ("*множество учеников*"), Апостолы предложили устранить это нестроение.

"Нехорошо нам, оставив слово Божие, пеицись о столах," сказали они. Главное дело Апостолов - проповедь Слова Божьего, довольствование же бедных пищей телесной они могут без всякого ущерба для дела предоставить другим. Поэтому они предлагают на эту службу выбрать особых лиц, семерых (семь - священное число), исполненных Духа Святого, так как Служение бедным не есть служение исключительно телесным потребностям, но и духовным их нуждам. Им нужна и "*мудрость,*" дабы исполнять свое служение мудро, умно, практично, целесообразно.

"А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова" - это главная обязанность высших служителей Церкви. Предложение Апостолов было принято с удовлетворением, ибо примиряло начавшееся было разделение и неудовольствие. Было избрано семеро мужей. Из них особенно прославился **Стефан**, вскоре ставший первомучеником за Христа. За ним следует **Филипп**, также упоминаемый в Деяниях. Об остальных пяти сохранилось только церковное предание: **Прохор** был сначала спутником Апостола Петра, а потом спутником и писцом святого Иоанна Богослова, Епископом Никомидии и скончался мученически в Антиохии. **Никанор** убит иудеями в день убиения Архидиакона Стефана. **Тимон** был Епископом в Аравии и скончался мученически. **Пармен** скончался перед глазами Апостолов и погребен ими. **Николай** был прозелит, живший во Иерусалиме. Избрание прозелита было сделано с целью удовлетворить эллинистов. Но он, кажется, не удержался на высоте своего служения, ибо имя его не вписано в числе святых. Апостолы возложили на избранных, помолившись, свои руки и низвели на них благодать Святого Духа. Это было действие посвящения их. Так как среди избранных диаконов (от греческого слова "**диакония**," что значит: "служение") нет носящих еврейские имена, то предполагают, что все семеро или, по крайней мере трое - **Стефан, Филипп и Николай** - были эллинистами. Здесь обыкновенно видят установление третьей степени священства - диаконской. Во всяком случае, из дальнейшего повествования совершенно очевидно, что эти первые диаконы не были только простыми казначеями первого христианского общества. На них были возложены и другие высшие обязанности - сотрудничество с Апостолами в деле проповеди Слова Божьего и устройства Церкви: мы видим далее, что они не только проповедовали, но и крестили (6:8-10; 8:5; 8:38).

"Слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось в Иерусалиме" -избранные, видимо, оправдали доверие общества и умиротворили его - сила апостольской проповеди была так велика, что даже из священников многие уверовали. Выражение *"покорились вере"* указывает на силу проповеди, сломившей их упорство. Это была решительная нравственная победа христианства над иудейством.

Избрание диаконов отнюдь не свидетельствует о демократическом выборном начале в Церкви. Из книги Деяний ясно видно, что Апостолы сами всем распоряжаются по своей воле и своему усмотрению: они не связаны в своих действиях волей верующих.

Проповедь архидиакона Стефана (6:7-15).

Апостольская деятельность и мученическая кончина архидиакона и первомученика Стефана имели такое важное значение в жизни первохристианской Церкви, что Деяния повествуют о них с большой подробностью.

Сначала Деяния характеризует личность Стефана, как мужа, *исполненного веры и силы*, говоря о нем, что он *совершал великие чудеса и знамения в народе*. Видимо, среди всех 7-ми диаконов он выделялся обилием Божественных благодатных даров. Он искал везде израильтян, пришедших из чужих стран, чтобы обращать их к вере во Христа, а для этого посещал их синагоги.

По свидетельству Талмуда, в Иерусалиме было 480 синагог. Кажется, каждая иноземная страна или даже каждый большой город, где жили в значительном числе иудеи, содержали в Иерусалиме свою синагогу для того, чтобы их могли посещать приходящие в Иерусалим на богомолье. Это были для соотечественников центры единения. Поэтому Деяния и говорит о синагоге Асийцев, то есть иудеев, уроженцев западной стороны Малой Азии; о синагоге киликийцев, ибо главный город Киликии -Тарс имел большую иудейскую колонию; о синагоге Александрийцев, ибо два из пяти кварталов роскошной столицы Египта были сплошь Иудейские; о синагоге Киринейцев, ибо четвертая часть Кирены была иудейская; о синагоге Либертинцев, или освобожденных римских граждан, то есть иудеев, отведенных в Рим, в качестве рабов или рожденных в Риме в рабстве, но отпущенных на свободу своими господами.

Видимо, сам Стефан, как показывает его имя и речь, был эллинистом, а потому он и проповедовал в синагогах эллинистов. Но он встретил противодействие: с ним вступили в споры. Однако, не будучи в состоянии *"противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил,"* противники Стефана научили некоторых оклеветать его, якобы он произносил хульные слова на Моисея и на Бога. **Примечательно, что им удалось возбудить народ, который до сих пор был так расположен к Апостолам и христианам вообще.** В этом сказалась хитрость врагов христианства, которые боялись сами преследовать Апостолов официальным путем, а решили действовать против них через народные массы, вызвав в них негодование против христиан, якобы богохульствующих. **Как при судебном обвинении Самого Господа, так и тут народ легкомысленно поверил этой клевете.**

Стефан был схвачен и приведен на суд в синедрион, который, как видно, очень быстро собрался на чрезвычайное заседание. Как при суде над Господом, так и тут были представлены ложные свидетели, извращавшие слова Стефана. Вероятно, Стефан говорил, а может быть, только намекал на прекращение Ветхого Завета с приходом Мессии-Христа, а лжесвидетели вложили в эти слова Стефана совсем другой смысл, обвиняя его в том, будто он говорил, что *"Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей."*

"Разрушит место сие," то есть храм - это то же уголовное преступление, в котором обвиняли и Самого Господа. Естественно, что взоры всех были направлены на этого обвиняемого в столь тяжких преступлениях христианина. Но в лице его они не видели ни страха, ни уныния, ни враждебного выражения: лицо его было похоже на лицо Ангела. Без сомнения, в этот решительный и торжественный момент он сподобился особенного озарения от Святого Духа, что преобразило и его внешний вид, сделав его ангелоподобным.

Глава Седьмая.

Суд над архидиаконом Стефаном и его мученическая смерть.

"Так ли это?" - спросил первосвященник Стефана: признает ли себя Стефан виновным в возведенном на него обвинении. В ответ на этот вопрос Стефан произнес длинную защитительную речь, в которой сделал краткий обзор истории еврейского народа от Авраама до Соломона и в заключение произнес ряд обличительных слов против своих неправедных судей. Главная цель этой речи - обратить против еврейского народа предъявленное ему обвинение в нечестии.

Сущность всей речи заключается в стихах 51-53: Стефан как бы так хочет сказать - не как хулиатель Бога, закона и храма предстою я здесь обвиняемый, но как жертва вашего противления Богу и Мессии, противления, которое вы наследовали от отцов ваших. Я верую в истинного Бога и свято чту Его закон, но вы всегда противились Богу и Его закону, а потому и судите меня. Чтобы яснее представить все это, Стефан заставляет говорить за себя историю и притом со всем спокойствием и обстоятельностью. Он начинает с родоначальника евреев Авраама, переходит далее к его ближайшим потомкам, праотцам еврейского народа, и уже здесь показывает их противление Богу в истории праведного Иосифа, который, однако, по промыслу Божию, оказался спасителем всего рода. С целью оправдаться от обвинения в хуле на Моисея, Стефан особенно подробно останавливается на истории этого великого законодателя евреев, подчеркивая свое глубокое к нему уважение и вместе с тем указывая в истории его часто повторявшиеся выражения противления народа ему (ст. 27 до 39).

От скинии завета Стефан переходит к устройению Соломоном храма. Подтвердив свое воззрение на храм изречением пророка (Исаии 66:1-2), Стефан переходит к смелому изобличению своих неправедных судей, указывая им их тягчайший грех против Мессии и Бога. Члены синедриона раздражились этим обличением до последней степени, а когда Стефан сказал им о своем видении прославленного Господа, в крайнем озлоблении против него побили его камнями. - Вся эта величественная речь, вероятно, была воспроизведена каким-либо тайным приверженцем христианства, вроде Никодима или Гамалиила, а потому и смогла быть записанной Деяниями.

"Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран" - здесь как будто противоречие повествованию кн. Бытия, ибо по кн. Бытия 11:31-32; 12:1, Господь явился Аврааму уже в Харране. Но по свидетельству Филона и Флавия, иудеи, на основании предания, веровали, что первое явление Бога Аврааму было еще в Уре Халдейском, до переселения в Харран, что именно вследствие этого явления, отец Авраама Фарра вместе со всем семейством отправился из Ура в Ханаан, но по дороге в Харран умер, и тогда Господь вновь явился там Аврааму, повторив данное еще в Уре повеление отправиться в землю Ханаанскую. Это предание имеет подтверждение себе

далее в кн. Бытия 15:7, где Господь говорит: *"Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского."* Это же подтверждается и местом книги Неемии 9:7.

"И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги" - хотя Авраам и пришел в Ханаанскую землю, или Палестину, по повелению Божьему, но он не имел там наследственной поземельной собственности. Это видно и из того, что он должен был купить поле и пещеру у туземцев для погребения Сарры (Быт. 23 гл.). Стефан указывает, что дарование Аврааму, как потомства, так и земли Обетованной находилось всецело только в воле Божьей. Рабство Египетское продолжалось точно 430 лет, - Стефан же только округляет это число. Выражение *"дал ему завет обрезания"* употреблено с тем, дабы показать, что заключение завета было свободным действием Бога, даром Его Аврааму и его потомству, что Бог не связывается этим заветом, но и после него творит только Ему удобное. "Патриархами" называются далее дети Иакова, как родоначальники двенадцати колен Израилевых.

"По зависти, продали Иосифа" - не без особенного намерения указывает Стефан на эту черту зависти: он желает указать, что это же злое чувство было причиной распятия Господа Иисуса Христа, прообразом Которого явился проданный братьями Иосиф. Дальнейшее повествование Стефана об Иосифе целиком основывается на свидетельствах кн. Бытия, так же как и повествование о Моисее из книги Исход.

О том, что Моисей *"научен был всей премудрости египетской,"* ничего не говорится в священных книгах Ветхого Завета, но об этом говорит предание, записанное Филоном, да и нет ничего удивительного, что Моисей, воспитывавшийся в качестве сына дочерью фараона, получил самое высшее и многостороннее египетское образование. Это образование состояло тогда, главным образом, в изучении естественных наук и магии, астрономии, медицины и математики. Вся эта внешняя мудрость должна была стать у Моисея орудием в деле его великого служения истине Божьей. Выражение *"и был силен в словах"* не противоречит свидетельству Моисея о себе, что он неречистый и косноязычный (Исх. 4:10). Может быть, он был заика, но это не препятствовало его речи отличаться той внутренней силой, которая выражает собой сильный дух человека.

Указание Стефана, что Моисею было 40 лет, когда он вступился за обижаемого еврея, основано на предании, что 120-летняя жизнь Моисея разделяется на три периода по 40 лет каждый: 40 лет при дворе фараона, 40 лет в стране Мадямской (Исх. 7:7) и 40 лет в пустыне с евреями по дороге в Обетованную землю. Убийство Моисеем египтянина Стефан представляет, как предзнаменование освобождения всего народа от рабства египтян, чего евреи не поняли по недостатку веры в Бога. Далее о бегстве Моисея в страну Мадямскую и о явлении ему Бога через 40 лет в купине неопалимой Стефан рассказывает, следуя повествованию книги Исход. Как и Моисей, он называет явившегося в купине *"Ангел Господень"* (Исх.3:2) под которым древние всегда понимали "Великого Совета Ангела," (Исаия по переводу 70-ти) Слово Божье, или Второе Лицо Пресвятой Троицы.

Далее Стефан начинает сильными чертами изображать величие Моисея, как избавителя, чудотворца, пророка, законодателя и посредника между Богом и еврейским народом, указывая при этом на непослушание, которое проявлял еврейский народ по отношению к Моисею и Богу. Факт, что один из дравшихся евреев грубо оттолкнул Моисея с укорительными словами: *"кто тебя поставил начальником и судьей над нами?"* Стефан обобщает, относя его к целому народу в том смысле, что слова одного были выражением **неблагонадежного и жестокого направления духа целого народа.** Сего, отвергнутого народом, Бог, однако, поставил не только начальником и судьей, но и

избавителем. Стефан представляет здесь Моисея прообразом Мессии, Которого также отвергли евреи.

Стефан приводит далее пророчество Моисея, в котором он указывает на имеющего придти Мессию, прообразом Которого он является (Второзак. 18:15). Вспоминая Синайское законодательство, Стефан говорит, что Моисей получил заповеди Божии через Ангела, говорившего с ним. В кн. Исход изречение закона Моисею приписывается Самому Господу, но Флавий приписывает это Ангелу, что согласно и со словами святого Апостола Павла в Гал. 3:19 и в Евр. 2:2. Может быть, здесь имеется в виду опять "Ангел Господень," то есть Второе лицо Пресвятой Троицы. Ложные свидетели утверждали, что Стефан не перестает говорить хульные слова на закон, - Стефан же здесь восхваляет закон, называя его "*живыми словами*" - такими, в которых заключается действующая живая сила.

Далее Стефан укоряет евреев за непослушание их Моисею, напоминает о том, как они жалели об оставлении Египта, как сделали себе золотого тельца, в чем видно влияние египетского язычества, обоготворявшего быка Аписа. Стефан ссылаясь на пророка Амоса (5:25-26), укоряет затем евреев, что во время сорокалетнего странствования по пустыне они служили "*воинству небесному,*" то есть поклонялись солнцу, луне и звездам. Он прямо называет имена языческих Божеств, которым поклонялись в пустыне евреи, отступая от служения истинному Богу. Это - Молох - сирский и ханаанский идол, под именем которого обоготворялось солнце, как плодотворное начало жизни на земле, и Ремфан, или Рефан - коптское название обоготворявшейся арабами, финикийцами и египтянами планеты Сатурн, как символа времени. Далее Стефан оправдывает себя от обвинения в том, что он не переставал говорить хульные слова на "*святое место сие,*" то есть на храм. Он говорит о святости скинии, а затем о построении Соломоном храма. "*Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет,*" говорит далее Стефан и приводит слова пророка Исаии (66:1 и далее) о том, что Бог вездесущ и не ограничивается храмом. Этим пророческим изречением Стефан разбивает заблуждение отживающего иудейства, будто Иерусалимский храм есть единственно-возможное место истинного Богопочитания. Это то же, что сказал Христос самарянке: "*Поверь Мне, что наступит время, когда и не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу*" (Иоан. 4:21-23).

Вслед за тем с 51 стиха Стефан изменяет тон защищающегося на тон обвиняющего своих неправедных судей: с одушевлением пророка он указывает этим представителям еврейского народа на их нечестие, выразившееся в том, что они сделали *предателями и убийцами* пришедшего к ним *Праведного*, предвозвещенного пророками, то есть Мессии. Он называет их, как это делали и древние пророки, "*жестоковейными,*" то есть непокорными, упорными и своевольными, а также людьми *с необрезанным сердцем и ушами*. Это было особенно обидно, ибо иудеи тщеславились своим обрезанием, а в понятии необрезания заключалось понятие нечистоты и язычества. Стефан напоминает им о том, как они *всегда противились Духу Святому*, что выражалось в постоянном избиении евреями посланных к ним Богом пророков, и укоряет их в неисполнении закона.

"*Рвались сердцами своими*" от гнева и "*скрежетали на него зубами*" они, слушая столь сильные обличения. Стефан же, объятый Духом Святым, возводит очи свои к небу и видит "*славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога,*" о чем сейчас же и говорит вслух, как смелый исповедник, называя Иисуса тем именем, которое Он Сам любил употреблять, - "*Сыном Человеческим,*" в согласии с общеизвестным пророчеством Даниила 7:13-14.

Это довело ярость присутствующих до последней степени. Они увидели в этом Богохульство, и, затыкая уши свои, чтобы не слушать его, устремились на исповедника и, выведя за город, стали побивать его камнями.

Убийство архидиакона Стефана было своеволием возмущенных фанатиков, так как мы не видим, чтобы синедрионом формально был произнесен смертный приговор, на который требовалось к тому же утверждение римских властей. Синедрион, однако, несомненно сочувствовал этому и наверное даже подстрекал фанатиков. Римский гарнизон, обычно небольшой в Иерусалиме, вероятно не мог справиться с внезапно вспыхнувшим сильным возмущением, прокураторы же, как правило, жили в Кесарии, и нужно было время, чтобы известить их и получить подкрепление для усмирения возмущения.

"Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла" - свидетели, по закону, должны были первыми бросить камни в обвиненного ими в преступлении, а чтобы широкие восточные одежды не мешали, их снимали. Савл впоследствии стал великим Апостолом языков - **Павлом**.

"И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего." - Побиваемый Стефан вознес Богу двоякую молитву - о себе и о своих убийцах. Это - те же молитвы, которые принес Своему Небесному Отцу и Распятый Христос на кресте.

"И, сказав сие, почил" - кончину первомученика Дееписатель сравнивает с отходом ко сну.

Глава восьмая.

Великое гонение на Церковь после убийства Стефана (ст. 1-4). Насаждение Церкви в Самарии диаконом Филиппом и крещение Симона Волхва (5-13). Апостолы Петр и Иоанн в Самарии и Симон Волхв (14-25). Благовестие Филиппа евнуху эфиопской царицы (26-40).

Гонение на Церковь (8:1-4).

Убийство Стефана не осталось единичным фактом: оно было началом великого гонения на Церковь во Иерусалиме, продолжавшегося и потом некоторое время, - как долго, в точности неизвестно. Церковное предание сохранило воспоминание, что в тот же день был убит другой диакон Никанор и с ним 2000 христиан (см. Четьи mineи 28 июля). Все, кроме Апостолов, рассеялись, то есть, следуя разрешению Господа (Мф. 10:23), бежали в другие города Иудеи и Самарии. Апостолы же смотрели на святой город, как на место, которое должно было стать средоточием нового Царства Божьего на земле, а потому не считали себя вправе оставить Иерусалим. Погребли Стефана, по-видимому, не христиане, которые не смели бы этого сделать, а *"мужи благоговейные"* из иудеев, тайно расположенных к христианству, имевшие мужество, подобно Иосифу Аримафейскому и Никодиму в свое время, придти и похоронить тело мученика. Этим мужам благоговейным Дееписатель противопоставляет фанатичных гонителей христианства, каковым был Савл, входивший в дома и влачивший мужей и жен в темницы. Видимо Савл был орудием синедриона и был уполномочен им на такой образ действий. В этом он сам признается в послании к Галатам 1:13.

Насаждение Церкви в Самарии, Симон Волхв (8:5-13).

Но злоба врагов Христа имела своим последствием еще большее распространение веры Христовой. Рассеявшиеся христиане всюду сеяли семена Христова учения. Из 11:19 видно, что они прошли до Финикии, Кипра и Антиохии. С самого начала таким образом стало оправдываться замечательное изречение Тертуллиана: **"кровь мучеников - семя христиан."**

Дееписатель передает прежде всего об обращении самарян в результате проповеди диакона Филиппа. Что это был диакон, а не Апостол Филипп из 12-ти, видно по тому, что после обращения самарян к ним были посланы Апостолы Петр и Иоанн для возложения на них рук и низведения Духа Святого. Кажется Филипп имел дом и семейство в Кесарии и шел туда, а по дороге остановился в городе Самарии, переименованном Иродом Великим в Севастию. Видя чудеса, совершавшиеся Филиппом, народ с радостью внимал его проповеди.

В числе уверовавших и принявших крещение был некий Симон Волхв, до того времени славившийся в городе своими волхованиями. О нем упоминает святой Иустин-мученик, как о самарянине из села Гитты. Но это был волхв не в том добром смысле, как волхвы персидские, которые были просто звездочеты, приходившие на поклонение новорожденному Господу. Это был чародей, колдун. В то время, по римским и греческим свидетельствам, много появлялось таких магов, халдеев, которые обладая некоторыми знаниями таинственных сил тогда еще мало исследованной природы, выдавали себя за людей необыкновенных. Исцелением некоторых болезней, заговорами, гаданием, шарлатанской таинственностью они так действовали на невежественные массы народные, что народ верил им, будто они находятся в сношении с "высшими силами." Так и о Симоне-волхве говорили, что он *"есть великая сила Божия."* Это выражение напоминает нам о развившемся впоследствии так называемом **"гностицизме,"** еретическом учении, смешивавшем христианские понятия с языческими и учившем о так называемых "эонах," силах, истекавших из полноты (плеромы) божества. По-видимому, Симон и выдавал себя за такого "эона," а народ поддался увлечению им, верил ему. Но сила проповеди Филиппа была так велика и чудеса, совершаемые им, так поразительны, что народ уверовал во Христа, оставив свое увлечение Симоном, и крестился. Крестился и сам Симон, но, судя по всей его дальнейшей истории, он едва ли сделал это искренно. Пораженный чудесами Филиппа, он, вероятно, надеялся только приобрести силу творить такие же чудеса, как Филипп, и тем приобрести еще большую славу и влияние в народе.

Апостолы Петр и Иоанн в Самарии (8:14-25).

Принятие крещения самарянами было тем многозначительно, что это был первый народ, ставший христианским без посредства полного и чистого иудейства и обращенный притом ко Христу проповедником-эллинистом. Апостолы сочли это столь важным, что сейчас же послали к ним Петра и Иоанна для возложения на них рук и низведения благодати Святого Духа. Здесь важно отметить, что Апостолы Петр и Иоанн посылаются другими Апостолами, то есть явно, что они не считают себя выше целого сонма Апостолов, а считают себя обязанными исполнять поручение, возложенное на них всем Апостольским ликом, как одной собирательной личности, частные члены которой обладают равными правами. Возложение рук в данном случае это - второе таинство, которое впоследствии стало совершаться через миропомазание и которого не мог совершить Филипп, будучи только диаконом.

"Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги" - очевидно принятие Духа Святого сопровождалось какими-либо видимыми знаменами, которые и заметил Симон. Отсюда видно, что сам Симон, хотя и крещенный уже, не сподобился принять Святого Духа, ибо тогда был бы невозможен такой его поступок. Очевидно, до него не дошла еще очередь, а он, видя, каково действие Духа Святого на других, не выждав своей очереди, поспешил просить Апостолов не только о даровании ему дара Святого Духа, но и власти самому низводить Его на других. В этой просьбе предательски выразился подлинный характер волхва: очевидно он на Апостолов смотрел только как на носителей высшей магической силы и хотел сам приобрести эту неизвестную ему силу, чтобы возвысить свое магическое ремесло. Предлагая деньги, он выдал себя как человека, готового руководствоваться в своей деятельности мотивами корыстными и нечистыми. "Как же крестили его?" спрашивает Златоуст и отвечает: "Так же, как и Христос избрал Иуду."

"Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою" - выражение это нужно понимать в смысле указания на гибельность нравственного состояния Симона и призыв его к покаянию. Грех этот, однако, столь велик и тяжок, что святой Петр даже не обещает за него прощения, а только предположительно говорит: *"может быть, опустится тебе помысел сердца твоего."* Почему же это? Потому, что такой грех требует особенной глубины и искренности покаяния, на что Петр не видел Симона способным, так как говорит ему: *"ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды"*: Симон отравлен горькой желчью, под которой в древности подразумевался яд змеиный. Устрашенный словами Петра, Симон просил Апостолов помолиться за него, но тоже едва ли искренно.

Церковное предание представляет его впоследствии, как одного из злейших врагов христианства и родоначальника всех философских гностических ересей. Позже он появляется в Риме, выступает там ожесточенным врагом Святого Апостола Петра и по молитве последнего низвергается в реку Тибр, когда хотел перейти эту реку, поднявшись в воздухе. Грех его получил в истории Церкви наименование симонии - продажи благодати Божьей, или священного сана за деньги.

Апостолы Петр и Иоанн закрепили еще своей проповедью обращение самарян ко Христу и затем вернулись во Иерусалим, проповедуя по пути.

Крещение евнуха (8:26-40).

Вслед за обращением самарян случилось другое важное событие - обращение ко Христу эфиопского вельможи, который, как полагают, был прозелитом врат, то есть язычником, принявшим иудейство, но еще необрезанным.

Ангел Господень повелел Филиппу идти на полдень, то есть на юг, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу. Газа - один из древнейших главных пяти городов филистимских, находившийся к юго-западу от Иерусалима, близ Средиземного моря. Исполнив повеление Ангела, Филипп встретил на дороге едущего в колеснице человека, которого Деятели определяют тремя чертами: это был эфиоплянин, евнух и вельможа царицы. То обстоятельство, что он читал книгу пророка Исаии, не дает еще права предполагать его еврейское происхождение, так как он мог читать эту книгу и в греческом переводе 70 толковников, что подтверждается и особенностями текста, приведенного в 32-33 стихах. Слово "евнух" означает собственно скопца. Таковыми были на Востоке смотрители над царскими гаремами; евнухов часто брали на высшие государственные должности, почему евнухами часто назывались также знатные вельможи и не бывшие скопцами. Скопец из

язычников по закону Моисееву не мог быть принят в общество Иеговы, но мог быть прозелитом второй степени - прозелитом врат. Таков, вероятно, и был этот вельможа, занимавший высокую должность при царице, в качестве хранителя всех ее сокровищ, а потому, по восточным обычаям, несомненно бывший скопцом. Эфиопией в то время называлась страна, лежавшая к югу от Египта, где ныне находится Абиссиния и Нубия. Страна эта управлялась женщинами и, как в соседнем Египте все цари назывались фараонами, так в Эфиопии все царицы назывались кандакиями. Население этой страны принадлежало к семитической расе и говорило языком, близким к древнеарабскому, но оно было языческое. Это были **кушиты**, часто упоминаемые в Ветхом Завете.

По внушению Духа Божия, Филипп подошел к колеснице евнуха и, услышав что он читает вслух книгу пророка Исаии, спросил, понимает ли он, что читает. Со смирением и детской простотой вельможа признался, что не понимает читаемого и просил у Филиппа разъяснения. Воспользовавшись тем, что евнух читал место о страданиях Мессии из 53 главы пророка Исаии, Филипп начал благовествовать ему о Христе и так успешно, что, когда они подъехали к источнику, как полагают между Елевферополем и Газой, евнух пожелал креститься. Благовестник только одного требует от него - веры от всего сердца, и когда тот исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим, крестил его.

Господу угодно было засвидетельствовать как крещенному, что он действительно воспринял спасение Божие, так и крестившему, что совершенное им согласно с волей Божией, двумя чудесными событиями: Дух Святой без всякого посредства сошел на евнуха, как впоследствии на язычника Корнилия, и Ангел Господень восхитил Филиппа, так что евнух уже не видел его и продолжал свой путь один, радуясь, в то время как Филипп оказался в Азоте, городе, лежавшем к северу от Газы в 50 верстах, где благовествовал, идя на север, пока не пришел в Кесарию.

Кесария была, видимо, его постоянным местожительством: это был большой город при Средиземном море в 100 верстах к северо-западу от Иерусалима, бывший местопребыванием римских прокураторов Иудеи. До времен Ирода Великого здесь был замок Стратонов. Ирод выстроил здесь город, назвав его Кесарией в честь Кесаря Октавия Августа. Эта Кесария называлась Стратоновой в отличие от Кесарии Филипповой, выстроенной Филиппом при подошве горы Ливана на месте города, называвшегося прежде Панеей. О Кесарии Стратоновой нередко идет речь у Деяписателя.

Предание церковное сохранило нам сведения о дальнейшей судьбе евнуха. Звали его Индих; по возвращении в страну свою, он был там первым проповедником Евангелия, обратил многих ко Христу, в том числе и свою повелительницу царицу, крестив ее.

Глава девятая.

Обращение Савла ко Христу на пути в Дамаск, крещение его и проповедь в Дамаске (стихи 1-25). Бегство его и пребывание во Иерусалиме (ст. 26-30). Святой Апостол Петр в Лидде и исцеление им Энея (ст. 31-35). Пребывание святого Апостола Петра в Иоппии и воскрешение им Тавифы (ст. 36-43).

Обращение гонителя Савла (9:1-25).

Распространением христианства в Самарии и обращением ко Христу прозелита-евнуха положено начало проповеди Евангелия за пределами чистого иудейства. Вскоре, по промыслу Божьему, предстояло еще большее расширение области евангельской проповеди перенесением ее в мир языческий. Для этой цели Господь избирает Себе благопотребный сосуд в лице Своего злейшего врага Савла, который становится великим Апостолом языков **Павлом**.

Это тот самый Савл, который принимал деятельное участие в убиении первомученика архидиакона Стефана и начавшемся после того великом гонении на Церковь в Иерусалиме (Деян. 8:1-3). Не довольствуясь Иерусалимом, он решил перенести свои злобные преследования христиан и за пределы столицы иудейского мира. Он выпросил у первосвященника письма в Дамаск к синагогам, чтобы там получить полномочия на преследования христиан. Душевное состояние Савла было таково, что, по человеческим соображениям, исключало всякую возможность какой-либо перемены в нем. Деесписатель представляет его, как бы диким плотоядным зверем, задыхающимся от фанатичной ненависти к христианам.

С таким настроением он шел в Дамаск - древний главный город Сирии, находившийся в 200 верстах к северо-востоку от Иерусалима. Со времен Селевкидов в нем жило очень много евреев, так что Нерон мог умертвить там до 10.000 их, по свидетельству Флавия. Иерусалимский Синедрион считал всех евреев во всех странах мира подлежащими его судебной власти в делах веры, а потому Савл, имея письма от первосвященника, мог приводить христиан в Иерусалим для предания их суду синедриона, как богохульников и вероотступников.

Благодать Божья произвела, однако, решительный переворот в этом злобном настроении Савла. Когда он уже приближался к Дамаску, его осиял свет с неба, столь яркий и ослепительный, что своей неожиданностью поверг его на землю. Деесписатель не говорит прямо, что в сиянии этого света Савл увидел небесный образ Самого Иисуса Христа, но дальнейшие черты повествования подтверждают это, да и сам Апостол Павел свидетельствует в 1 Кор. 9:1 и 15:8, что в свете, осиявшем его, он видел Господа.

Потрясенный этим Савл упал и, уже не видя ничего, услышал только голос, говоривший ему: *"Савл, Савл! что ты гонишь Меня?"* Савл настолько был неподготовлен к этому чудесному явлению, что спросил: *"кто Ты, Господи?"* Господь прямо называет Свое Имя и добавляет: - *"трудно тебе идти против рожна."* Это - народное присловье, выражающее мысль о тщетности усилий противодействовать неодолимому: бессилен ты со всей своей злобой против дела, совершаемого Божественной силой.

Савл, приведенный происшедшим в ужас и трепет, смиренно признает Явившегося своим Господом, а себя Его рабом, и спрашивает: *"что повелишь мне делать?"* Господь повелел ему идти в Дамаск, где будет сказано, что ему надобно делать. Первосвященник и синедрион, видимо, дали Савлу проводников и помощников, которые и явились свидетелями этого чрезвычайного события, хотя никого не видели, а только слышали голос. От осиявшего его света Савл ослеп: это было отчасти и наказанием гонителю, отчасти символическим означением того, что он с открытыми глазами был слеп в отношении к истине Христова учения. После того, как спутники за руку привели его, ослепшего, в Дамаск, в глубоком покаянном чувстве он три дня не ел и не пил

"В Дамаске был один ученик, именем Анания" - судя по имени, христианин из иудеев. Сам апостол Павел позже характеризует его, как мужа благочестивого, жившего по закону и пользовавшегося уважением всех дамасских иудеев (Деян. 22:12). По преданию, он был

потом епископом Дамаским и скончался мученически в Елевферополе. Память его 1(14) октября.

Господь в видении велел ему идти к Савлу и возложить на него руку, чтобы тот прозрел. С детской откровенностью Анания возражает Господу на основании известных ему слухов о Савле, как о гонителе Церкви. Господь успокаивает Ананию, указывая на будущее великое предназначение Савла: *"ибо он есть Мой избранный сосуд."*

Через возложение рук Анании Савл прозрел и исполнился Духа Святого. Это было чрезвычайное чудо особой милости Божией над Савлом: как и впоследствии сотник Корнилий, он сподобился благодати Духа Святого еще до крещения, и низвел эту благодать на него ученик, не принадлежавший к числу 12-ти Апостолов. "Так все касающееся Павла," отмечает святой Иоанн Златоуст, "было нечеловеческим и совершалось не чрез человека, но сам Бог был совершителем этого."

"И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его" - нельзя думать, что какое-либо действительное вещество в роде чешуи спало с глаз Савла: это было лишь внутреннее личное ощущение его. Затем он крестился, без сомнения, от рук того же Анании. *"И, приняв пищи, укрепился,"* - "ибо он изнемог," говорит Златоуст, "от путешествия, от страха, от поста и от скорби."

"Был Савл в Дамаске несколько дней." Это не противоречит словам самого Павла в Гал. 1:17 и д., что по обращении своем он тотчас же отправился в Аравию. Деятели не упоминает об этом путешествии Савла из Дамаска в Аравию и о возвращении опять в Дамаск. Это обычно для святого Луки: он опускает описание того события, известий о котором не сохранилось. Есть, впрочем, здесь указание на то, что после нескольких дней пребывания в Дамаске, Савл пробыл в нем потом *"довольно времени,"* т.е. продолжительный срок (ст. 23).

Пламенный дух Савла не терпел медлительности, и он, сделавшись христианином, с такой же ревностью, с какой прежде гнал христиан, стал проповедовать христианство по синагогам. Основным пунктом его проповеди было то, что *Иисус есть Сын Божий*. Все слышавшие дивились этой необыкновенной перемене, происшедшей с Савлом. Савл же *"более и более укреплялся,"* вероятно, уже по возвращении из Аравии, где он, по видимому, в тишине и уединении предавался изучению Священного Писания, уже с христианской точки зрения, озаряемый Духом Святым.

Теперь он доказывал, на основании Священного Писания, что Иисус есть *Христос*, то есть ожидаемый иудеями Мессия. Сила этих его доказательств была столь велика, что он приводил иудеев в замешательство. Невозможность опровергнуть доводы Савла возбудила в них такую ненависть к нему, что они решили его убить и для этого день и ночь стерегли ворота, ожидая, когда он выйдет из города, чтобы на пути исполнить свой злой замысел, без свидетелей. Кажется, они имели сведения о намерении Савла отправиться в Иерусалим. Савл избег этой опасности, будучи спущен учениками ночью по стене города в корзине, вероятно, в окно дома, примыкавшего к городской стене. О таком способе избавления своего от опасности святой Павел сам вспоминает в 2 Кор. 11:32.

Савл в Иерусалиме (9:26-30).

"Савл прибыл в Иерусалим" - это было, по словам самого Павла в Гал. 1:18, уже три года спустя после его обращения: часть этого времени он пробыл в Аравии. Об этом прибытии

в Иерусалим и кратковременном пребывании в нем святой Павел сам дает краткие сведения в Гал. 1:18-24, которые надо иметь в виду для правильного понимания рассказа Деяписателя.

Св. Павел, по его словам, ходил в Иерусалим собственно для свидания с Петром и пробыл у него дней 15; при этом с другими Апостолами он не виделся, кроме Иакова, брата Господня. Церквам во Иудее он лично известен не был, а только по слухам; из Иерусалима он ушел в страны Сирии и Киликии. Деяписатель добавляет к этому, что Савл *"старался пристать к ученикам"* (Деян.9:26), то есть христианам, но они его боялись, не веря ему и не принимали его в свое общение. Это продолжалось, конечно, до тех пор, пока Варнава не представил его Апостолам.

По церковному преданию, Варнава, пользовавшийся в то время большим уважением всего христианского общества, в годы юности вместе с Савлом воспитывался в школе Гамалиила. Даже после того, как Варнава сделался учеником Господа, они встречались друг с другом и спорили о Христе, но Савл оставался упорен до события по пути в Дамаск. Теперь Варнава, узнав о его обращении, взяв его за руку, привел к Апостолам. Вероятно, Апостолы не находились постоянно в Иерусалиме, а потому Савл и виделся только с двумя - Петром и Иаковом. Савл стал тогда открыто пребывать с верующими в Иерусалиме и смело проповедовал о Господе Иисусе. Проповедь его была обращена, как к Иудеям, так и к эллинистам. По своему происхождению из Тарса Киликийского, он и сам был эллинистом, а потому неудивительно, что он особенно горячо пытался обратить к Христу эллинистов. Но споря с ними, возбудил такую их ненависть, что они покушались его убить. Братия же, то есть иерусалимские христиане, узнав об этом, чтобы его спасти, отправили его в Кесарию (Стратонову), а оттуда на его родину в Тарс. Павел это и сам рассказывает в Гал. 1:21.

Апостол Петр в Лидде, исцеление Энея (9:31-35).

По обращении главного неистового гонителя христиан, гонение затихло и Церкви христианские в Палестине *"были в покое."* Они *"назидались,"* преуспевая в христианском усовершенствовании, проводя богобоязненную жизнь. Высшим утешением для верующих служили, конечно, те необычайные действия Духа Божия, которые совершались через посредство Апостолов. О двух из таких действий и повествует дальше Деяписатель.

"Случилось, что Петр, обходя всех" - из этого видно, что у Апостолов был обычай посещать верующих, без сомнения, для того, чтобы утверждать их в вере, разрешать возникающие у них вопросы и т. п. *"пришел и к святым"* - "святыми" называются христиане, как освященные благодатью Божьею. *"Живущим в Лидде"* - это - небольшой городок, вблизи Средиземного моря, недалеко от Иоппии, к северо-западу от Иерусалима. Там Петр исцеляет расслабленного Энея, судя по имени, грека и едва ли христианина, потому что он именуется просто *"некоторым человеком."* Характерно, что Петр не спрашивает его о вере в Господа Иисуса, или провидя духовным взором своим его веру или надеясь возбудить ее самым фактом исцеления. Это чудо послужило поводом для обращения ко Христу жителей Саронской равнины - плодородной и густонаселенной полосы земли от Кесарии Стратоновой до Иоппии.

Воскрешение Тавифы (9:35-43).

Затем Петр идет в Иоппию, которая называется ныне Яффа, город древний, лежащий на берегу Средиземного моря к северо-западу от Иерусалима, и воскрешает там *"ученицу,"* то есть христианку Тавифу, по-видимому, вдовицу, судя по ее благотворениям

преимущественно вдовицам. Тавифа значит "серна"; как собственное женское имя, оно часто встречается и у греков и у иудеев. Серна, благодаря своему красивому виду, грациозным движениям и прекрасным глазам, считалась у евреев и других восточных народов символом женской красоты, а потому и сделалась собственным женским именем, как мужское имя - Лев.

Умершую положили "в горнице" - верхней комнате дома, служившей обыкновенно для молитвы. Все общество христианское было опечалено смертью такой благотворительницы бедных, какой была Тавифа, а потому и послали к Петру, прося его немедленно придти.

"Петр выслал всех вон" - чтобы, не смущаясь никакими внешними впечатлениями, предаться молитве. Петр воскресил умершую словами: *"Тавифа! встань."* Это чудо, естественно, заставило многих уверовать в Господа. Петр же пробыл *"довольно дней"* у некоего Симона кожевника, вероятно, христианина. Это ремесло раввины считали нечистым, но святой Петр, конечно, был выше таких предрассудков.

Глава десятая.

Обращение ко Христу Корнилия сотника (10:1-48).

В то время как Петр пребывал в Иоппии, Дух Божий призвал его положить начало величайшему делу распространения Христовой Веры среди язычников.

Первым городом, в котором совершилось обращение язычников ко Христу, была известная уже нам Кесария Палестинская, или Стратонова, - город, бывший резиденцией римского прокуратора, в котором находился поэтому гарнизон из коренных римлян, более надежных, конечно, чем войска, набиравшиеся из туземных жителей. В этом-то полку, носившем поэтому название Италийского, был сотник по имени *Корнилий*. Из дальнейшего повествования видно, что был он даже не прозелитом, а обыкновенным язычником, отличавшимся только доброй религиозно-нравственной настроенностью. Характерно, что к этому первостепенной важности делу - обращению первого язычника, был призван никто иной, как сам первоверховный Апостол Петр, хотя в Кесарии и жил Филипп-благовестник.

Из слов Деяписателя можно заключить, что Корнилий сознал ложь язычества и чтит истинного Бога. Свое богопочтение он выражал добрыми делами, и в добрых правилах веры и жизни держал весь свой дом. Из 30 ст. видно, что Корнилий даже соблюдал часы молитвы, принятые у иудеев. И вот во время молитвы ему явился Ангел, который повелел ему послать в Иоппию за Симоном, называемым Петром: *"он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой,"* то есть преподает учение, уверовав которому получишь спасение и ты и все твои домашние. Корнилий тотчас же исполнил повеление Ангела, послав в Иоппию двух своих слуг и благочестиво-настроенного воина, рассказав им все для того, чтобы они могли побудить Петра придти к нему, считая неприличным самому звать его в силу своего авторитета. От Кесарии до Иоппии было около 40-45 верст. Поэтому посланные Корнилием после 9-го часа - по нашему после трех часов дня - могли придти в Иоппию лишь на другой день к полудню. Как раз в это время - около 6-го часа Петр взошел, по обычаю, на плоскую кровлю дома помолиться. Там он почувствовал голод, и на него напало *"исступление,"* по-гречески *"экстасис"* - такое состояние, когда человек бывает как бы вне себя.

В этом состоянии внешний мир со всеми его впечатлениями как бы совсем закрывается для внешних чувств человека, и внутреннему чувству его открываются явления другого невидимого мира. Святой Апостол Павел в 2 Кор. 12:2-3 весьма характерно выражается о таком состоянии, испытанном им самим: *"в теле ли - не знаю, вне ли тела - не знаю, Бог знает."*

В таком состоянии Петр увидел *"отверстое небо"* и из него опускающееся как бы большое полотно, привязанное за четыре угла вверху в отверстом небе. В этом полотне Петр увидел всевозможных животных - четвероногих, пресмыкающихся и птиц.

"И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь." Вероятно, Петр был в коленопреклонном или простертом на земле молитвенном положении. В полотне были всякие животные - и чистые и нечистые. Голос с неба как бы предлагал Петру вкусить любого животного, не делая различия. Апостол на эту, собственно, сторону повеления обратил свое внимание, как на необычайную, а потому с силой возразил:

"Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого." На это голос отвечал ему: *"что Бог очистил, того ты - в противоположность Богу - не почитай нечистым"*: в этих словах смысл всего видения, которого Петр сначала не мог понять, но который вскоре объяснился для него.

Смысл и цель всего видения таковы: все эти животные символически обозначали собой все человечество; чистые животные обозначали избранный народ Божий - евреев, а нечистые - язычников, которых Бог очистил крестной смертью Христа-Искупителя, а потому в новом Царстве Божиим на земле - Царстве Мессии или Церкви Христовой, нет и не должно быть различия между иудеями и язычниками - все одинаково очищены честной Кровью Агнца Божия Христа, и все одинаково достойны вступить в Его Царство. Как видно из ст. 28, Петр правильно понял потом смысл этого видения.

Этим видением открывается новая эпоха в истории первохристианской Церкви - **эпоха призвания язычества в христианство без посредства иудейства.**

Видение это повторялось трижды, в знак его непреложности, а затем за Петром пришли посланные сотником Корнилием. Так как Петр, не понявший сразу смысла видения, мог придти в недоумение, можно ли ему, как иудею, последовать приглашению язычника, то он тотчас же получил новое откровение от Духа Божия: *"иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их."* Петр не тотчас же отправился, а пригласил посланных в дом свой и угостил их, конечно, потому, что путь был далек, и они отправились в дорогу только на следующий день.

На следующий день, то есть на четвертый день после того, как Корнилию было видение, что видно и из ст. 30, они прибыли в Кесарию, где их дождался уже Корнилий, созвавший единомысленных, по-видимому, родственников и друзей. Таким образом, в доме Корнилия собралось более-менее значительное общество язычников, готовых уверовать во Христа. Встретив Петра, Корнилий поклонился ему *"нав к ногам его."* В этом земном поклонении выражалось нечто особенное: возможно, что Корнилий, как язычник, считал Петра за кого-то высшего, чем обыкновенного человека. А потому Петр решительно отклонил такое поклонение себе словами: *"встань; я тоже человек,"* то есть: и я такой же человек, как все. В этом видно, конечно, глубокое смирение Петра. Найдя в доме многих собравшихся язычников, святой Петр сказал, что иудею возбранено общаться или сближаться с иноплеменником, но что Бог открыл ему, чтобы он ни

одного человека не почитал скверным или нечистым, а потому он и пришел беспрекословно, и спрашивает, для какого дела они позвали его.

В законе Моисеевом, собственно, нет запрещения еврею входить в общение с язычником, но позднейшее раввинство, под влиянием фарисейства, развило учение о том, что для еврея войти в дом язычника считается уже осквернением. Из слов Петра видно, что он понял смысл бывшего ему видения. В ответ на вопрос Петра, Корнилий просто передал о бывшем ему видении. Тогда Петр начал свою проповедь о Христе.

В речи Петра ясно различаются три составных части:

- 1) Вступительное изречение о принятии в Царство Божие людей добродетельных и набожных из всех народов без различия (ст. 34-35);
- 2) Краткое изображение деятельности Иисуса Христа до Его смерти (36-39) и по воскресении (40-42) и
- 3) ссылка на пророческие изречения о спасении всех во Христе (43).

Речь святого Петра внезапно была прервана поразительным и неожиданным для всех явлением: Дух Святой сошел на всех слушавших. Это единственный пример во всей апостольской истории, что Дух Святой сошел на присоединяющихся к христианскому обществу еще до крещения их и без всякого видимого посредства - обычного возложения апостольских рук. Это было особенным знамением от Бога для вразумления тех иудеев, которые считали язычников нечистыми и недостойными быть членами Царства Мессии, по крайней мере, без предварительного принятия иудейства. Больше подобного чрезвычайного дарования Духа Святого в истории христианства мы не встречаем.

"Верующие из обрезанных, пришедшие с Петром изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников" - знамение оказало свое действие: факт сошествия Духа Святого был несомненен, ибо явления, сопровождавшие его, были те же, что в день Пятидесятницы (ст. 46). Тогда Петр, правильно понявший значение этого знамения, сказал: *"Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?"* - то есть: нет никаких препятствий присоединиться к христианскому обществу через крещение, без всяких Иудейских обрядовых установлений, тем, над которыми Сам Бог совершил такое чудо Своей милости, Своего благоволения. По крещении их, святой Петр, по их просьбе, пробыл у них еще несколько дней, конечно, наставляя и утверждая их в вере христианской. По церковному преданию, Корнилий потом был епископом в Кесарии, проповедовал Христа в разных странах и окончил свою жизнь мученической смертью. Память его 13 сентября (26 сентября н.с.).

Глава одиннадцатая.

Упреки Петру со стороны обрезанных за общение его с необрезанными и объяснения его (ст. 1-18). Проповедь христианства вне Палестины, особенно в Антиохии (ст. 19-21). Варнава и Савл в Антиохии (ст. 22-26). Пророчество о голоде и милостыня христианам в Иудее (ст. 27-30).

Петр объясняет, почему он крестил язычника (11:1-18).

Молва о крещении язычников в Кесарии скоро распространилась по всем христианским обществам Иудеи и достигла слуха остальных Апостолов, прежде, нежели сам Петр успел возвратиться во Иерусалим. Образ выражения о сем Деяписателя (ст. 1) свидетельствует о том, что это известие было воспринято Апостолами и большинством братьев, как радостное. Но тем не менее событие это, как новое и необычайное, не могло пройти и без недоразумений, в виду предрассудков иудеев и их предубеждений против язычников. Когда Петр возвратился во Иерусалим, "обрезанные," то есть христиане из коренных иудеев стали упрекать его за то, что он общался с необрезанными и "ел с ними." Это было первое проявление того заблуждения или даже лжеучения, которое потом с большой резкостью распространяли всюду в среде христианских обществ иудействующие лжеучители, с которыми так сильно приходилось потом бороться особенно святому Апостолу Павлу. В данном случае соблазнились, конечно, не тем, что язычники были крещены Петром, а тем, что не они к нему, а он пошел к ним, жил с ними и ел у них. Святость ветхозаветного закона, по их мнению, этого не допускала. Впоследствии заблуждения эти дошли даже до требования, чтобы язычники, принимающие христианство, предварительно обрезывались и выполняли бы все требования обрядового Моисеевого закона (глава 15). Теперь до этого еще не дошло, но Петру все же пришлось оправдываться. В оправдание свое он рассказал все, что с ним произошло во Иоппии - о бывшем ему от Бога вразумительном видении и о том, что произошло в доме Корнилия. Недаром святой Петр взял с собой шестерых иоппийских христиан из иудеев, которые были свидетелями всего происшедшего и теперь могли, со своей стороны, подтвердить всю истинность происшедшего.

В объяснении Петр особенно подчеркнул, что язычники получили *такой же дар Святого Духа*, как и они в день Пятидесятницы и что это есть исполнение обетования Христова, данного пред Вознесением: "*а вы будете крещены Духом Святым*" (Деян. 1:5). Характерно, что, по словам Петра, он только "*начал говорить*," как уже сошел Дух Святой на слушавших его, что сделало до времени ненужным более полное оглашение уверовавших. Своим рассказом Петр, собственно, не ответил на сделанный ему упрек, что он ходил к необрезанным и ел с ними, но лишь поставил явную волю Божью об этих язычниках, в качестве оправдания своего образа действий.

Если Бог при таких необычайных знамениях принял язычников в Свою Церковь, то разве не мог он, Петр, не обращаться с ними, как с братьями своими, жить у них и есть с ними? - Этот рассказ внес успокоение: слушавшие даже стали славить Бога за милость к язычникам. Эти упреки святой Петру со стороны христиан из Иудеев чрезвычайно характерны. Разве посмели бы они делать ему какие бы то ни было упреки, если бы Господь Иисус Христос поставил его Своим заместителем, "князем над Апостолами" и непогрешимым главой Церкви, как учат римо-католики? Да и стал ли бы Апостол Петр перед ними "оправдываться"? Он просто бы указал на свое полномочие, на свое право поступать, как находит нужным.

Распространение христианства вне Палестины (11:19-21).

"Гонение не мало принесло пользы проповеди евангельской," говорит святой Иоанн Златоуст, "если бы враги старались нарочито распространить Церковь, то сделали бы не что иное, как это: разумею рассеяние учителей." Рассеявшиеся в результате гонения христиане в начале никому не проповедовали евангельского учения, кроме Иудеев, живших за пределами Палестины в Финикии, на о. Кипре и в Антиохии. Но потом, возможно после того, как распространилась повсюду весть об обращении сотника Корнилия, стали благовествовать в Антиохии и "*эллинам*," то есть язычникам.

"И великое число, уверовав, обратилось к Господу."

Антиохия - большой и цветущий тогда город в северо-западной Сирии, на реке Оронте, в 6-ти часах пути пешком от Средиземного моря. Она основана была Антиохом, отцом Селевка Никатора - основателя царства Селевкидов, как одна из многочисленных греческих колоний, каких так много было основано на Востоке в результате македонских завоеваний. Население там было греческое, но много жило и евреев. Деяния подчеркивает особенный успех евангельской проповеди среди антиохийцев: *"И была рука Господня с ними."* И действительно, Антиохия стала одним из крупнейших центров христианства в древности. В апостольский век Антиохия была как бы метрополией всех церквей, основанных Апостолами среди языческих народностей.

Посольство Варнавы и Савла в Антиохию (11:22-26).

Когда слух о таком успехе евангельской проповеди в Антиохии дошел до Иерусалима, Апостолы поручили Варнаве идти в Антиохию. Следовало это сделать для того, чтобы предупредить там недоразумения, которые могли возникнуть, и взять на себя первоначальное руководство этой новой и многочисленной христианской общиной.

Послан был именно Варнава потому, что он был кипрянин, то есть родом с того же о. Кипра, откуда происходили и некоторые из антиохийских проповедников, и он легче мог стать с ними в близкие и искренние отношения. Кроме того, он был *"муж добрый и исполненный Духа Святого и веры"* - отличался особенно мягким и любвеобильным сердцем и имел дар убедительности и утешительности в слове за что и получил прозвание *"сына утешения."* Придя в Антиохию, он, видимо, не заметил там никаких недостатков, и своей проповедью еще более умножил число верующих.

Введший Савла в иерусалимское христианское общество, Варнава, без сомнения знал о его предназначении быть Апостолом язычников, а потому и счел нужным отыскать его в его родном городе Тарсе, находившемся к тому же неподалеку от Антиохии, и привел его в Антиохию, чтобы начать здесь свою апостольскую деятельность среди новообращенных язычников. Целый год они трудились вместе, уча *"немалое число людей."*

Далее следует весьма важное указание Деяний, что *"ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами."* До сих пор они назывались *"учениками," "братьями," "верующими," "святыми."* Вероятнее всего, что это наименование *"христиане"* явилось не в среде самого христианского общества, а дано было последователям Господа Иисуса Христа антиохийскими язычниками. Не зная догматического и религиозно-исторического значения имени Мессии, они приняли его греческий перевод - Христос - за имя собственное и по нему образовали имя партии, по их мнению, или секты Его последователей; подобно тому, как говорили: *"иродиане," "кесариане," "помпеяне"* и т. п.. Это показывает, что последователей Господа уже перестали считать за иудейскую секту, как было вначале, и что христианство явилось в сознании языческого мира, как нечто самостоятельное, так что даже иудеи и язычники соединились вместе в этом общем для тех и других названии.

Помощь христианам в Иудее (11:27-30).

Трогательно, что как только основалась церковь среди язычников в Антиохии, так тотчас же между этой церковью и церквами среди иудеев в Палестине установилось живое братское общение и единение. Матерь церквей посылает в Антиохию своих учителей; антиохийские же христиане из язычников прибегают на помощь братьям, живущим в

Иудее, когда там наступил голод. Дееписатель передает, как в Антиохию пришли из Иерусалима пророки и между ними Агав, который предрек наступление голода. Тогда антиохийские христиане положили послать милостыню христианам во Иудее. Тотчас же ли это было сделано или позже, когда наступил голод - этого не видно, но так или иначе в этом проявилась трогательная братская любовь и единение между христианами из язычников и христианами из иудеев, составивших теперь единую Церковь Христову.

Этот великий голод действительно произошел, как свидетельствует Дееписатель, при Кесаре Клавдии. Это был римский император, преемник Кая Калигулы, занимавший престол с 41 по 54 год по Р. Хр. При нем голод не раз свирепствовал в разных областях Римской Империи. По свидетельству Флавия, около 44 года был великий голод по всей Палестине; около 50 г. голод был в самой Италии и в других провинциях.

Милостыня была послана к *"старцам,"* по-русски переведено: *"к пресвитерам"* чрез Варнаву и Савла. Здесь в первый раз упоминается это наименование *"пресвитеров."* Как видно из дальнейшего повествования (15:2, 4, 6, 22, 23; 20:17 и др.), и из посланий Апостольских (Тит. 1:5; 1 Тим. 5:17,19), это были должностные лица в Апостольской церкви, исполнявшие обязанности руководителей отдельных христианских общин, пастыри и учителя, совершители таинств (ср. Деян. 20:17, 28. Еф. 4:11, 1 Петр. 5:1 и парал. Иак. 5:14-15). Посвящаемы они были в свое служение чрез возложение рук от Апостолов (14:23) и епископов (1 Тим. 5:22). В некоторых городах, где христианские общества были многочисленны, как напр., в Иерусалиме, Ефесе, пресвитеров было несколько (5:1, 4 и др. 20:17). О первоначальном учреждении этой должности в Церкви нет такого прямого известия, как об учреждении диаконов, но обычай рукополагать пресвитеров в новоучрежденные христианские общества мы видим установившимся очень рано (см. 14:23).

Глава двенадцатая.

Гонение на Церковь со стороны Ирода: убиение Иакова, заключение в темницу Петра и чудесное освобождение его оттуда (1-18). Смерть Ирода, изъеденного червями (19-23). Возвращение Варнавы и Савла в Антиохию (24-25).

Гонение на Церковь со стороны Ирода Агриппы.

В то время как Варнава и Савл, посланные с милостынею во Иудею, находились там, покой Церкви был нарушен гонением, воздвигнутым на верующих во Иерусалиме царем **Иродом Агриппой I-м.**

Это был сын Аристовула и Вереники, внук Ирода, называемого Великим, племянник Ирода Антипы Галилейского, убийцы святого Иоанна Крестителя. Рожденный около 10 г. пред Рождеством Христовым и воспитанный в Риме, он получил от римского императора Кая Калигулы тетрархию умершего дяди своего Филиппа и тетрархию Лисания с титулом царя; вскоре ему досталась и тетрархия другого дяди Ирода Антипы; наконец, император Клавдий, преемник Калигулы, присоединил к его владениям Иудею и Самарию, так что Ирод Агриппа I, как и его дед, стал царем над всей Палестиной.

Во время его царствования отдельного римского прокураторства над Палестиной даже не было. Это был хитрый, ветреный и расточительный правитель. Воспитанный в Риме,

легкомысленный, едва ли веривший по-иудейски, Ирод начал гонение на христиан, чтобы сделать приятное иудеям, то есть исключительно в видах своего личного возвышения в глазах иудейского общества, ненавидевшего христиан. Представители иудейской церковно-иерархической власти, видя расположение к себе нового царя и зная о расположении к нему высшей римской власти, подняли голову, надеясь через него подавить все возраставшую силу христианства. Таким образом, теперь впервые религиозно-иерархическая власть иудеев входит в союз с гражданской властью в надежде уничтожить христианство. Гонение было начато убиением Иакова, брата Иоаннова, мечом, то есть путем обезглавливания.

За несколько дней до Пасхи царь приказал схватить и Петра и стеречь его в темнице строго, чтобы после Пасхи всенародно предать его смерти. Любитель зрелищ, как воспитывавшийся в Риме, царь хотел сделать из осуждения первоверховного Апостола народное зрелище.

"Между тем Церковь прилежно молилась о нем Богу" - Деятели хотят подчеркнуть, что последовавшее затем чудесное освобождение Петра из темницы было между прочим и по молитве всей Церкви. Четыре четверицы воинов стерегли Петра, причем он был прикован к двум из воинов и даже спал между ними, скованный двумя цепями. Рассуждая по-человечески, надежды на спасение не могло быть никакой. Каждую стражу воины сменялись по четверо, причем двое были скованы с Петром руками, а двое стерегли выходные двери.

Накануне дня, назначенного для казни, Петр спал между двумя воинами, как вдруг предстал Ангел Господень, и свет осиял темницу, то есть камеру, в которой был заключен Петр. Характерно, что Петр, предавая жизнь свою воле Божией, спокойно спал. Ангел, толкнув его в бок, пробудил и повелел ему, одевшись, следовать за собой. Неожиданность и необычайность события привели Петра в такое состояние, что он считал все происходящее сном. В таком состоянии он прошел мимо воинов, охранявших первую дверь того отделения темницы, где он был заключен, а затем и вторую. Когда они подошли к выходным дверям темницы, те сами собой отворились, и Петр, ведомый Ангелом, благополучно вышел на улицу. Лишь тогда, когда они прошли одну улицу, и Ангела вдруг не стало, Петр понял, что все, случившееся с ним, не сон, а действительность, и возблагодарил Бога за свое избавление и за то, что разрушилась надежда Ирода и народа иудейского (в части его враждебной христианству) на уничтожение христианства путем убийства первого из представителей христианства, сильнейшего словом и делом пред Богом и людьми (*"... от всего, чего ждал народ Иудейский."*).

Убедившись, что он действительно освобожден и осмотревшись, где он находится, Петр пришел к дому Марии, матери Иоанна, *"называемого Марком."*

Предания об этом Марке неодинаковы. Одно предание, разделяемое блаженным Феофилактом, считает его за одно лицо с Евангелистом Марком и Марком, племянником Варнавы. Другое предание, записанное в Четвях-Минях (под 4 января - 17 января н.ст.), отличает его и от Евангелиста Марка и от племянника Варнавы. Третье считает его племянником Варнавы, отличая, однако, от Евангелиста Марка.

В этом доме собрались многие, молившиеся об избавлении Петра от угрожавшей ему опасности. Когда Петр постучался, к воротам вышла служанка Рода. Узнав голос Петра, она от радости не отворила ворот, но побежала сообщить радостную весть всем верующим. Эта весть показалась многим столь невероятной, что они готовы были

признать Роду сошедшей с ума. Другие высказали предположение, что это Ангел Петра. Это предположение подтверждает, что с самого начала в христианской Церкви существовало учение об Ангелах-хранителях, заботящихся о спасении людей, к которым они приставлены (на основании Матф. 18:10 и Евр. 1:14). Когда после вторичного стука Петра, открыли, наконец, двери и увидели его, то были поражены тем, что это действительно он сам. Рассказав о своем чудесном освобождении и повелев уведомить о том Иакова, брата Господня, который был предстоятелем Иерусалимской церкви, и "братьев," то есть других членов христианского общества, Петр, *"выйдя, пошел в другое место."* Что это за "другое место," Деяния не говорит, но есть предание, что Петр в первых годах царствования Клавдия был в Риме. Это как раз совпадает с рассматриваемым временем, когда был, по всей вероятности, 44-ый год по Р. Хр., после Иудейской Пасхи и 4-ый год царствования Клавдия. О Петре в книге Деяний больше не упоминается до самого Апостольского Собора в Иерусалиме, бывшем в 51 г. (см. гл. 15).

Можно себе представить ужас воинов, когда они обнаружили исчезновение Петра. Когда поиски его оказались тщетными, Ирод велел казнить стражей, а сам отправился в Кесарию. Непосредственно вслед за этим Деяния описывает страшную кару Божию, постигшую гонителя Церкви Христовой. Ирод был чем-то раздражен на Тирян и Сидонян. А так как для жителей этих приморских городов владения Ирода были главным местом обмена привозимых ими из других стран товаров на зерновой хлеб, обработкой которого они сами не занимались, то им невыгодно было ссориться с Иродом, и они послали к Ироду делегацию просить о сохранении мирных отношений. При помощи постельника царского Власта они добились аудиенции у царя. "Постельником," по-латыни: "префектус кубукули," назывался главный служитель при особе царя, камергер, высший сановник и хранитель царских сокровищ, лицо обыкновенно весьма влиятельное и сильное. Судя по имени Власт, можно предполагать, что Ирод вывез своего постельника с собой из Рима, где он жил до вступления на престол.

В день аудиенции Ирод оделся в полную парадную царскую одежду, которая, по сказанию Флавия, была вся из серебра, и сел на особом приготовленном для него возвышенном месте, можно думать, что в театре, ибо это было среди многочисленного народа. Народ, увлеченный царской роскошью, вероятно, из лести стал восклицать: *"это голос Бога, а не человека."* Надо полагать, что эти слова вырвались из уст языческой части народа, а не иудейской, которой должны были быть противны подобные восклицания. Но Ангел Божий поразил безумного гордеца, несомненно за то, что он не прекратил этих богохульных криков, а с удовольствием слушал их, такой болезнью, что он заживо был изъеден червями и умер. Об этом подробно рассказывает Иосиф Флавий. Несмотря на гонение, воздвигнутое Иродом, *"Слово же Божие росло и распространялось."* Варнава же и Савл, исполнив поручение о раздаче милостыни в Иудее, возвратились в Антиохию, взяв с собой Иоанна-Марка.

Часть вторая.

Церковь Христова среди язычников (главы 13-28).

Глава тринадцатая.

Путешествие Варнавы и Савла в Кипр и обращение проконсула Сергия Павла (1-12). Путешествие в Пергию и Антиохию Писидийскую и речь Апостола Павла в синагоге (13-

41). Действие апостольской проповеди на язычников и на иудеев и гонение на Апостолов со стороны иудеев (42-52).

Путешествие Варнавы и Савла на Кипр (13:1-12).

В первенствующей христианской Церкви особенными дарами Святого Духа, которых сподоблялись лишь некоторые избранные, были **пророчество и учительство** (см. 1 Кор. 12:28 и Ефес. 4:11). Антиохийская церковь к описываемому времени достигла такого духовного преуспевания, что в ней были уже свои пророки и учителя. Из них на первом месте Дееписатель называет Варнаву, вероятно по особенному к нему уважению в первенствующей Церкви и по особенному участию в устройстве церкви Антиохийской, а Савла - на последнем месте, так как он позднее всех вступил в общение с Антиохийской церковью да и самая его апостольская деятельность только что еще начиналась.

Упоминает Дееписатель еще троих, о которых в новозаветных книгах ничего неизвестно: Симеона, называемого Нигер, что значит "черный," вероятно, из римских прозелитов, как можно догадываться по прозвищу; Лукия, или Луция Киринеянина, - может быть одно лицо с тем Луцием, кого упоминает Апостол Павел в послании к Римлянам 16:21 (сравни Деян. 13:1), - Манаила, или Манаима, совоспитанника Ирода четвертовластника, то есть Ирода-Антипы, тетрарха Галилейского. Это примечание характерно: воспитание при дворе Ирода Великого не оказало, следовательно, на него влияния.

"*Когда они служили Господу*" - греческое слово, употребленное здесь относится к храмовому священническому служению: вероятно, это была Евхаристия. Важно отметить при этом, что они "*постились.*" А современные сектанты, уверяющие, что они во всем следуют Священному Писанию, отвергают пост. Во время этого богослужения Дух Святой, вероятно, через одного или нескольких пророков, повелел "*отделить Варнаву и Савла на дело, к которому Он призвал их,*" то есть на особенное благодатное служение Церкви Христовой. Как видно дальше, это было миссионерское служение для обращения ко Христу язычников.

Знаменательно возложение рук на Варнаву и Савла, предваренное опять *постом и молитвой*. Это было рукоположение их на апостольское служение. Конечно, возлагало руки не все общество, а его предстоятели, сообщившие, таким образом, поставляемым на апостольское служение особые благодатные дары, необходимые им для успеха их дела. Они отправились в путь, как видно, сопровождаемые Иоанном-Марком, который должен был услуживать им и помогать, крестя новообращенных и исполняя второстепенные обязанности.

Прежде всего они отправились на остров Кипр, ближайший к Антиохии остров Средиземного моря. Это место было самым подходящим для того, чтобы с него завязать сношения со всем остальным языческим миром. Варнава был сам родом с этого острова, на нем жило много иудеев. Благодаря географически-выгодному положению Кипра, они должны были ближе общаться с языческим населением, чем на материке - как занимавшиеся морской торговлей, жители острова имели обширные связи с окружающими материками, особенно с южными областями Малой Азии, куда и отплыли потом Апостолы.

Чтобы отправиться из Антиохии на Кипр, они должны были прийти в *Селевкию* - небольшой портовый городок в устье р. Оронта, на берегах которой лежала Антиохия. Здесь они сели на корабль и отправились на Кипр, высадившись затем на восточном берегу острова в г. Саламине. Так как Варнава был родом из кипрских иудеев, то

естественно, что они обратились с проповедью о Христе прежде всего к тамошним иудеям в их синагогах. Святой Павел и позже держался правила - проповедовать сначала иудеям, а потом уже язычникам. Для исполнения разных поручений они имели при себе Иоанна-Марка.

Из Саламина они пошли далее на запад и прошли весь остров до г. Пафа, лежавшего на западном побережье. Это был главный город - местопребывание римского проконсула, правителя Кипра. Там они нашли некоего волхва, в том же смысле, в каком этим именем назывался самарянский Симон-волхв, по имени Вариисуса (что, собственно, значит "сын Иисуса"). Дееписатель клеймит его именем лжепророка. Сам же Вариисус был иудеянин, хотя и носил почему-то арабское имя *Елима*, быть может, потому, что был родом из Аравии, или просто присвоил себе это имя, дабы слыть за восточного мудреца. Видимо, этот волхв имел влияние на проконсула *Сергия Павла*, которого Дееписатель называет "мужем разумным," и используя это влияние пытался отвратить его от веры во Христа. Можно полагать, что проконсул этот не удовлетворялся языческой религией и держал при себе Иудейского волхва, надеясь в его мудрости и учении найти себе удовлетворение, но не найдя этого, пожелал обратиться к проповедникам нового учения, пришедшим в его город. Елима, что в переводе и значит "волхв," воспротивился им, боясь потерять свое влияние на проконсула.

"Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, ¹⁰ сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды", и поразил его слепотой. Это обличение волхва, соединенное с чудесным знамением, произвело такое впечатление на проконсула, что он, уже без колебаний, уверовал во Христа. Здесь замечательно то, что отныне *Савл* перестает называться этим именем, а именуется далее уже *Павлом* - имя, с которым он и вошел в историю.

Большинство древних толкователей полагают, что эта перемена имени произошла вследствие того, что Савл, после первого, совершенного им великого чуда и обращения проконсула Сергия Павла, ставшего его первым духовным чадом в его апостольской деятельности, принял на себя, в память этого знаменательного события, имя проконсула *Павел*. Характерно, что с этого времени Павел, как явивший в себе особую силу Духа Божия и тем показавший себя главным Апостолом языков, ставится на первое место. В то время как до этого события Дееписатель имя Варнавы ставил первым и писал *"Варнава и Савл,"* то с этого момента он постоянно пишет: *"Павел и Варнава."* Другие толкователи высказывают предположение, что *Савл* - его еврейское имя, а *Павел* - римское имя, которое носил Савл от самого своего рождения, как римский гражданин, что было в употреблении у иудеев. В начале, как истовый фарисей, он именуется своим еврейским именем Савла; когда же он вышел на проповедь языческому миру, он стал употреблять свое римское имя.

Путешествие в Пергию и Антиохию Писидийскую (13:13-41).

"Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию, в Памфилии." . . Сразу же Павел ставится во главе миссии: *"Павел и бывшие при нем,"* под которыми понимаются, конечно, Варнава, Иоанн-Марк и, может быть, еще кто-либо из обращенных киприят.

Памфилия - малоазийская прибрежная область к северу от Кипра, а Пергия - главный город этой области, недалеко от моря на реке Цестре.

Неизвестно, по какой причине, может быть, по слабости характера и боязливости, которых Павел не одобрял (15:37-39), Иоанн, отделясь от Апостолов, возвратился во

Иерусалим. "Они же," то есть Павел со своими спутниками, прибыли в "Антиохию Писидийскую." Это был главный город Писидии, области, лежавшей на север от Памфилии, внутри Малой Азии.

Вошедши в синагогу, в день субботний, они сели и, после чтения закона и пророков, сами начальники предложили им сказать слово наставления к народу. Начальник синагоги - "архисинагог," собственно, был один, а здесь имеются в виду, вероятно, старцы, члены совета при архисинагоге. Некоторые предполагают, что к Павлу со спутниками они обратились потому, что те сели на скамью раввинов. Вероятнее, однако, предположение, что Павел и Варнава еще до посещения ими синагоги, сделались известными в городе, как мужи учительные.

В тот день святой Павел произнес речь, которая состояла в кратком, но сильном изображении истории еврейского народа от времен патриархов до Давида. Целью этого исторического обзора было, как это сделал раньше и святой Стефан, указать на имевшие место тогда великие благодеяния Божьи. Затем он непосредственно перешел к истории Господа Иисуса Христа и учению о прощении грехов через Него, с сильным предостережением против неверия в Него. Речь его обращена не только к природным иудеям ("*мужие Израильтяне*"), но и к прозелитам врат ("*боящиеся Бога*"), которые занимали особые места на собраниях синагоги. Речь эта разделяется на три части: 1) Вступление с 16 по 22 стих, носящее чисто исторический характер, которое говорит о попечении Божьем над Израильским народом от патриархов до Давида; 2) Главная часть речи с 23 по 37 стих, содержащая учение о Господе Иисусе Христе, как о Мессии, предсказанном в Ветхом Завете - здесь говорится о проповеди Иоанна Крестителя, об осуждении Господа Иисуса Христа, о смерти Его и воскресении; характерно, что и святой Павел, подобно Апостолу Петру (Деян. 2:27-31), приводит те же самые слова Псалмопевца Давида из 15 псалма, утверждая, что невозможно приложить их к Давиду и что они могут быть приложены только ко Христу; 3) Заключение носит чисто-практический характер (стихи 38-41) - в нем Апостол возвещает о прощении грехов всем, кто уверует во Христа, и предостерегает от неверия словами пророка Аввакума (1:5).

Успех проповеди Апостола Павла и гонение со стороны иудеев (13:42-52).

Проповедь Апостола Павла произвела, видимо, сильное впечатление на прозелитов (которых Дееписатель называет "язычниками"), так как при выходе Апостолов из синагоги (как видно, еще до формального роспуска собрания, что разрешалось для пришельцев-гостей), они просили их говорить о том же в следующую субботу. Впрочем, в большинстве древних рукописей этого слова "язычники" нет, так что можно полагать, что и иудеи также участвовали в этой просьбе, как это можно заключить из следующего стиха 43, где говорится, что "*многие Иудеи последовали*" за Павлом и Варнавой. Очевидно, сердца их коснулась благодать Божья.

В следующую субботу почти весь город собрался слушать "*Слово Божие*." Дееписатель не передает этой второй речи святого Павла, а приводит лишь заключительные слова ее в 46 ст., вызванные тем, что Иудеи, по зависти к великому успеху проповедника, начали противоречить ему и злословить, сопротивляясь тому, что говорил Павел. Присутствие стольких язычников оскорбляло иудеев, ибо они не допускали мысли, чтобы язычники могли участвовать в мессианском спасении. Тогда Павел и Варнава открыто объявили, что без сомнения, Евангелие должно быть возвещено прежде всего иудеям, но так как они отвергают его и сами себя делают недостойными, то было совершенно справедливо обратить проповедь к язычникам, как это было предречено еще пророком Исаией: "*Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли*" (49:6). Эти

слова доставили великую радость язычникам, которые во множестве уверовали во Христа - не все, правда, но те, которые были "*предопределены к вечной жизни*" - предопределены, не в смысле безусловного, конечно, предопределения, а те, кого Господь избрал, по предведению доброго направления их воли.

Из Антиохии Слово Божье распространилось "*по всей стране,*" то есть по Писидии. Это вызвало ожесточение среди иудеев, которые возбудили против Павла и Варнавы некоторых почетных женщин, язычниц по рождению, принявших Иудейство, а эти по неразумной ревности к своей новой вере, сумели воздвигнуть такое гонение на Апостолов, что им пришлось по заповеди Христовой, отряси прах от ног своих, уйти от этих упорствовавших в неверии людей. Так, здесь в первый раз иудейство соединилось с язычеством в гонении на христианство. Апостолы пошли в *Иконию*, главный город области, называвшейся *Ликаония*, на восток от Писидии. В Антиохии же новообращенные ими ученики "*исполнялись радости и Духа Святого,*" что показывает, что они, твердо уверовав, нисколько не пали духом от гонения, постигшего их учителей. "*Такова сила Евангелия,*" говорит блаженный Феофилакт, "*учителей гнали, а ученики радовались.*"

Глава четырнадцатая.

Проповедь Павла и Варнавы в Икони, Листре и Дервии (1-7). Исцеление хромого в Листре и попытка язычников принести Апостолам жертву (8-18). Гонение на Апостолов и их возвращение в Антиохию через города с новооснованными христианскими общинами (19-28).

Проповедь в Икони, Листре и Дервии (14:1-7).

В Икони Апостолы вновь проповедовали в синагоге и обратили ко Христу великое множество иудеев и язычников. Но и тут неверующие Иудеи сумели раздражить против них известную часть язычников, что, однако, не помешало Апостолам пробыть в Икони "*довольно времени,*" проповедуя и творя чудеса. Народ в городе разделился: одни были на стороне иудеев, а другие на стороне Апостолов. Но все же злоба их врагов достигла такой степени, что они устремились на Апостолов, дабы побить их камнями. Это замечание ясно указывает, что подстрекателями были именно иудеи, так как побиение камнями было иудейским родом казни для богохульников. Узнав об этом, Апостолы решились бежать в другие города Ликаонии - *Листру* и *Дервию* на юго-восток от Икони. В этих городах и их окрестностях Апостолы занялись проповедью Христова учения.

Исцеление хромого в Листре (14:8-18).

Апостолы в первый раз находились здесь перед языческим обществом. Жители Ликаонии достаточно знали греческий язык, чтобы понимать проповедь. Среди слушавших Апостола Павла был хромым от рождения. Увидев его душевное настроение, Апостол счел его достойным чудесного исцеления: видимо, проповедь Апостола возбудила в этом хромом веру во всемогущую силу Того, о Ком он проповедовал.

Чудо, совершенное затем Павлом над хромым, произвело необыкновенно сильное впечатление. Язычники, конечно, истолковали его со своей обычной, естественной для них точки зрения: они приняли Апостолов за богов, сошедших с неба, и начали приготовления, чтобы принести им жертву, как богам. Варнаву, старшего годами и более

представительного по внешности, они приняли за главного бога своего Зевса (или Юпитера), которому был посвящен храм вблизи города, а Павла, постоянно проповедовавшего и имевшего дар убедительного слова, - за *Ермия* (или Меркурия).

Дееписатель подчеркивает, что они высказали это, воскликнув *по-ликаонски*; особенно сильные переживания всегда обычно выражают на своем родном языке. Что это за ликаонский язык, сказать трудно: одни считают его за наречие, родственное ассирийскому, другие считают его тождественным с каппадокийским наречием, иные за испорченное греческое наречие.

Жрец Зевса собирался совершить жертвоприношение перед воротами города, как ошастливленного, по мнению суеверных язычников, посещением богов. Узнав об этом, Апостолы Павел и Варнава разодрали свои одежды, в знак скорби о таком ослеплении народа и стремительно войдя в толпу, собравшуюся у ворот города около жреца и приготовленных им жертвенных животных, убеждали их оставить это предприятие.

Речь Апостолов, чтобы не раздражать возбужденных чувств народа, наполнена огорчением и вместе с тем тонким тактом в суждении о языческой религии вообще ("*Бог ... попустил всем народам ходить своими путями...*"). Тем не менее, Апостолы решительно назвали их богов "*суетными*," то есть ложными, и заявили, что они пришли обратить их "*к Богу Живому*," Который сотворил небо и землю и море, и все, что в них. Они дали понять, что язычники могли бы познать этого истинного Бога из благодетельных явлений природы. Эта речь святого Апостола Павла напоминает слова его в послании к Римлянам, начиная с 1:20 и далее.

Гонение на Апостолов (14:19-28).

Едва удалось убедить народ не приносить им жертвы, как тут произошло то, что трудно было ожидать и то, что показывает, насколько непостоянно настроение народной массы. Если эти необыкновенные иностранцы не боги, то, очевидно, они - противники богов. Видимо, это внушили ликаонцам пришедшие из Антиохии и Иконии иудеи, которые так сумели настроить этих язычников против Апостолов, что те побили Павла камнями и вытащили его за город, считая уже мертвым. Побитие камнями опять указывает на инициативу в этом деле иудеев. Побили Павла, а не Варнаву, потому что он был сильным проповедником и его особенно ненавидели иудеи, как главного врага.

Когда ученики собрались около него, видимо, от скорби, а может быть, для погребения, он встал и вернулся в город. Это, конечно, было чудесным, и указывает на необыкновенную твердость духа у Апостола.

Затем он удалился с Варнавой в Дервию на юго-восток от Листры. Там они тоже приобрели проповедью много учеников, а затем предприняли обратный путь через все пройденные ими города - Листру, Иконию и Антиохию, с целью утвердить души учеников, то есть ободрить их в предстоящих им скорбях и гонениях за исповедание Имени Христова, и поучая их "*что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.*"

Это поучение вполне согласно с учением Самого Господа Иисуса Христа, Который путь спасения называл *путем узким и вратами тесными* (Матф. 7:13-14) и в Своей прощальной беседе с учениками предрек им: "*В мире будете иметь скорбь*" (Иоан. 16:33).

Путь скорбей и страданий - необходимый путь для каждого желающего спастись, ибо этим путем шел и Сам Божественный Основатель христианства. Неправы поэтому протестанты и сектанты, считающие себя уже спасенными только потому, что они уверовали, и отрицающие необходимость личного подвига для спасения.

При этом Апостолы рукоположили *пресвитеров* к каждой церкви, то есть предстоятелей и руководителей каждой общины, чем давалась им прочная организация и возможность совершения таинств. При прощании с каждой отдельной общиной Апостолы молились и постились, чем опять подчеркивается важность и необходимость **поста**. Уходя, они предавали эти общины Господу, то есть Его милости и покровительству.

Через Писидию и Памфилию Апостолы возвратились в Пергию, первый город, в который они прибыли, высадившись на берег Малой Азии. Проповедав там снова, сошли в *Атталию*, приморский город в той же Памфилии, на юго-востоке, при впадении в море Катаракта, а оттуда отплыли в свою митрополию - Антиохию Сирийскую, откуда начали свое первое миссионерское путешествие. Там они собрали все общество христиан, чтобы поведать ему, что сделали не они сами, а *Бог через них* - смиренное сознание своего ничтожества.

Глава пятнадцатая.

Смущение в Церкви Антиохийской и апостольский собор в Иерусалиме (1-35).
Отправление Апостола Павла во второе миссионерское путешествие (36-41).

Апостольский Собор в Иерусалиме (15:1-35).

Воззрение иудеев на обязательность соблюдения обрядового уложения Божественного закона Моисеева было слишком глубоко внедрено в них, а потому им трудно было согласиться с мыслью о ненужности соблюдения некоторых обрядов этого закона в христианстве, в особенности тем, которые не были евреями. Когда в Церковь Христову вступили язычники, этот вопрос необходимо должен был быть поставлен во всей своей остроте, что и случилось, наконец, в Антиохии, этой первой большой христианской общине из язычников.

Туда пришли миссионеры из Иудеи, которые стали учить об обязательности для христиан *обрезания*, по закону Моисееву. Из того, что Апостолы адресовали по этому случаю письмо не в Антиохию только, но и в Сирию и Киликию, видно, что подобные же миссионеры появились и там. Они положили начало первой христианской ереси - "иудеиствующих" (см. ст. 23).

Произошло "*разногласие*" и "*состязание*" у Павла и Варнавы с ними. Очевидно, в обществе антиохийском эти миссионеры нашли себе какую-то часть сочувствующих, вероятно, среди христиан из иудеев. Необходимо предположить, что Павел и Варнава отрицали обязательность обрезания для христиан из язычников, но так как произошла смута, нарушившая мир, то было решено отправить в Иерусалим для разрешения этого вопроса особое посольство, с Павлом и Варнавой во главе. Необходим был авторитет Апостолов, пребывавших во Иерусалиме для разрешения этого спорного вопроса. Вместе с пресвитерами они составляли теперь, как видно, высший административный и судебный

орган, каким был для иудеев синедрион. Возможно, что эти миссионеры прикрывались авторитетом самих Апостолов.

"Будучи провожены церковью" - посланные были направлены Церковью, чем подчеркивается важность этого посольства, возбуждавшего общее к себе участие и интерес. Посланные проходили Финикию и Самарию, через которые естественно лежал их путь в Иерусалим из Антиохии, причем по пути рассказывали в бывших там христианских общинах об обращении язычников, чем возбуждали общую радость. Как уполномоченные великой Антиохийской Церковью, они были приняты всей Иерусалимской Церковью с Апостолами и пресвитерами во главе, видимо, в особом торжественном собрании, на котором и поведали об обращении язычников.

Против их способа принятия в Церковь язычников тотчас же, здесь же в собрании, восстали *"некоторые из фарисейской ереси уверовавшие,"* как бывшие наиболее строгими ревнителями обрядового уложения закона Моисеева, которые заявили, что *"должно обрезать"* язычников и заповедовать им блюсти этот обряд закона Моисеева. Апостолы и пресвитеры для рассмотрения этого столь важного вопроса созвали целый собор из всей Иерусалимской Церкви. В послании к Галатам 2 гл. 1-21 святой Апостол Павел вспоминает, как он через 14 лет по своем обращении или после первого посещения Иерусалима, ходил на этот собор и отстаивал там ненужность обрядового уложения закона Моисеева для христиан.

Отсюда делается расчет, что этот первый **Апостольский Собор** происходил в **51 году по Рождестве Христовом**.

Вопрос, подлежавший решению, в сущности был таков: **Закон или Евангелие?** Моисей или Христос? Благодать или дела закона? Евангельская свобода или иго законное? Закон Моисеев, как учит об этом Апостол Павел в посл. Галатам 3:24-25, был дан лишь, как детоводитель ко Христу, а потому по пришествии Христовом он становился уже ненужным, ибо заменялся новым законом Христовым. Считать обрядовой закон обязательным в христианстве - значило **считать недостаточной искупительную силу закона Христова**. Если бы воззрение иудействующих одержало верх, христианству грозила бы опасность превратиться в иудейство. Вот почему Апостол Павел до конца дней своих решительно боролся с этим заблуждением, и все его послания проникнуты мыслью, что человек оправдывается **лишь верой во Христа, а не делами закона**. Эту мысль его извратили протестанты и сектанты, уча о ненужности добрых дел для спасения, хотя Апостол Павел и не думал этого утверждать, а доказывал только **ненужность обрядового закона в христианстве**: под *"делами закона"* ясно разумеются обрядовые предписания Моисеева закона, а вовсе не добрые дела.

После предварительных долгих споров и прений на соборе, взял слово святой Апостол Петр, который дал руководящую нить к решению вопроса: он напомнил всем известное событие (*"вы знаете"*) о чудесном обращении через него ко Христу сотника Корнилия, получившего чрезвычайным образом Духа Святого и сделал вывод из него в приложении к рассматриваемому вопросу: так как Сердцеведец Бог, Который не может обмануться в суждении о способности язычников к достижению ими спасения о Христе, не положил никакого различия между христианами из иудеев и христианами из язычников, то *"что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?"* то есть: зачем хотите заставить исполнять их эти тяжкие обрядовые уложения ветхозаветного закона с его многочисленными правилами и предписаниями, которого ни мы ни отцы наши не были в состоянии исполнить? Характеризуя так обрядовые уложения ветхозаветного закона, Апостол этим указывает,

что само по себе соблюдение их не оправдывает человека перед Богом и поэтому они, следовательно, лишние в христианстве. *"Мы веруем,"* закончил свою речь Апостол, *"что только благодатью Господа Иисуса Христа спасемся."* Эти мысли подробно раскрывает также святой Апостол Павел в своих посланиях к Галатам (напр., 3:10), к Римлянам (3:9-19), к Коринфянам (1 посл. 1:3...).

Впечатление от слов Петровых было таково, что все собрание умолкло, то есть прения совсем прекратились. Как показывает дальнейшая история христианства, лжеучение иудействующих не было совсем сразу искоренено и долго еще продолжало волновать Церковь, но здесь на собрании оно было побеждено словами Петра, и поборники его затихли. Спокойно и молча, без перерывов слушало все собрание Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников во время их миссионерского путешествия.

Все это подтверждало истину того, что говорил Петр - обращение язычников ко Христу, игнорируя жесткое соблюдение некоторых обрядовых уложений иудейского закона - есть дело Божье и, следовательно, не нужно христиан из язычников принуждать к исполнению обрядовых уложений Моисеева закона.

Затем начал речь святой Иаков, брат Господень, которому, как предстоятелю Иерусалимской Церкви и вместе с тем, как председателю собора, принадлежало последнее слово. Слово его было решающим еще потому, что сам он слыл строгим ревнителем закона и получил за это не только у христиан, но и у самих иудеев, наименование **"праведного."**

Речь святой Иакова состоит из двух частей: в первой он подтверждает истину слов Петра пророческим словом, во второй предлагает окончательную формулу решения собора.

"Бог призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое" - замечательно утверждение Иакова. До сих пор иудеи думали, что только они - избранный народ Божий; теперь святой Иаков свидетельствует, что и христиане из язычников такой же избранный народ Божий, как и евреи. В доказательство он ссылается на пророчество Амоса 9:11, в котором Бог обещает восстановить падший дом Давидов, так что он будет царствовать над всеми народами, которые обратятся к истинной вере. Здесь разумеется устройство Мессией Царства Божьего на земле, в которое войдут не только иудеи, но и язычники.

Во второй части своей речи святой Иаков предлагает освободить обращающихся из язычников от исполнения некоторых обрядовых уложений закона Моисеева, и требовать от них отказа от исполнения только того, что несогласно с духом закона Моисеева и противно духу христианства.

Это так называемые "заповеди Ноя": 1) **воздерживаться от оскверненного идолами**, то есть от вкушения мяса языческих жертв, приносимых идолам, 2) **от блуда**, то есть сладострастия во всех его видах, - требование особенно важное, потому что этот грех был самым распространеннейшим в языческом греко-римском мире и едва ли даже считался пороком; 3) **от удавленины**, то есть употребления в пищу мяса такого животного, которое умерщвлено чрез удавление и в котором осталась его кровь, 4) **от крови**, которая была запрещена в пищу, как мерзость, еще во времена Ноя (Быт. 9:4). Пятое требование: **"не делать другим того, чего себе не хотят"** находится лишь в немногих древних рукописях. Оно имеет целью умиротворение всяких недоразумений, но оно не относится к требованиям обрядового закона Моисеева, а потому о нем не было надобности и говорить. Это требование уже чисто - **нравственное**. О нем не упоминается позже в 21:25. Связь

перечисления этих требований с дальнейшими словами святого Иакова о том, что *"закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу,"* не совсем ясна.

Предложение святого Иакова было единогласно принято Апостолами, пресвитерами и всем обществом, как резолюция собора, и было решено эту резолюцию отправить с нарочитым посольством из Павла, Варнавы, Иуды, прозываемого Варсавой, и Силы в Антиохию в письменном виде. Письмо это, вероятно, было написано, как свидетельствует об этом форма его с обычными у греков приветствиями в начале и конце, **на греческом языке**. В этом послании высказывается порицание тем, которые требовали от бывших язычников обрезания и соблюдения всего обрядового закона, похваляются Варнава и Павел, как люди, до самопожертвования преданные Господу, и именем Духа Святого (*"Ибо угодно Святому Духу и нам "*) заповедуется исполнять только те требования, которые были предложены святым Иаковом: *"воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите."*

Отправленные пришли в Антиохию и там, вероятно, в торжественном собрании вручили это послание, прочтение которого вызвало радость и было, по словам Деяпистателя, *"утешением."* Иуда и Сила, будучи пророками, преподали наставление братьям, очевидно в связи с произшедшим смущением вопросом. Сила остался в Антиохии, а Иуда возвратился в Иерусалим. Павел же и Варнава продолжали свое благовестие в Антиохии.

Второе миссионерское путешествие Апостола Павла (15:36-41).

Спустя некоторое время святой Павел предложил Варнаве вновь отправиться посетить те города, в которых были основаны ими христианские общины в первое миссионерское путешествие, на Кипре и в Малой Азии. Но первоначальный план их скоро изменился. Варнава хотел вновь взять с собой в спутники Иоанна-Марка, но Павел воспротивился этому. Греческое выражение свидетельствует, что Павел считал Марка недостойным того, чтобы он, отпавший от них во время первого путешествия, и, следовательно, от того дела, на какое они были посланы тогда Духом Божиим, снова был взят на это дело. Видно, что Павел гораздо строже смотрел на этот проступок Марка, а Варнава был к нему более снисходителен. Между ними произошло *"огорчение,"* и они разделились: Варнава, взяв Марка, отправился в Кипр, а Павел, взяв себе в спутники Силу, отправился по Сирии в Киликию. Нельзя думать, что между Апостолами произошла ссора. Святой Павел и после упоминает о Варнаве с великой похвалой (2 Кор. 8:18), а для дела было полезно, что Варнава избрал для себя особый круг деятельности; для Марка же были на пользу как строгость Павла, так и снисходительность Варнавы. По словам святого Иоанна Златоуста, *"строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сделала то, что он не остался; так распря, бывшая между ними, достигает одной цели - пользы."*

Как говорит предание, Варнава с Кипра предпринимал путешествия в разные языческие страны: на о. Крит, в Италию, где первый был в Риме и основал церковь в Медиолане. По возвращении на родину на о. Кипр, он так восстановил против себя ревностной проповедью о Христе иудеев, что был побит камнями. Память его празднуется 11 июня. (24 июня н.ст.)

Глава шестнадцатая.

Второе миссионерское путешествие святого Апостола Павла. Павел в Листре и Дервии и обрезание Тимофея. Путешествие до Троады (1-8). Видение мужа-македонянина и путешествие в Македонию (9-11). Павел в Филиппах: обращение Лидии, изгнание прорицательного духа (12-18). Заключение Павла и Силы в темницу, чудесное освобождение и обращение темничного стража (19-40).

Путешествие в Троаду (16:1-8).

Дееписатель очень кратко говорит о всем том, что предшествует прибытию святого Апостола Павла в Европу: о миссии его в Сирии и Киликии, потом в Дервии и Листре и, наконец, во Фригии и Галатии. Цель его - рассказать, как христианство начало распространяться в Европе и дошло, наконец, до самого сердца тогдашнего греко-римского мира - великой столицы Запада - царственного Рима.

В Листре святой Павел призвал себе на помощь нового спутника **Тимофея**, а так как последний, имея отцом язычника, не был обрезан, то Павел обрезал его, чтобы сделать возможным для него проповедовать среди иудеев, которых в тех местах было много. Но среди уже уверовавших святой Павел не переставал возвещать о постановлении апостольского собора и призывать христиан исполнять его (16:4). В этом обрезании своего ученика сказались высокая практическая мудрость великого Апостола, который, хотя и учил сам, что *"обрезание в христианстве ничто и необрезание ничто"* (1 Кор. 7:19), в данном случае сделал это *"ради Иудеев,"* руководствуясь своим мудрым правилом - *"быть всем для всех, чтобы всех спасти"* (1 Кор. 9:20-22), ибо Иудеи никак не стали бы слушать Слово Божие от необрезанного.

Из всех спутников святого Павла о Тимофее мы знаем более всего подробностей. Начиная с этого времени, он почти неразлучный спутник Павла и упоминается в большей части посланий его. В 2 Тим. 1:5 мы находим подробности об его родителях. Когда Апостол был в узах в Риме, и Тимофей был с ним. Как видно из стихов 2 и 3, он был родом из Листры. Имея отца язычника, а мать иудеянку, Тимофей принадлежал, так сказать, и к иудейству и к язычеству и, таким образом, был очень пригоден для проповеди тем и другим.

В сопровождении Силы и Тимофея, Апостол Павел прошел по всем городам Писидии, Ликаонии и Памфилии, где уже было насаждено им христианство в первое его путешествие, передавая постановление апостольского собора. Церкви там укреплялись и численно росли, как свидетельствует Дееписатель.

Из Писидии святой Павел со своими спутниками предпринял путешествие во внутренние области Малой Азии - Фригию и Галатию. По всей вероятности, в это время основаны были те церкви в Галатии, к которым потом Павел писал одно из самых важных своих посланий **к Галатам**, а равно и церкви фригийские в Колоссах, Лаодикии и Иераполе, к которым также потом было написано послание **к Колоссянам**. Из Галатии и Фригии проповедники предположили было идти в западные провинции Малой Азии, известные под именем проконсульской Азии, или **Асии** в тесном смысле слова - **Мисию, Лидию и Карию** - все западное малоазийское побережье Средиземного моря, но *"не были допущены Духом Святым проповедовать слово"* там. Это было тогда, когда они дошли уже до Мисии, вследствие чего они предположили было идти в **Вифинию**, пограничную с Мисией, северо-западную область Малой Азии, но *Дух* опять *не допустил их* туда. Надо полагать, это было потому, что они призывались к миссионерской деятельности в Европе, почему они, несомненно по внушению Духа, миновав Мисию, пошли в приморский город

Троаду, откуда морем недалеко было переправиться в Европу. Здесь действительно ими было получено откровение об этом.

В видении Апостолу Павлу предстал *"некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам."* Может быть, это был ангел народа македонского в образе мужа. Македония была в то время большой областью греко-римской империи, прилегавшей с северо-запада к так называвшемуся тогда Эгейскому морю, ныне Архипелагу. Македонянин не высказывает, в чем именно им нужна помощь, но это ясно: человечество без Христа обречено на гибель и в этом отношении находится в беспомощном состоянии. Проповедать Христа неведущему Его народу - это и значит помочь ему освободиться от ожидающей его гибели. Апостолы так и поняли это приглашение и *"положили"* отправиться в Македонию. Здесь Деятели впервые говорит *"мы"* и таким образом с этих пор включает себя в число спутников Святого Апостола Павла. В этом тоне он продолжает рассказывать, с некоторыми перерывами, уже до конца, как свидетель-очевидец повествуемых событий. Отсюда можно заключить, что святой Лука именно в Троаде стал спутником Апостола Павла.

Путешествие в Македонию (16:9-11).

Отправившись из Троады, проповедники прибыли в **Самофракию**, остров на Эгейском море, к северо-западу от Троады, в 38 римских милях (около 55-60 верст) от берега Фракии, находившейся уже в Европе. Отсюда на другой день они прибыли в **Неаполь**, приморский город при Стримонском заливе, причислявшийся тогда к Фракии. Это был **первый Европейский город**, в котором высадился святой Павел со своими спутниками (ныне Кавалла). Оттуда, не останавливаясь в этом городе, они направились в **Филиппы**, уже македонский город. Он лежал недалеко от Неаполя к северо-западу в 13-14 верстах; построен он был Филиппом, Царем Македонским, отцом Александра Великого, на месте деревни Крениды. Юлий Цезарь устроил там римскую колонию.

В этом городе так мало было иудеев, что не было синагоги. Поэтому, по принятому у иудеев обычаю, они собирались там вне города на берегу реки Гангеса для молитвы. Это место было, быть может, огорожено, но там не было никакого постоянного здания. В субботний день проповедники направились туда и, севши, разговаривали с собравшимися там женщинами. Вероятно, мужчин там и не было, а только женщины-еврейки, быть может, вышедшие замуж за местных язычников. Поэтому Павел и его спутники и не держали, по обычаю, продолжительной речи, как это бывало в синагогальных многолюдных собраниях, а только вели беседу. Под влиянием этой беседы, обратилась ко Христу и приняла святое крещение со всеми своими домашними некая *Лидия* из г. Фиатир, торговавшая багряницей. Фиатиры были македонской колонией в малоазийской провинции Лидии. Вероятно, Лидия сама была македонянка-прозелитка и имя Лидии, довольно распространенное у древних, получила от своей родной страны. Она, видимо, пользовалась некоторым благосостоянием, так как занималась приготовлением и продажей очень ценившихся пурпуровых тканей. Поэтому она и предложила гостеприимство и помощь святому Павлу с его спутниками. Проповедь здесь шла несомненно успешно и образовалась целая христианская община, которой писал потом святой Павел свое **послание к Филиппийцам**. Эта община была особенно близка и дорога сердцу Павла, и он, привыкший всегда сам заботиться о своем содержании, несколько раз принимал от этой общины материальную помощь на свои нужды во время своих путешествий, а также во время своих уз в Риме (Фил. 1:5; 2:12; 4:14-16). Известны также имена некоторых сотрудников Павла в Филиппах: двух женщин - Еводии и Синтихии и двух мужчин - Климента и Епафродита (Фил. 4:2-3 и 2:25).

Павел в Филиппах, изгнание прорицательного духа (16:12-18).

Филиппы оказались и первым европейским городом, в котором было возбуждено со стороны языческого населения гонение на проповедников христианства.

Поводом к этому гонению было изгнание святым Павлом беса из одной рабыни, которая, благодаря жившему в ней бесу, занималась прорицанием и благодаря этому доставляла большой доход своим господам. После изгнания беса господа лишились этого дохода. Рабыня эта, видимо, была, как можно понять из употребленного здесь греческого выражения, "пифон," чревовещательницей, а народ считал ее вдохновенной каким-либо из богов, почему и обращался к ней с разного рода вопрошениями. Рабыня кричала: *"сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения."* В этом можно видеть невольное исповедание бесом величия Божия, чему примеры мы имели и в земной жизни Господа Иисуса Христа. Святой Иоанн Златоуст видит в этом лукавое действие демона. Павел вознегодовал, не желая принимать исповедания от демонов. Евангелие, которое должно разрушить дела диавола не имеет нужды в его опоре.

Заключение Павла и Силы в темницу (16:19-40).

Господа этой рабыни, видя, что она перестала прорицать, схватили Павла и Силу и повлекли их на площадь, где обычно разбирались судебные дела, *"к начальникам"* - городским начальникам и воеводам. Это были так наз. у римлян дуумвиры, сами себя называвшие и народом величаемые почетным именем **преторы**. Апостолы были обвинены, как иудеи, возмущающие общественное спокойствие и обычаи города проповедью своей религии (под *"обычаями"* в широком смысле понимаются нравы общественной жизни, а в частности обычаи религиозные и богослужебные). Чужие религиозные обычаи, противные языческой религии, у римлян было строго воспрещено вводить. А здесь, может быть действовало еще свежее впечатление от указа имп. Клавдия об изгнании Иудеев из Рима (18:2). Господа рабыни сумели возбудить и народ. Это было причиной, что воеводы, без всякого расследования дела, подвергнув Апостолов избиению палками, ввергли их в темницу под усиленный караул. Темничный страж заключил их в самую внутреннюю темницу, где содержались особенно тяжкие преступники, забив их ноги в колоды, то есть большие тяжелые чурбаны с отверстиями, куда вставлялись ноги, чтобы они не могли убежать.

Но *"чем строже заключение, тем славнее чудо,"* говорит святой Иоанн Златоуст. Павел и Сила не впали в уныние: напротив, исполненные радости, что удостоились пострадать за имя Христово, они стали молиться громко, воспевая псалмы. Вдруг от чудесно-происшедшего землетрясения темница поколебалась в своем основании, двери все сами собой открылись, и оковы узников ослабели. Страшась наказания за возможный побег узников, страж хотел покончить с собой, но Павел его успокоил, что все на месте. Страж потребовал огня и припал к ногам Павла и Силы, признавая их за посланников Божьих.

"Государь мой! что мне делать, чтобы спастись?" - спрашивал он Апостолов, выведя их во внешнюю темницу, куда, видимо, в страхе собрались и все домашние стража. Происшедшее чудо, видимо, убедило его, что эти узники проповедуют несомненно *истинный путь спасения*, и он изъявляет желание идти по этому пути и спрашивает, что для этого нужно. Апостолы требуют, как необходимого условия, веры в Господа Иисуса Христа и тут же оглашают всех учением Христовым, после чего было совершено над ними крещение. Страж, со своей стороны, позаботился о них: он омыл и перевязал раны, какие были нанесены им палками, пригласил их в дом свой и устроил им трапезу. Греческое выражение **"возведши"** указывает, что страж с семейством своим жил в

верхних комнатах того здания, в нижних помещениях коего содержались узники. Этим и объясняется, что он и домашние его пробудились при сотрясении здания, и все собрались около него.

За ночь воеводы, вероятно, одумались, что опрометчиво поступили, наказав без суда Павла и Силу, а потому, желая окончить все это дело тихо, они послали приказ стражу отпустить их. Но Павел воспользовался правами римского гражданина и потребовал, чтобы нанесенное ему и Силе бесчестие было снято так же публично, как было нанесено публично. Конечно, Павел потребовал этого не ради удовлетворения собственного честолюбия, а ради того дела, которому он служил. Если бы они тайно выпущены были из темницы, могли бы пустить слух, что они не без вины были заключены в нее и убежали из нее виновные, а это, конечно, повредило бы делу евангельской проповеди. Святой Павел и требует публичного оправдания и освобождения. Римское гражданство освобождало носителей его от телесных наказаний. Павел, как уроженец Тарса, имел римское гражданство от рождения (22:18): может быть, отец его или один из предков получил права римского гражданства за какие-нибудь заслуги во время войны или просто купил его.

Воеводы испугались, так как за оскорбление римских граждан они сами подлежали наказанию, если бы Павел и Сила захотели на них жаловаться. Поэтому они, явившись лично, принесли им свои извинения, но просили их удалиться из города добровольно, опасаясь, чтобы их присутствие не привело к новым волнениям. Апостолы согласились, но прежде пришли к Лидии проститься с братьями и наставить их на прощание. По смыслу текста, отправились только Павел и Сила, а Лука и Тимофей, вероятно, остались на время для устройства новооснованной христианской общины: по крайней мере, Деяния уже пишет в следующей главе не "мы," а "они."

Глава семнадцатая.

Павел и Сила в Фессалонике (1-9) и Верии (10-14). Павел в Афинах и речь его в ареопаге (15-34).

Павел и Сила в Фессалонике (17:1-9).

По большой военной дороге, которая следовала через Амфиполь и Аполлонию, проповедники через четыре дня прибыли в **Фессалонику**, или Солунь, главный город второго округа Македонии (как Амфиполь, главный город первого округа) при Фермейском заливе Эгейского моря. Это был густонаселенный торговый город, в котором пребывал римский претор. Здесь жило очень много евреев, и была синагога.

Апостол Павел, согласно своему обыкновению, начинать проповедь о Христе прежде всего иудеям, вошел в синагогу и три субботы беседовал с иудеями, доказывая на основании Писаний, что Мессии Христу, о котором были пророчества в Ветхом Завете, надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что этот Мессия, предсказанный и обещанный в Ветхом Завете, есть Иисус из Назарета, Которого он проповедует. Это - сущность всей евангельской проповеди и всей христианской веры. Плодом бесед этих было то, что некоторые, как видно, немногие из природных иудеев, уверовали, но из "*Эллинов, чтущих Бога,*" то есть прозелитов, присоединилось к Павлу и Силе "*великое множество*" и из знатных, по своему общественному положению, женщин "*не мало.*"

Однако, не уверовавшие иудеи, которых было большинство, возревновав о том, что новые проповедники отвлекли от них великое множество прозелитов, а частью и природных иудеев, спровоцировали против них народное выступление. Из празднично шатавшихся бродяг они составили толпу и направили ее на дом Иудея, по имени Иасона, у которого, по-видимому, Апостолы нашли гостеприимство. Буйная толпа хотела учинить над Апостолами самосуд, но, так как Апостолов в доме не оказалось, то она повлекла самого Иасона к городским начальникам, обвиняя его в том, что он дал приют возмутителям общественного спокойствия, а с ним и *"некоторых братьев,"* то есть уверовавших во Христа, которые в это время собрались в доме Иасона.

Обвинение, выраженное против них, было политического характера, конечно, только потому, что такое обвинение могло иметь больше, чем какое-либо другое, шансов на успех: эта тактика была употреблена в свое время и против самого Господа Иисуса Христа пред Пилатом - *"и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса."* Такое тяжкое обвинение встревожило и народ и городских начальников, но так как самих обвиняемых не было налицо, то судьи удовольствовались тем, что заставили Иасона дать ручательство за мнимых возмутителей, вероятно, в виде денежного залога за них, и отпустили всех.

Проповедники же при наступлении ночи отправились в Верию - город к юго-западу от Фессалоники, в третьей части Македонии, главным городом которой была Пелла. Верия лежала на самой южной границе Македонии. Там, как и всюду, по обычаю Павла, они пошли прежде всего в синагогу. Эти иудеи оказались *"благороднее Фессалоникических"* не по происхождению, конечно, а по направлению и настроению духа, более свободны от предрассудков и фанатизма, чем иудеи фессалоникические, и приняли евангельскую проповедь со всем усердием и ежедневно, вероятно, уже в частных собраниях, а не синагогальных, которые бывали только по субботам, разбирая Писания с целью удостовериться, все ли так, как проповедовали Павел и Сила. Следствием такого добросовестного отношения было то, что *"многие из них уверовали."* Уверовали также многие из *"эллинских почетных женщин и мужчин,"* то есть прозелитов и язычников.

Однако, фессалоникические иудеи, узнав, что Павел проповедует в Верии, тотчас же пришли сюда и здесь также возбудили чернь против Апостолов. Тогда братья тотчас же отпустили Павла, против которого, главным образом, и на сей раз направлялось возмущение, *"идти на поморие,"* то есть для продолжения путешествия морем, а Сила и Тимофей остались в Верии.

"Сопровождавшие Павла проводили его до Афин" - несомненно, что это путешествие до Афин Павел совершил морским путем, ибо так легче было избавиться от преследовавших его иудеев, а кроме того, если бы Павел шел в Афины сухим путем, он не мог бы не останавливаться в попутных городах для проповеди, чего мы не видим.

Тимофей, оставшийся в Филиппах, присоединился к Апостолу или в Верии или на пути к ней. Теперь ему и Силе, оставшимся в Верии, Павел послал приказ скорее идти к нему в Афины. Они пришли, однако, к Павлу только в Коринф, вероятно потому, что он скоро оставил Афины и перешел в Коринф. Впрочем, из 1 Фес. 2:18-3:2 видно, что Тимофей один приходил к Павлу в Афины, но послан был им обратно в Македонию и именно в Фессалонику, а потом уже вместе с Силой, оставшимся в Верии, пришел к Апостолу в Коринф. Из этого места послания к Солуньянам (Фессалоникийцам) видно, что Павел предпринимал две попытки возвратиться еще в Фессалоники, но в виду встретившихся препятствий, послал туда из Афин Тимофея.

Апостол Павел в Афинах и речь его в Ареопаге (17:15-34).

В ожидании Силы и Тимофея в Афинах Павел возмущился духом, точнее: возмущался дух его в нем при виде города этого, полного идолов. Афины были центром греческого чувственного культа, искусств и богатства, а потому и были полны храмами, алтарями и статуями в честь многочисленных божеств. Высокое развитие архитектуры и ваяния придавало всем этим постройкам и изображениям изящество и пленительность. Это всегда восхищает людей, которые ценят лишь внешнюю земную красоту и изящество. Но статуи языческих богов и богинь высшей степени возмущало Апостола, который видел в этом омрачение и развращение человеческой природы.

По обычаю, он начал свою проповедь в синагоге, а кроме того ежедневно вступал в разговоры и споры с людьми, которых встречал стоящими на площади или прогуливающимися под ближайшими крытыми галереями. Среди этих личностей находились также философы - люди, привыкшие к обсуждению умозрительных предметов и любившие вести споры. Деятели указывают преимущественно на эпикурейцев и стоиков потому, что эти две философские школы имели наибольшее число последователей, так как доктрины их были более понятны и доступны широким массам, чем доктрины других философских школ. Кроме того, именно эпикурейцы и стоики вступили в спор с Павлом, надо полагать, потому, что эти философские системы были особенно резко противоположны христианству: основным началом эпикурейства был грубый материализм и нигилизм, в основе же стоицизма лежала самозамкнутая гордость. Суждение, какое вынесли они от бесед с Павлом, было двоякое: одни, вероятно, эпикурейцы, считали истины, проповедуемые Павлом, пустословием, а другие, по видимому, стоики, заинтересовывались тем, что этот иностранец проповедует о чужих, незнакомых им божествах, так как Павел проповедовал об Иисусе Христе и о воскресении (по-греч. Анастасии), которое они, по мнению святого Иоанна Златоуста, понимали, как особое божество. Эти, по крайней мере, не отворачивались от проповедника с пренебрежением и желали его слушать, хотя и находили его речи странными. Они привели его, не насильственно, а в смысле "пригласили," в **Ареопаг** - место, близ Акрополя, где происходили заседания Верховного Совета греческой республики для обсуждения дел государственных, общественных и судебных. Совет этот, состоявший из лучших и образованнейших людей, сохранил отчасти свое значение и при подчинении Греции Риму. Место это находилось на Марсовом холме, примыкавшем к большой площади, к северу от западной оконечности Акрополя. Павла привели сюда не для того, чтобы судить, а для того, чтобы он перед лицом знаменитейших представителей греческой науки и образованности, в присутствии многого народа, могущего слушать его с площади, изложил свое новое учение.

Став среди Ареопага, святой Павел произнес речь, которая представляет собой **великий образец и его апостольской мудрости, и его красноречия, и применения его всегдашнего правила** - *быть для язычников как бы язычником, чтобы и язычников приобрести для Евангелия* (1 Кор. 9:19-22).

Перед взором его был Акрополь с полной коллекцией знаменитейших произведений искусства, внизу великолепный храм Тезея, вокруг множество храмов, алтарей и статуй разнообразных богов, и все это было сделано искусством лучших художников. Это Павел и использовал для вступительных слов своей речи. Он похвалил Афинян за их набожность. Важно отметить, что при этом Павел употребил такое слово, которое по-гречески обозначает одинаково: и "благодетельство" и "суеверие" в смысле страха перед почитаемыми предметами. Не оскорбляя слуха своих слушателей и вместе с тем не

жертвывая истиной, Павел мудро выбирает это слово, которое характеризует благочестие афинян, как языческое суеверие.

Сами светские писатели греков свидетельствуют, что в Афинах действительно были жертвенники с надписью: "**неведомому богу.**" Объясняется это тем, что многобожие никогда не может быть уверено, что оно почитает **всех** богов: страх, чтобы какие-то неизвестные, а потому и не почитаемые, боги могут прогневаться за непочитание, побудил воздвигнуть жертвенники этим неизвестным богам, чтобы и их умилоустивить. Но несомненно, что в этом поклонении "неведомому Богу" высказывалось и бессознательное стремление многобожия к истине, сознание его несостоятельности и искание единого истинного Бога. Об этой-то истине, только смутно сознаваемой, Павел и считает необходимым дать полное познание: "*Сего то Бога, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам.*"

В своей проповеди святой Павел излагает затем следующие мысли:

1. Есть Один Бог, Творец вселенной.
2. Он совершенно независим от материального мира.
3. Все люди произошли, по воле этого Бога, от одной крови, и, следовательно, имеют Одного и Того же Бога. Важная мысль, ибо различие национальностей было одним из главных оснований древнего многобожия.
4. Различие народов, зависящее от обстоятельств места и времени, определено высочайшей волей Бога: все люди должны придти к познанию Бога: судьбы их - это воспитание, которым Бог ведет их к этой цели.
5. Это познание Бога нетрудно, ибо Бог недалеко от каждого из нас - в самой природе человека есть нечто, связывающее его с Богом.
6. Об этом говорили и языческие поэты:

"мы Его и род." Эти слова приведены Апостолом из астрономического стихотворения поэта **Арата** Киликийского, жившего в III веке до Р. Хр. Подобное же изречение есть и у поэта **Клеанфа**, ученика Зенона в его гимне Зевсу ("мы твой род").

7. Только вследствие печального заблуждения ума люди могли уподобить божество произведениям искусства, веществу, обделанному их собственными руками.
8. Заключает Апостол свою речь призывом к покаянию, мотивом которого выставляет имеющий быть суд над вселенной "*посредством предопределенного*" Богом "*Мужа*

, " т.е. Иисуса Христа, Которого Он воскресил из мертвых.

Еще не успел Апостол даже назвать Имя Иисуса Христа, как одни из слушателей, услышав о воскресении мертвых, стали насмехаться над ним, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Насмехались, очевидно, эпикурейцы, философия которых особенно решительно отвергала идею воскресения мертвых. Другие отнеслись более вежливо, но, если бы у них было искреннее желание действительно послушать Апостола "в другое время," то он остался бы в Афинах, а между тем, как мы видим, он очень скоро оставил Афины. Принужденный прервать неоконченную речь "*Павел вышел из среды их,*" то есть из Ареопага.

Но все же и тут мудрая речь Апостола принесла плоды: уверовали "некоторые," а между ними **Дионисий Ареопагит**, т.е. член Ареопага, и **Дамарь**, по преданию, жена Дионисия. Дионисий, как свидетельствует предание, стал преданнейшим учеником святого Апостола Павла, поставлен был епископом афинским, проповедовал Евангелие в Галлии и мученически скончался в Париже. Память его Церковь празднует 3 (16 н.ст.) октября. Не обильным плодом кончилась мудрая речь Павла в Ареопаге, среди представителей цивилизации образованнейшего города: так мир своею мудростью не узнал Бога в премудрости Божьей (1 Кор. 1:21).

Глава восемнадцатая.

Павел в Коринфе (1-17). Отплытие его в Иерусалим через Эфес (18-23). Начало третьего апостольского путешествия (22-23). Проповедь Аполлоса (24-28).

Апостол Павел в Коринфе (18:1-17).

Оставив Афины, Павел пришел в **Коринф**. Этот, известнейший в древности по своей обширной торговле, богатый город лежал на перешейке между Эгейским и Ионийским морем, имел две гавани на восточной и западной стороне и был в то время столицей римской провинции **Ахаии**, включавшей в себя **Пелопоннес** и **Элладу**, то есть почти всю нынешнюю Грецию. Жители его жили в роскоши и поисках удовольствий.

Желая поселиться надолго в Коринфе, как важном центральном пункте для проповеди, Павел, с целью обеспечить себе материальную возможность существования работая своими руками, поселился у некоего **Акилы**, родом Понтиянина, недавно пришедшего из Италии и его жены **Прискиллы**, которые, как и Павел, имели ремеслом делание палаток.

Об упомянутом здесь изгнании иудеев из Рима, которому подверглись Акила и Прискилла, говорит римский историк Светоний, сообщая, что причиной этого были возмущения иудеев, производимые каким-то иудейским возмутителем, присвоившим себе имя Христа. Вероятнее всего, что Светоний не понял хорошо всего этого дела, а причиной изгнания было беспокойствие между иудеями, спорившими с христианами, которых в ту пору в Риме было уже много. Однако, это свидетельство Светония весьма важно, как содержащее упоминание о Христе, а также потому, что помогает нам установить данные апостольской хронологии. Это произошло в 52 г. христианской эры. Акила это греческое произношение латинского имени Аквила, а Прискилла - уменьшительное от латинского имени Приска. Оба супруга были обращены святым Павлом к вере во Христа, видимо, несколько позже, ибо он остановился у них лишь "по одинаковости ремесла." У евреев было в обычае, даже у богатых, обучать детей какому-нибудь ремеслу, чтобы сделать их ни от кого не зависимыми в отношении содержания. Делание палаток для путешественников, для военных лагерей было довольно выгодным ремеслом. Послания показывают нам несколько раз, что Павел был очень счастлив, имея возможность приобретать себе средства к жизни собственным трудом, никого не обременяя, (например, в 1 Кор. 4:12 и др.).

Каждую субботу Павел беседовал в синагоге, убеждая в истине евангельского учения, как природных иудеев, так и эллинов, то есть прозелитов. Очевидно, здесь Павел встретил большое противодействие своей проповеди, ибо он "*понуждает был духом,*" выражение, указывающее на большое духовное напряжение проповедника. Противление иудеев

проповеди Павла дошло, наконец, до открытого злословия в синагоге. Тогда Павел решил прервать всякие сношения с коринфской синагогой и обратился к коринфским язычникам. Отрясши одежды свои, что равносильно отрясению праха от ног своих, в знак окончательного разрыва, он сказал: *"кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам,"* то есть за ваше неверие и упорство на вас обрушатся, как наказание Божье, страшные кровавые бедствия, но я за это не ответствен: я проповедал вам единственный путь, которым вы могли избежать этого наказания - путь евангельской истины, вы не пошли по нему, вы и виновны в этом и ответственные, а не я.

Наказание, которым угрожает здесь Павел, есть вечная погибель, которая олицетворяется, как вечная смерть (Рим. 1:32; 6:23; 7:5), а потому чувственно представляется здесь под образом крови (изливающейся), т. к. в крови душа животного. Кончает свою угрозу Павел заявлением, что так как они упорно отвергают его проповедь, то он идет с этой проповедью к язычникам. И тотчас же исполнил эту угрозу, выйдя из синагоги и перейдя в дом прозелита Иуста, жившего подле синагоги. Этот решительный поступок на некоторых произвел столь сильное впечатление, что многие уверовали и крестились, в том числе и сам начальник синагоги **Крисп** со всем домом своим, которого крестил Апостол Павел, как он свидетельствует в 1 Кор. 1:14, сам лично. Для ободрения своего верного служителя, Господь явился ему в видении ночью и сказал: *"не бойся, но говори и не умолкай"* - указав, что в этом городе есть много людей, достойных слышания проповеди Павла и готовых уверовать. И Павел, который, быть может, думал покинуть Коринф, как он покинул Афины, остался там, проповедуя целых полтора года.

Между тем, злобные иудеи не хотели и здесь оставить в покое Апостола. В проконсульство Галлиона они напали на него и привели его на судилище, обвинив, что он учит людей чтить Бога не по закону. Здесь мы опять можем установить более менее точную хронологию событий. Проконсул Иуний Анней Галлион, брат известного философа-стоика Сенеки, воспитателя имп. Нерона, умерший так же, как и Сенека, от руки Нерона, как известно из истории, действительно был проконсулом Ахаии, то есть римской провинции, обнимавшей нынешнюю Грецию, в 53-54 г. г. по Р. Хр. Человек он был, по словам Сенеки, мягкий, некорыстолюбивый, человеколюбивый и талантливый администратор, что и видно из рассказа Деесписателя. Галлион не стал даже выслушивать оправданий Павла, а сразу же решил дело не в пользу обвинителей: как политический администратор, он счел это дело неподсудным себе, и просто прогнал их от судилища. Прогнал, вероятно, потому, что они шумели и не хотели добровольно удалиться. Раздосадованные назойливостью иудеев прогонявшие, а с ними и все эллины, то есть язычники, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем. По преданию, этот Сосфен, вероятно, преемник Криспа, тоже был обращен ко Христу Апостолом Павлом, был его сотрудником (1 Кор. 1:1), а потом епископом в Колофоне в М. Азии.

Отплытие через Эфес и начало 3-го путешествия (18:18-23).

Из Коринфа Павел отплыл в Сирию и с ним Акила и Прискилла, остригши голову в Кенхреях по обету. Кенхреи это была восточная гавань Коринфа.

Что значит: *"остригши голову по обету"* весьма неясно: есть целый ряд догадок, но все они малосостоятельны. Это не мог быть обет назорейства, при котором растили волосы, ибо по окончании времени обета, назорей должен был принести в храме узаконенную жертву, остричь голову и волосы сжечь на огне своей жертвы; жертва же могла приноситься только в Иерусалиме. Вероятно это был какой-нибудь частный обет, но по какому поводу он был дан, остается неизвестным. Может быть, он относился к

путешествию Апостола, к опасностям, которым Апостол подвергался и за избавление от которых обещал особенный акт благодарности Богу.

Достигнув Ефеса, главного города малоазийской провинции Ионии, производившего обширную торговлю и сделавшегося вскоре главным христианским центром Малой Азии, Апостол Павел, оставил их там, а сам по обычаю своему, вошел беседовать с иудеями в синагогу. Видимо, он принят был хорошо, ибо они просили его побыть у них долее. Он обещал им возвратиться опять, сказав, что непременно должен провести наступающий праздник в Иерусалиме. В Иерусалиме он пробыл недолго: только приветствовал Церковь, и затем отправился в Антиохию, чтобы начать оттуда свое третье миссионерское путешествие.

Проповедь Аполлоса (18:24-28).

Проведя в Антиохии некоторое время, святой Павел отправился в свое третье путешествие. Он стал проходить по порядку страну Галатийскую и Фригию с целью утвердить в вере основанные им там прежде христианские общины. Из дальнейшего видно, что спутниками его были в этот раз Тимофей и Ераст (19:22).

Прерывая рассказ о путешествии Павла, Деяписатель сообщает затем данные о некоем иудее *Аполлосе*, родом из Александрии, который был сильным деятелем в утверждении христианства, особенно в Коринфе, как это видно и из 1-го послания к Коринфянам. Деяписатель отзывается о нем с похвалой, как о муже красноречивом и сведущем в Писаниях.

Он пришел в Ефес, вероятно, в то именно время, когда святой Павел совершал свое третье путешествие по Малой Азии, и еще до прибытия его в Ефес отправился в Грецию. Он был наставлен в христианской вере, но не вполне, так как знал только крещение Иоанново. Видимо, и сам он был крещен только крещением Иоанновым, а потому не имел и дара Духа Святого. Тем не менее, горя пламенной ревностью, он *"говорил и учил о Господе правильно,"* хотя и неполно. Слушавшие его в Ефесской синагоге Акила и Прискилла сейчас же заметили, что он недостаточно наставлен в *"пути Господнем,"* приняли его к себе в дом и *"точнее объяснили ему путь Господень."* Вероятно, рассказы Акилы и Прискиллы побудили его идти в Ахаию, и деятельность его там, в особенности, как известно, в Коринфе, была сильна и плодотворна. Он аргументированно доказывал Иудеям на основании Писания, что Иисус из Назарета есть действительно Мессия. Позже он был епископом в г. Смирне, перед священномучеником Поликарпом.

Глава девятнадцатая.

Третье апостольское путешествие святого Апостола Павла: прибытие его в Ефес, крещение учеников Иоанновых (1-7). Чудеса Павла в Ефесе и их действие (11-20). Предположения Павла о дальнейшем путешествии (21-22). Мятеж в Ефесе против христиан, произведенный Димитрием Сребреником, и укрощение его (23-40).

Апостол Павел в Ефесе (19:1-20)

Из Антиохии в Ефес самая краткая и наименее трудная дорога была морем, но святой Апостол Павел предпочел более трудный сухопутный путь по гористым провинциям Малой Азии, так как хотел посетить основанные им там прежде церкви.

В то время, когда Аполлос уже был в Коринфе, Павел, пройдя Галатийскую страну и Фригию, прибыл в Ефес. Ефес - свободный город империи, построенный на берегах реки Кайстра между **Милитом** и **Смирной**, знаменитый своей торговлей, своим храмом Дианы и своей ревностью к культу "его великой богини," был митрополией проконсульской Азии. Жители Ефеса были пристрастны к удовольствиям и к магии, и трудно было найти в другом месте больше фанатизма и суеверия. Первое пребывание святого Павла в этом городе, при возвращении его из второго миссионерского путешествия было непродолжительно (18:19-21), но Апостол возвратился туда скоро и пребывал там два года и несколько месяцев, то есть более продолжительное время, чем в каком-нибудь другом месте. Основанная Апостолом Павлом в Ефесе церковь сделалась потом знаменитой христианской митрополией, дав целый ряд славных епископов, и там четыре столетия спустя происходил третий вселенский собор, низложивший Нестория.

Апостол Павел, занимаясь по прежнему своим ремеслом, мог присоединиться к своим сотрудникам из Коринфа, дом которых также сделался мало-помалу местом собрания верующих (1 Кор. 16:19). Здесь Апостол нашел учеников Иоанновых, вероятно, иудеев, недавно переселившихся в Ефес. Они держались вместе с христианами, и Павел, заметив в них неполноту ведения пути Господня, установил, что они крещены только крещением Иоанновым, то есть лишь подготовительным *крещением покаяния*, и крестил их крещением христианским, после чего возложил на них руки, и они исполнились благодатных даров Святого Духа: стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати.

Первым местом проповеди Апостола Павла и тут, как и везде, была синагога, где он безбоязненно проповедовал три месяца. За это время явилось немало последователей Христовых в среде его слушателей, но, как и везде, нашлись такие люди, которые начали восставать против святого Апостола. Противление их постепенно все более увеличивалось и перешло в ожесточение, так что они начали изрыгать перед народом хулы и насмешки по поводу проповеди Павла. Это побудило Апостола и здесь разорвать с синагогой и иудеями. Вместе со своими новообращенными учениками он стал проповедовать не по субботам только, как в синагоге, а **ежедневно** в училище **некоего Тиранна**.

Так как имя это чисто греческое, то можно полагать, что это был зал для занятий языческого ратора, теперь обратившегося ко Христу, или место, известное под этим именем. Но так как евреи в рассеянии носили имена и латинские и греческие, то возможно, что этот Тиранн был иудейский учитель, который держал в своем доме частную синагогу, так называемый **Бет-Мидраш**, где учили преданиям и их толкованию. Надо полагать, что этот Тиранн сам был расположен к христианству, почему и предложил свое училище для Павла с учениками.

Там Павел проповедовал два года, а так как Ефес был таким крупным центром, куда постоянно стекались жители всей Малой Азии кто по делам торговли, а кто для поклонения Артемиде, или Диане Ефесской, то Дееписатель и говорит, конечно, гиперболически, что *"все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе."* В подкрепление проповеди Павла Бог творил руками Павла *"немало чудес"* (по-слав. "силы не просты" точнее *"немалые"*;) то есть необыкновенные чудеса, из коих Дееписатель упоминает: 1) Об исцелении разных болезней от вещей, употреблявшихся Павлом, как, например - от платков и опоясаний, и 2) об изгнании бесов из бесноватых. Примечательно

в данном случае именно то, что не сам Павел лично совершал эти чудеса, но другие возлагали вещи его, может быть, даже без его ведома на больных, и больные выздоравливали. Показательный пример того, что чудотворная сила Божия может действовать и через бездушные предметы, во что не хотят верить сектанты, будто бы основывающие свое учение на Слове Божиим.

Дееписатель передает, что слава Павла сделалась столь великой, что ему начали подражать даже некоторые из скитающихся иудейских заклинателей, каковых в то время было много. Как на пример подобных людей, злоупотреблявших при своем неверии именем Господа Иисуса, Дееписатель указывает на семерых сынов иудейского первосвященника Скевы. Кто был этот Скева и в каком смысле называется он первосвященником, неизвестно: может быть, он был одним из начальников священнических чред, а сыновья его переселились из Иудеи, чтобы промышлять заклинательством. Но злой дух, бывший в бесноватом, жестоко посмеялся над заклинателями. Замечательно, что словами: *"Иисуса знаю, и Павел мне известен"* демон признает и исповедует силу и власть над собой Господа Иисуса Христа и Его Апостола. Выражением: *"а вы кто?"* он высказывает свое презрение к этим людям, злоупотребляющим именем Иисуса: в доказательство того, что он смеется над ними, не признавая их власти над собой, бес понудил несчастного бесноватого броситься на заклинателей и жестоко избить их. Молва об этом случае разнеслась по всему Ефесу, и на всех напал страх перед этой таинственной всемогущей силой имени Господа Иисуса Христа: люди превозносили это всемогущее Имя, которым производились такие чудеса, и многие, под впечатлением этого случая уверовали. В числе их были заклинатели, бросившие ради веры во Христа свое ремесло. Ефес был центром всякого рода магии и волшебства, развившихся под влиянием культа Артемиды-Дианы, и вот занимавшиеся чародейством, собрав свои книги, в которых были записаны способы производства разных чародейний, формулы заклинаний, разные молитвы к богам и т. п., сожгли эти книги. Они сами вычислили, чего стоят эти сожженные ими книги, и оказалось, что стоимость их равнялась 50.000 драхам (греческая драхма равна 20 копейкам).

Великий успех проповеди в Ефесе побуждал Апостола Павла оставить этот город, чтобы избрать другое место для своей деятельности. И он *"положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим."* Здесь впервые встречается известие о намерениях Павла посетить столицу всесветной тогда монархии. Позже Господь уже определенно указал ему на Рим, как на место его проповеди (23:11), и он действительно прибыл туда, проповедовал там и принял там при вторичной поездке мученическую кончину.

Как видно из речи Апостола в 24:17, путешествие в Иерусалим через Македонию и Ахаию он собирался предпринять для того, чтобы собрать там милостыню для церквей палестинских. Предварительно он послал туда своих сотрудников Тимофея и Ераста, сам же пока остался в Азии для окончательного завершения своей благовестнической деятельности. Но последующие обстоятельства заставили его скорее покинуть Ефес и вообще Асию.

Мятеж в Ефесе против христиан (19:23-40).

В Ефесе произошел мятеж, поднятый против Апостола неким сребреником Димитрием, который выделывал серебряные изображения храма Артемиды и доставлял художникам немалую прибыль. Культ Артемиды был весьма распространен в Малой Азии. Храм ее в Ефесе, сожженный Геростратом в день рождения Александра Македонского, возобновлен был с таким великолепием, что считался одним из **семи чудес света**. Маленькие модели

этого храма и статуйки самой богини были в большом употреблении у почитателей этой богини: их ставили в комнатах, брали с собой при путешествиях, как амулеты и т. п. Вполне естественно, что ремесло Димитрия было очень выгодно и давало ему и подобным ему мастерам большой доход: вероятно, у него было нечто вроде фабрики подобных изделий. Собрав бывших в его ведении художников и ремесленников, Димитрий произнес перед ними возбуждающую речь, представляя одновременно, сколько вреда Павел принес их ремеслу и их богине, отвращая от служения богам много людей в Ефесе и по всей Азии. Этой речью он возбудил религиозный фанатизм слушателей, соединившийся с чувством злобы против человека, который грозит подорвать их материальное благосостояние. С криком: "велика Артемида Ефесская" возбужденная толпа устремилась бежать по улицам и весь город привела в смятение. Спутники Павловы Гаий и Аристарх были увлечены толпой в театр (самого Павла и Силу, по-видимому, не нашли), где происходили обыкновенно народные собрания, вероятно для того, чтобы потребовать над ними суда или просто расправиться с ними самосудом. Великая смелость и сила духа Павла побуждала его выступить с речью перед этой разъяренной против него толпой, но христиане и даже дружественно расположенные к нему начальники отговорили его от этого, боясь за его жизнь. Постоянно увеличивавшаяся толпа шумно бушевала в театре и там господствовал величайший беспорядок, ибо большинство собравшихся даже не знали в чем дело. Иудеи выдвинули вперед известного Александра с тем, чтобы он говорил к народу. Кто был этот Александр, иудей или христианин, и желал ли он говорить против христиан или за них, неизвестно. Можно предполагать, что Иудеи опасались, как бы заодно не пострадали и они с христианами, ибо они были известны народу, как враги идолов, и хотели, выгородив себя, направить всю ярость народа на одних христиан. Но народ, из презрения к иудеям, не захотел слушать его, как только узнал, что он - иудейского происхождения. Около двух часов эта беспорядочная толпа продолжала кричать: "велика Артемида Ефесская," пока блюститель порядка не восстановил спокойствия, обратившись к собранию со словами, исполненными благоразумия. "Кто не знает," сказал он, "что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?" Именем "Диопета" означает статуя Артемиды из виноградного дерева в Ефесском храме, будто бы упавшая с неба, от Зевса или Юпитера. Так как это неоспоримо, то нет надобности возбуждать мятеж. Два македонянина, которых привели, не были ни святотатцами ни хулителями богини. А если Димитрий и те, кто пришли сюда с ним, имеют какую-нибудь жалобу на кого-либо, то должны представить ее начальству законным путем. Иначе есть риск быть обвиненными в возмущении, ибо нет никакой причины для такого шумного сборища. Это, очевидно, угроза римской расправой, которая и подействовала: мятеж затих, и собрание разошлось.

Глава двадцатая.

Путешествие Павла в Македонию и Грецию и обратно до Троады (1-6). Воскрешение Павлом Евтиха в Троаде (7-12). Дальнейшее путешествие до Милита (13-17). Прощальная речь Павла к пресвитерам Ефесским (18-38).

Путешествие в Грецию и обратно до Троады (20:1-12).

Спустя немного времени после мятежа, Павел решил положить конец своему пребыванию в Азии. Собрав ефесских христиан, дав им наставления и простившись с ними, он отправился в Македонию, а оттуда в *Елладу*, т.е. в Грецию (Еллада - древнее народное название страны, в то время как Ахαιа - официальное название Греции по

римскому разделению провинций). Там пробыл он три месяца, вероятно, главным образом, в Коринфе, где и встретился в первый раз с Аполлосом.

Коринфская община особенно близка была его сердцу. Некоторые нестроения в ней причиняли Апостолу заботы и скорби, но, с другой стороны, духовный рост ее и духовные дарования доставляли ему и радость (1 Кор. 1:5,7; 12:4-11, 28). Из Коринфа святой Павел написал послание к Римлянам (Деян. 19:21 ср. Римл. 15:28). План его, как видно был - отправиться морем в Палестину, но узнав о тайном намерении иудеев схватить его и убить на пути к гавани, он изменил первоначальный план. Он отправился сухим путем, который проходил через Македонию.

Прибыв в Филиппы, Апостол Павел отправил отсюда Тита со вторым посланием к Коринфянам, которое отличается необыкновенной живостью чувств и нежностью любви к ним. Из Филипп Апостол Павел отправился в Троаду, но следствием противных ветров и аварии судна стало то, что на краткий переезд этот потребовалось пять дней. Павла сопровождали семь спутников: трое урожденные македоняне и четверо урожденные малоазийцы - Сосипатр Пирров из Верии, Аристарх и Секунд из Фессалоники, Гаий Дервянин из Ликаонии, которого надо отличать от Гаия македонянина, Тимофей, уже известный нам, из Листры, Тихик и Трофим из Ефеса. Они ожидали, пойдя вперед, Павла в Троаде. Почему они ушли вперед, Деятели не объясняет: может быть, для приготовления удобнейшего плавания Павла от Троады далее, ибо из описания плавания можно догадываться, что у Павла был специально для его путешествия приготовленный корабль.

В Троаде Павел и его спутники сделали остановку на семь дней. Так как отъезд должен был последовать в понедельник утром, то братия Троады собрались *"в первый день недели,"* то есть по нашему в воскресенье вечером, для *"преломления хлеба,"* то есть на евхаристическое собрание, после которого следовала обычная тогда *"вечеря любви,"* в горнице хорошо освещенной и расположенной в верхнем этаже. Беседа Павла, как любящего отца, была продолжительна: ни учителю, ни ученикам, вероятно, не хотелось прерывать этой беседы перед разлукой. Во время столь продолжительной беседы, затянувшейся до полуночи, некий юноша, именем Евтих, сидевший на окне, не по лености, а по естественной причине, от большого утомления, заснул, упал вниз с третьего этажа и был поднят мертвым. Текст ясно утверждает, что упавший действительно умер: это была не кажущаяся смерть, не обморок, ибо тогда в греч. тексте стояло бы не *"некрос,"* а *"ос некрос."* Начали плакать, производя большой шум. Павел, однако сошел вниз, простерся на тело Евтиха, (как некогда Илия над воскрешенным им сыном сарептской вдовицы в 3 Цар. 17:21 и Елисей над сыном Суманитянки в 4 Цар. 4:34), обнял его своими руками и сказал: *"не тревожьтесь (буквально с греческого: "прекратите ваши вопли, рыдание"), ибо душа его в нем."* Выражение это не значит, что отрок еще не умер: оно значит, что душа его опять в нем, что умерший воскрешен, но смиренный Апостол не выражается так прямо, чтобы люди не превозносили его за совершенное им величайшее чудо (Святой Иоанн Златоуст). Взошедши опять в горницу и преломив хлеб и вкусив, Павел продолжал беседовать даже до рассвета и потом лишь вышел, не дав себе даже телесного успокоения после столь продолжительного бдения. Отрока же привели живого *"и немало утешились,"* как от того, что получили его живым, так и от того, что их учитель перед прощанием с ними совершил такое великое чудо.

Дальнейшее путешествие до Милита (20:13-17).

Апостол Павел решил, что сам он отправится пешком до *Асс*, с тем, чтобы спутники его, отправившись вперед морем, взяли его там. *Асс* - приморский город в *Мисии*, к югу от

Троады в 10 рим. милях (около 15 в). от нее, против острова Лесбоса. Путь от Троады до Асса Апостол прошел пешком и, кажется, один без спутников: причина не указана. От Асса они уже все вместе прибыли в **Митилену**, главный город острова Лесбоса, расположенный на восточной его стороне. Проведя там ночь, и отплыв, остановились против **Хиоса**, а на другой день пристали к **Самосу**, и побывав в **Трогиллии**, прибрежном городе недалеко от Ефеса, на следующий день прибыли в **Милит**, приморский город к югу от Трогиллии и Ефеса, милях в 9-ти (около 14 верст) от последнего. Причину, почему они миновали Ефес, Деесписатель указывает ясно: чтобы не задерживаться Павлу в Азии, так как он спешил к празднику Пятидесятницы в Иерусалим. В этом главном малоазийском христианском обществе Апостол совершенно естественно опасался задержки для себя. Но миновав сам Ефес, он тем не менее пожелал проститься с предстоятелями ефесской церкви, и вызвал их к себе в Милит.

Прощальная речь Павла к пресвитерам Ефесским (20:18-38).

Вызванные Павлом предстоятели ефесской церкви названы в 20:17 "*пресвитерами*" ("старейшими"), а святой Апостол в 20:28 называет их "*епископами*" ("блюстителем").

Кто же они были? Пресвитеры или Епископы?

Оба этих названия употреблялись в государстве для обозначения сословий чиновников или сановников, прежде, чем они были усвоены в Церкви. Ни по своей этимологии, ни по своему первоначальному значению, они не имели ничего, что указывало бы на превосходство одних над другими. Слово "**Епископ**," что значит "надсматривающий," "наблюдающий," более употреблявшееся сначала у греков, означает, собственно, священническое звание; слово "**Пресвитер**" - "старейший," означавшее первоначально возраст, более употреблявшееся у евреев, выражает скорее достоинство, священническую почесть.

В первохристианской Церкви, в самом начале ее существования, смысл этих слов не был еще точно установлен и определен, но это отнюдь не значит, что звание епископа не отличалось от звания пресвитера, в их позднейшем употреблении, что эти две священные степени смешивались, считались за одну. Сам Апостол Павел строго различает их, когда, как видно из его посланий к Титу (1:5) и 1 Тимофею (5:22,19), присвоит только епископу власть и право рукополагать пресвитера и судить его. Вызванные Павлом были несомненно *пресвитеры*, но так как названия степеней священства еще не вполне тогда установились, то Павел называет их "епископами," желая лучше выразить их обязанности - блюсти над вверенными им душами пасомых.

Когда предстоятели ефесской церкви, а по словам святого Иринея, и других ближайших церковей Азии, пришли, святой Апостол Павел обратился к ним с трогательной прощальной речью, которая особенно важна тем, что в ней содержатся ценнейшие пастырские наставления. В этой речи святой Павел обзрывает дело, которое он совершил в Ефесе, предсказывает о судьбе, ожидающей его в Иерусалиме, возбуждает пастырей к бдительности в виду появления еретиков и предаст их Богу с указанием на свое бескорыстное служение в Ефесе. Речь распадается на 4 части:

В 1-ой части с 18 по 21 стих Апостол напоминает, как в продолжение трех лет он вел себя у них: какова была его ревность в проповеди Слова Божьего, "*со всяким смиреннымудрием и многими слезами*," как он непрестанно возвещал всем и иудеям и эллинам покаяние перед Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа;

Во 2-ой части с 22 по 27 стих Апостол переносится мыслью в ближайшее будущее и говорит о тяжелых бедствиях, ожидающих его и о готовности своей с самоотвержением и даже с радостью перенести их. Он отправляется в Иерусалим *"связан Духом"* - по влечению духа, хотя и знает, какие скорби и даже узы ждут его там, о чем *"Дух Святой по всем городам свидетельствует"* ему, очевидно, через пророков, вроде Агава, который уже в последнем перед Иерусалимом городе Кесарии предрек Апостолу узы (21:10-11). Но он готов на все и даже жизнью своею не дорожит, лишь бы Господь сподобил его до конца совершить поприще его апостольского служения. Чувствуя, что он уже не увидится больше с ефесянами, Апостол заявляет, что совесть его чиста по отношению к ним, так как он не упускал случая возвещать им всю волю Божию (*"чист я от крови всех"* то есть: неповинен я ни в чьей духовной гибели).

В 3-ей части с 28 по 31 стих Апостол дает им пастырские наставления: *"Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею."* Я неповинен ни в чьей гибели: смотрите, старайтесь и вы быть неповинными, а для этого будьте внимательны по отношению к самим себе и к своей пастве, *бодрствуйте*. "Когда мы внимаем себе, тогда и стадо получает пользу," говорит блаженный Феофилакт. Не человеками поставлены вы, но Духом Святым через избрание и рукоположение (Деян. 14:23) для наблюдения за благосостоянием Церкви, подобно тому, как пастыри поставляются для наблюдения за овцами. Вверенное же вам духовное стадо особенно драгоценно и требует потому особенного с вашей стороны внимания и забот потому, что оно куплено бесценной Кровью Христовой, через крестную жертву, в которой излита Его Кровь, как милостивительная Богу Отцу жертва за грехи всего человечества.

Это бодрствование необходимо в особенности потому, что Апостол предвидит скорое появление *"лютых волков, не щадящих стада,"* под каковыми надо понимать **лжеучителей** - еретиков. Апостол указывает на два вида этих лжеучителей: одни войдут в ефесскую церковь извне, другие восстанут из среды самих верующих. Ефес был одним из центральных малоазийских пунктов, в котором приходили в соприкосновение религиозные и философские системы востока и запада: появления лжеучителей здесь естественнее было ожидать, чем в каком-либо другом месте. Когда Апостол три года спустя писал из своих римских уз послание к ефесской церкви, здесь еще не было лжеучителей, но они появились уже (эссео-гностического направления), во фригийском городе Колоссах, как видно из написанного в то же время послания святого Апостола Павла к Колоссянам. Из посланий же Апостола к Ефесскому Епископу Тимофею видно, что подобные лжеучители появились и в Ефесе. Здесь идет речь, конечно, и о тех лжеучителях, против которых направлены апокалипсические письма святого Иоанна Богослова, послание Иудино и первое послание Иоанна Богослова. Предречение Павлово, таким образом, в точности исполнилось. В пример бодрствования Апостол приводит самого себя, напоминая, как он *"три года день и ночь непрестанно со слезами учил"* - собственно: три месяца в синагоге и два года в училище Тиранна (19:8 и 10), а три года это - круглое число.

В 4-ой части с 32 по 35 стих Апостол изрекает благословение, предает их Богу и слову благодати Его и увещевает их подражать его бескорыстию, какое он сам осуществлял в жизни по слову Господа: *"блаженнее давать, нежели принимать."* Почему святой Апостол хотел жить своим трудом, хотя он и учил ясно, как и Сам Господь Иисус Христос, что всякий делатель Господа достоин пропитания (Мф. 10:9-10 и парал.) и что проповедник Евангелия должен жить от благовествования (1 Кор. 9:7-11; 13-14 и парал.)? На это нужно сказать, что Апостол не сделал и для себя правилом отказываться от того, что ему предлагали (Деян. 16:15; 2 Кор. 11:8), но он старался ничего не просить, дабы не

поставить этим препятствия своему благовествованию. Обращенные язычники еще не привыкли содержать своих пастырей, и он мог опасаться, что если бы он возложил на них это бремя, то враги Христовой веры использовали бы это, как лишнее оружие против него, оклеветав его, будто бы он по корыстолюбивым побуждениям проповедует новое учение. Вместе с тем он считал честью служить Церкви на свои средства и не требовать ни у кого ничего, кроме того, чтобы почитать Бога и спасать свою душу (1 Кор. 9:16-18; 2 Кор. 12:14; 1 Фес. 2:9), и хотел своим ученикам дать пример такой же невзыскательной и трудолюбивой жизни. Откуда взято приведенное им изречение Христа Спасителя? Оно не читается нигде ни в Евангелии, ни в другой какой-либо боговдохновенной книге. Вероятно, это было изречение, сохранившееся в устном предании, как подлинные слова Господа. В этом изречении не та, конечно, мысль, что брать - худое дело, но что давать другим - лучше, чем брать самому.

В заключение своей речи Апостол преклонил колена свои и помолился со всеми ими. Они простились тогда с ним с весьма великим волнением и плачем, потому что он объявил им, что они видят его в последний раз. И провожали его до корабля.

Глава двадцать первая.

Путешествие Павла от Милита до Кесарии (1-9). Павел в Кесарии и пророчество о предстоящих ему узах (10-14). Прибытие Павла в Иерусалим, возмущение против него иудеев и его узы (15-40).

Путешествие Павла от Милита до Кесарии (21:1-9).

Отплыв из милетской гавани, при попутном ветре, путешественники *прямо* прибыли в **Кос** - небольшой, славившийся виноделием и приготовлением дорогих материй островок в Эгейском море, к юго-западу от Милита. Оттуда они достигли **Родоса**, большого острова в 15 рим. милях (3 в.) к юго-востоку, а затем прибыли в **Патару** - большой приморский торговый город малоазийской провинции **Ликии** с известным в древности оракулом Аполлона. От Троады до Патары Святой Павел со спутниками плыли на одном корабле, который, судя по некоторым поступкам Апостола (20:13, 16), находился в полном его распоряжении.

В Патаре же они, как пассажиры, сели на другой, купеческий корабль, который с грузом шел в Финикию. Корабль вышел в открытое море по направлению острова *Кипра*, который он миновал, оставив его влево, так что, почти к концу недели, он бросил якорь в гавани Тира, где должен был сложить свой груз. Здесь прибывшие скоро вступили в сношения с находившимися тут верующими. Они пробыли у них 7 дней, после чего отправились далее в Иерусалим, хотя братья тирские, которым, по внушению Духа, была открыта участь, ожидающая Павла, и просили его, чтобы он не ходил в Иерусалим. Однако, Павел, по влечению Духа, шедший на предстоящие ему скорби (20:22), не мог, конечно, поддаться на их уговоры, внушенные их любовью к великому Апостолу. Сопровождаемые женами и детьми, братья проводили Павла и его спутников до берега, где разлучились с ними, помолвившись все вместе. Путешественники снова сели в корабль, чтобы не делать задержки при сухопутном путешествии, и прибыли в *Птолемаиду*, древний приморский город *Акко*, южнее Финикии, в пределах собственно Палестины, по древнему разделению в колоне Асировом, несколько севернее горы Кармильской. Там они

пробыли у братьев один день. А на другой день они уже сухим путем по прекрасной долине Саронской мимо горы Кармила направились в Кесарию (Стратонову).

Апостолу Павлу предсказывают темницу (21:10-14).

После одного дня ходу, они пришли в Кесарию в дом одного из семи диаконов *Филиппа*, названного "благовестником" за ту ревность, с которой он распространял Евангелие. Чрезвычайные дары, которыми он был наделен, стали также достоянием и его семейства: у него были 4 дочери, которые пророчествовали. Здесь Павел получил последнее предостережение об угрожающей ему опасности.

Из Иудеи пришел пророк, по имени **Агав**, тот самый, который, будучи в Антиохии, предсказал о голоде, вследствие чего через Варнаву и Савла послано было антиохийской церковью пособие церквям в Иудее. Выразительным символическим действием, он взял пояс Павлов, и связав себе им руки и ноги, предрек, что так свяжут Павла в Иерусалиме иудеи и предадут его в руки язычников. Спутники Павловы и кесарийские христиане начали тогда умолять Павла не ходить в Иерусалим, но Павел, повинувшись внушениям Духа, хотя и сокрушался слезами христиан, оставался тем не менее тверд в своем намерении, заявив, что он не только хочет быть узником, но готов даже и умереть за Имя Господа Иисуса в том самом Иерусалиме, где он с такой яростью гнал прежде исповедников этого имени, и где пострадал и умер Сам Господь. Эта преданность воле Божьей успокоила их, и они в свою очередь решили тоже покориться ей, сказав: *"воля Господня да будет."* Приготовив все потребное для пути и пребывания в Иерусалиме на предстоящий праздник Пятидесятницы, они отправились в священный город. Некоторые из кесарийских христиан сопровождали их, чтобы ввести Апостола и его спутников в дом некоего *"древнего ученика Мнасона Кипрянина"* и оставить их на жительство в этом доме. Судя по греческому имени, этот Мнасон был христианином, если не из язычников, то из эллинистов. Он оказал весьма радушный прием Павлу. Вероятно, Павла поместили в этом доме с той целью, чтобы до иудеев не так скоро дошла весть о прибытии Павла и чтобы они не знали, где можно найти его.

Прибытие Павла в Иерусалим и возмущение иудеев (21:15-40).

На другой день Апостол Павел вместе с сотрудниками своими пришел к Апостолу Иакову, Епископу Иерусалимскому, где собрались все пресвитеры. О других Апостолах здесь не упоминается: видимо, они были с проповедью в других странах.

Приветствовав созванное в честь его прибытия торжественное собрание, Апостол Павел, вероятно, тут же передал привезенное им пособие, которое собрал для иерусалимской Церкви по церквям из язычников, как выражение братской любви и общения церковей, и затем рассказал подробно все, что Бог сделал его служением среди язычников. Выслушав его, они прославили Бога, но не скрыли от него то, что христианские общины из обращенных иудеев, все чрезвычайно ревностные к закону, питают против него предубеждение, основанные на ложных слухах, будто он стремится развратить иудеев рассеяния, проповедуя отмену обрезания и других обрядов Моисеева закона. Очевидно слухи эти распространяли все те же противники Павловы, которые смущали церковь антиохийскую и иерусалимскую, требуя даже для язычников, обращающихся ко Христу, обрезания и соблюдения всего Моисеева закона. Пущенное в народ в этом виде обвинение против Павла было явной клеветой. Из всего его учения, как оно раскрыто в его посланиях, видно, что святой Павел учил лишь той истине, что спасение во Христе не обуславливается обрезанием и соблюдением обрядового уложения Моисеева закона, а лишь **верой во Христа: главное это - вера в Спасителя**, а закон Моисеев - дело

несущественное для христианина: исполняй его, если хочешь, но в деле спасения надейся на Христа. Мы видели, что Апостол Павел сам обрезал своего сотрудника Тимофея: следовательно, нельзя смотреть на него, как на врага Моисеева закона, каким его хотели представить.

Дабы уничтожить это предубеждение против Павла и изблечить клевету, иерусалимские пресвитеры посоветовали ему всенародно показать свое уважение к Моисееву закону - очиститься в храме вместе с четырьмя человеками, имеющими на себе обет, и заплатить вместо них за жертву, которую они по закону должны принести во храме по случаю окончания их обета. Присоединясь к этим четырем бедным людям, давая сам тот же обет на время, которое должно им еще продолжить, и взяв на себя издержки за них, Павел совершил бы такое доброе дело, которое было бы наглядным изблечением клеветы. Из острижения головы для снятия обета видно, что это был обет добровольного на время (а не пожизненного) назорейства, согласно Числ. гл. 6. Отсюда видно, что в среде иерусалимского христианского общества соблюдались обрядовые предписания Моисеева закона, ибо об этих 4-х сказано было: *"есть у нас."* Тут же советовавшие напоминают Павлу, что постановление апостольского собора об уверовавших язычниках остается во всей своей силе, а их совет есть лишь ничто иное, как акт мудрой предусмотрительности и снисхождения к немощам братий из Иудеев. Совет этот нисколько не противоречил учению Павла, а потому он немедленно согласился. Присоединившись к четырем бедным назорейям, он совершил с ними все, что требовалось по закону, заявив священнику в храме о своем соучастии в исполнении обета и о своем желании принести должное за каждого по исполнении 7 дней очищения.

Эти 7 дней еще не успели окончиться, как произошло возмущение против Павла, приведшее его к узам. Павла увидели в храме Асийские иудеи из Ефеса и его окрестностей, видимо, пришедшие в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, и исполнились ярости, а вместе с тем и радости, что представился такой удобный случай нанести решающий удар своему врагу, каковым они считали Павла, надеясь, что он и смерть свою здесь найдет. И им действительно удалось возмутить *"весь народ"* криком, что *"этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и эллинов ввел в храм и осквернил святое место сие."* Поводом к последнему обвинению было то, что они за некоторое время до того, как Павел вошел в храм, видели его на улице вместе с Трофимом Ефесянином. Язычникам запрещалось входить во двор израильтян, и присутствие там язычника считалось осквернением святого места.

Если первое из этих обвинений было клеветой, основывавшейся хотя отчасти на недоразумении или неразумии обвинителей, то второе обвинение было уже явной клеветой, в которой ложное подозрение выставлялось, как действительный факт. Такими тяжкими обвинениями они привели в движение *"весь город."* Мятежная толпа, схватив Павла, повлекла его вон из храма, то есть из двора израильтян, и тотчас заперты были двери, чтобы не осквернить святого места смертоубийством. Никогда еще святой Павел не находился в столь опасном для жизни положении. Но в тот момент, когда всякая надежда на спасение казалась уже потерянной, неожиданно пришла помощь: **Клавдий Лисий**, комендант римского отряда войск, который помещался в так называемой **Антониевой** крепости, господствовавшей над храмом на северо-западе, был извещен, что Иерусалим возмутился. Тотчас же он с воинами и сотниками устремился на место возмущения, и мятежная толпа, при виде римского тысяченачальника, испугавшись кровавой расправы за возмущение, перестала бить Павла. Заметив против кого было направлено возмущение, тысяченачальник приблизился к Павлу, велел его сковать цепями и стал спрашивать, кто он и что сделал. По причине смятения, так как одни кричали одно, а другие - другое, он, как и всегда бывает в подобных случаях, не мог узнать ничего верного, а потому велел

отвести Павла в помещение крепости. Это было нелегко сделать из-за теснившегося народа, громко требовавшего смерти Павла, так что, когда они подошли к ступеням лестницы, ведущей в крепость, воинам пришлось нести Павла на руках. Прежде, нежели ворота крепости затворились, Павлу захотелось сказать речь этому, так несправедливо поступившему с ним народу, и он обратился за позволением к тысяченачальнику. Обратился он к начальнику по-гречески, что удивило того и показало ему ошибочность его первоначального предположения, что Павел - одно лицо с известным в то время возмутителем-египтянином. Вероятно, тысяченачальник имел сведения, что тот египтянин по-гречески не говорил. Это был чародей, выдававший себя за пророка и имевший много приверженцев, называвшихся "сикариями" от "сикариус," что значит тайный убийца, вооруженный кинжалом. Этот фанатик привел своих приверженцев из иудейской пустыни на Елеонскую гору, уверяя их, что стены иерусалимские падут перед ними, как пали некогда стены Иерихона, причем обещал уничтожить власть римлян и провозгласить царство Мессии. Прокуратор Феликс рассеял эту шайку, перебив 400 человек и 200 взяв в плен, но сам египтянин успел скрыться. Тысяченачальник, вероятно, подумал, что Павел - это возвратившийся египтянин, который пытается поднять новое возмущение, но из греческой речи Павла понял свою ошибку. Павел объяснил, что он происходил из не безызвестного Киликийского города Тарса, является природным иудеем и просил разрешения говорить к народу. Тысяченачальник позволил и Павел, дав знак рукой, стоя на лестнице, начал говорить, при установившейся тишине, на еврейском, то есть на тогдашнем сиро-халдейском, языке.

Глава двадцать вторая.

Речь святого Апостола Павла к народу о своем обращении и призвании к апостольскому служению (ст. 1-21). Крик народа, распоряжение о бичевании Павла и отмена его (22-29). Павел перед синедрионом (ст. 30.).

Речь Апостола Павла к народу (22:1-21).

"Мужи братия и отцы," начал Павел. *"Мужи братия"* - это обращение ко всем собравшимся; *"отцы"* - почтительное обращение к высшим по положению и старшим по летам.

"Выслушайте теперь мое оправдание перед вами" - выслушайте мое оправдание против обвинений, возведенных на меня некоторыми из вас - малоазийскими иудеями. Когда услышали, что он говорит по-еврейски, то удвоили тишину и спокойствие. Павел подробно рассказал о своем происхождении и воспитании, дабы показать, что он - подлинный иудей и ревнитель закона. Он рассказал, что был воспитан во всей строгости Моисеева закона "при ногах" знаменитейшего фарисейского учителя Гамалиила и со всей страстностью (*"даже до смерти"* - сколько было сил) преследовал христиан (*"сей путь,"* то есть: последователей сего пути), что может засвидетельствовать и первосвященник, который тогда был еще жив, хотя и смещен с должности, и старейшины. Затем Павел рассказал, как он был обращен ко Христу на пути в Дамаск. Рассказ этот совершенно сходен с рассказом Деяпистателя в 9 гл. 3-8 ст. Лишь немногие особенные черты события выставляет здесь Павел. Так он отмечает, что яркий свет с неба осиял его *"около полудня"* - явление чрезвычайное, явно чудесное, что Господь назвал себя не просто *"Иисусом,"* но: *"Иисусом Назореем,"* что бывшие с ним *"свет видели, но голоса не слышали"*: следовательно, это не обман, не субъективная галлюцинация Павла. В том, что они голоса

не слышали, нет противоречия с повествованием Деяписателя, ибо это надо понимать так, что они, хотя слышали звук голоса, но не понимали, что говорится. Из двух повествований создается цельная, более полная картина: откровение было только одному Павлу, а спутники его видели и слышали только, так сказать, отблеск и отголосок этого откровения. Далее святой Павел поведал о своем чудесном прозрении и крещении от Анании, причем подчеркнул, что Анания был *"муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске,"* то есть не какой-нибудь неизвестный человек, а одобряемый всеми Иудеями, как ревнитель закона.

К повествованию о своем обращении Апостол присовокупил повествование о явлении ему Господа в Иерусалиме, о котором не упоминает Деяписатель, ни сам Павел в других своих речах и посланиях. Это случилось тогда, когда Павел возвратился в Иерусалим, проведя долгое время в Аравии, куда он отправился из Дамаска, после своего обращения. Апостол обращает внимание на то, что это явление ему Господа имело место в Иерусалимском **храме** во время его молитвы там, и, следовательно, он и по обращении в христианство, не разрывал связи с храмом и его законным богослужением. Здесь же Павел подчеркнул, что он не враг иудейского народа, ибо когда Господь повелевал ему удалиться из Иерусалима, он противостоял этому, желая проповедовать именно в Иерусалиме, где прежде гнал христиан. Только вторичное настойчивое повеление Господа заставило его покинуть Иерусалим.

Неистовство толпы и суд перед синедрионом (22:22-30).

"Иди, Я пошлю тебя далеко к язычникам," - до сих пор иудеи слушали спокойно; когда же Павел произнес сказанные ему в видении эти слова Господа, они подняли крик. Эти слова произвели взрыв фанатической ревности и ярости толпы, тем более, что они, по мнению толпы, не столько опровергали возведенное на него обвинение (ст. 21:28), сколько подтверждали его. В диком выражении своего фанатизма и ярости они метали одежды свои и бросали пыль в воздух, как бы метая камни в него. Не понимая, что происходит и боясь, что при таком возбуждении толпы дело не выяснится, тысяченачальник повелел увести Павла в Антониеву крепость и предать его бичеванию, в расчете пыткой узнать, что во всем этом кроется и какое тяжкое преступление числится за Павлом, что так кричат против него. Когда Апостола уже привязали ремнями к столбу, чтобы начать бичевание, он указал им на двоякое нарушение закона в отношении к нему, как к римскому гражданину: 1) Как римский гражданин, он избавлен от телесного наказания, так как это было наказание рабов; 2) это было вообще нарушением римского уголовного права, что трибун судебное исследование начал пыткой. Заявление Павла, что он - римский гражданин обеспокоило сотника, который распоряжался бичеванием, и самого тысяченачальника. Купивший сам за большие деньги право римского гражданства трибун, вероятно, усомнился, чтобы бедный узник его мог купить себе это право, но узнав из заявления Павла, что у него это право наследственное, что он родился в римском гражданстве, поверил и испугался не только того, что хотел пытать его, но и того, что связал его без дознания и суда, ибо заключение римского гражданина в оковы, без предварительного дознания вины его, считалось преступлением и наказывалось законом. Так как тысяченачальник ничего определенного до сих пор не мог узнать не только относительно виновности Павла, но даже относительно того, в чем собственно обвиняют его иудеи, то он для достоверного дознания вины Павла повелел собрать синедрион, чтобы повести дело Павлово официально и законно с разъяснением его вины или невинности. Не сразу, однако, а только на другой день, Лисий снял с Павла оковы, обнаруживая этим упорство власть имущего, и, выведши Павла, поставил его перед синедрионом, в обычном месте его заседаний, вероятно, в одной из храмовых, построек.

Глава двадцать третья.

Апостол Павел перед синедрионом и распря между его обвинителями (1-10). Явление ему Господа Иисуса (11). Умысел иудеев убить Павла (12-22). Павла отправляют в Кесарию к прокуратору Феликсу (23-35).

Распря между обвинителями Павла (23:1-11).

Как Сам Христос и как старейшие Апостолы, так теперь и святой Апостол Павел был поставлен перед верховным иерусалимским судилищем. Остановив на собрании взгляд, полный твердости и спокойствия, он с апостольским достоинством начал свою речь, не будучи еще спрошен членами синедриона, потому что не они призвали его к допросу на суд, а он поставлен был пред синедрионом от римского начальника.

"Мужи братия," сказал он: *"я всю добрую совестью жил пред Богом до сего дня."* В сознании собственной невинности и своего апостольского достоинства, он отказывает этим незаконным судьям в почетном титуле *"отцов"* или *"начальников народа,"* указывая на чистоту своей совести в деле служения своего Богу. Слова Апостола показались первосвященнику Анании лицемерием или самохвальством, и он приказал бить Апостола по устам. Этот Анания, человек гордый и грубый, был тогда фактически исправлявшим должность первосвященника (а не титулярный только, каковых тогда много было из числа смещенных), сын Неведея, преемник Иосифа, сына Камида, предшественник Измаила, сына Фаби. Он был вызываем в Рим для оправдания себя пред Кесарем в возведенных на него обвинениях, но не лишился своего сана, пока прокуратор Феликс не передал эту должность Измаилу. В праведном гневном святого Апостол произнес резкие слова против него: *"Бог будет бить тебя, стена подбеленная"* ... Здесь оскорблен был закон, оскорблена была правда, оскорблена была чистота совести Апостола.

Слова эти были не только укоризной за незаконное распоряжение судьи, обязанного судить по закону, но и пророчеством: спустя несколько лет, в начале так наз. Иудейской войны, Анания был убит сикариями, как изменник.

"Стена подбеленная" - образное обозначение лицемера, как и *"гроб подбеленный"* (подбеленный известью). Предстоящие сочли эти слова Павла за оскорбление первосвященника, каковое считалось тяжким преступлением, как оскорбление Самого Бога.

"Я не знал, братия, что он первосвященник," сказал Павел. На эти слова имеется много толкований, но нет нужды отступать от буквального объяснения, которое дает святой Иоанн Златоуст: Апостол Павел действительно не знал, что это первосвященник, ибо первосвященники в то время часто менялись и по обычной одежде нельзя было отличить первосвященника от других членов синедриона. В собраниях синедриона председательство не было необходимой принадлежностью первосвященника: у синедриона было право выбирать себе председателя. И Апостол тем более мог не предполагать в председателе этого собрания первосвященника, так как собрание назначено было по унижительному приказанию римского полкового начальника.

Увидев, что в таком незаконном и явно настроенном против него собрании прямая защита не к месту и речи его слушать не будут, святой Апостол с необыкновенным

присутствием духа, пронизательностью и мудростью решился на одно средство, всегда бывающее весьма действенным при раздражении и возбуждении умов: он воспользовался тем, что синедрион состоял из двух противоположных и непримиримо враждебных между собой партий - фарисейской и саддукейской.

Имея в виду, что саддукеи отвергали воскресение мертвых, равно как и бытие ангелов и душ умерших людей, а фарисеи признавали то и другое. Апостол громким голосом возгласил: *"мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят."* Этим Павел положил преграду, по крайней мере на время, совокупному действию против него обеих партий одновременно и расположил в свою пользу фарисеев. Этим заявлением Апостол хотел подчеркнуть, что его совершенно несправедливо судят, как нарушителя и врага закона Моисеева, ибо он принадлежит именно к числу ревнителей закона и не изменник Моисею, как например, саддукеи, отрицавшие некоторые истины Моисеева закона. В учении же о воскресении мертвых христианство вполне сходилось с фарисейством и было, таким образом, ближе ему, чем саддукейство, погрешавшее против такой важной догматической истины. Слова Апостола достигли цели, вызвав распрю и разделение в собрании, причем книжники фарисейской стороны даже взяли Павла под свою защиту, повторяя слова Гамалиила: *"не противимся Богу."* Обе стороны пришли в такое возбуждение и так между собой спорили, одни защищая Павла, а другие, нападая на него, что тысяченачальник стал опасаться, как бы Павел не сделался жертвой их взаимного раздражения и как бы они не растерзали его, римского гражданина, за что ему пришлось бы отвечать. Поэтому он повелел воинам сойти из Антоньевой крепости к месту заседания синедриона, может быть, во двор язычников, куда могли входить римские воины, и отвести Павла обратно в крепость.

В таком трудном положении, Господь ободрил своего верного Апостола, явившись ему следующей ночью, во сне или в видении, чего из текста прямо не видно, и сказав: *"держай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме."* Этим Господь успокоил Апостола, что иудеи ничего ему не в состоянии будут сделать злого, так как ему надлежит проповедовать еще в самом центре языческого мира - политической столице мощной языческой империи. Это было большим утешением для Павла, так как отвечало и его давнишним желаниям.

Умысел иудеев убить Павла (23:12-22).

Между тем, опасность для Павла все больше и больше увеличивалась. Более сорока иудеев, особенно ненавидевших Павла, вероятно, из числа малоазийских и не без содействия и участия местных саддукеев, связали себя страшной клятвой - *"не есть и не пить, доколе не убьют Павла."* Они сделали участниками своего заговора членов синедриона, чтобы эти обратились к римскому коменданту с официальной просьбой: представить Павла еще раз на суд, чтобы когда поведут его к месту заседания синедриона, убить его.

К счастью, сын сестры Павла узнал об этом заговоре и пришел в крепость, чтобы сказать об этом своему дяде Апостолу. Вероятно, после объявления о своем римском гражданстве, Апостол не очень строго содержался, так что к нему могли иметь доступ родные. Так он содержался потом и в Кесарии (24:23) и в Риме (28:16). Желая оставить это дело в возможной тайне, Апостол не говорит о нем сотнику, а просит отвести своего племянника прямо к трибуну. Лисий ласково выслушал Павлова племянника и велел ему никому не говорить о том, что он предупредил его об умысле иудеев. Затем он позвал двух сотников и приказал приготовить к девяти часам вечера конвой из 200 пеших воинов, семидесяти конных и 200 воинов с легким вооружением (стрелков) для отправки Павла к

римскому прокуратору в Кесарию. Очевидно, Лисий опасался взрыва фанатизма против Павла и преследования со стороны врагов, которые могли подготовить нападение на него разбойничавших сикариев, если бы конвой был слишком мал. Таким образом, столь большой конвой был умной предосторожностью тысяченачальника, чтобы доставить целым и невредимым прокуратору римского гражданина. Он велел приготовить также ослов, ради удобства Павла в пути. Из всего этого видно, что Лисий заботился о Павле и, видимо, был расположен к нему, после всего происшедшего.

Отправка Павла в Кесарию (23:23-35).

Тогдашний римский прокуратор *Феликс* (Антоний) был вольноотпущенник римского импер. Клавдия, брат любимца Неронова Палласа, зять Ирода Агриппы I-го. Он получил прокуратуру от Клавдия, после смены прокуратора Кумана, около 53 г. по Р. Хр. и исправлял "должность царскую в рабском духе," как выражается о нем римск. историк Тацит. Был отозван с прокуратуры Нероном, но, несмотря на жалобы иудеев на него, не лишился милости императора.

Лисий написал Феликсу препроводительное письмо, в котором объяснял ему обстоятельства взятия Апостола под стражу, сообщал о его римском гражданстве и его политической невинности. Сообразуясь с данными указаниями, конвой вел Павла ночью, ради большей безопасности, до **Антипатриды**, города построенного Иродом I и названном в честь его отца Антипатра, в 42 милях (60 верстах) от Иерусалима и в 26 милях от Кесарии. Тут уже можно было не бояться нападения иудеев, и пешие воины, предоставив конным дальше вести Павла, сами возвратились в Иерусалим. Начальник конвоя, по приходе в Кесарию, отдал письмо Лисия прокуратору и представил ему Павла. Прокуратор, прочитав письмо, спросил Павла, из какой он области, и узнав, что он из Киликии, сказал, что выслушает его, когда явятся его обвинители, а пока назначил ему быть под стражей в Иродовой претории, то есть не в общественной городской тюрьме, а в том же дворце, построенном Иродом Великим, в котором жили прокураторы. Этому, вероятно, посодействовало доброе слово об узнике в письме Лисия, и Павла не очень стесняли.

Глава двадцать четвертая.

Апостол Павел перед судом прокуратора Феликса (1-9), его защитная речь (10-21). Отсрочка решения (22-23). Беседа Павла с Феликсом и Друзиллой и прибытие нового прокуратора (24-27).

Апостол Павел пред судом прокуратора Феликса (24:1-9).

Феликс был уже около семи лет правителем Иудеи и в этом звании оставил по себе весьма дурные воспоминания. В прошлом вольноотпущенник и любимец имп. Клавдия, он исполнял свои обязанности правителя, как человек, имеющий душу раба, предаваясь неслыханному распутству и отличаясь вместе с тем жестокостью. Таков был судья, которому надлежало произнести приговор о судьбе великого Апостола языков.

Уже через пять дней первосвященник Анания со старейшинами, по-видимому, с некоторыми избранными членами синедриона, отправились в Кесарию, чтобы жаловаться

на Павла самому прокуратору. С собой они взяли некоего ритора **Тертулла**, на которого возложена была обязанность произнести обвинительную речь.

Тертулл - уменьшительное от римского имени Тертий. Надо полагать, что это был иудей рассеяния, носивший римское имя, ибо едва ли синедрион решился бы взять в защитники своего дела нечистого язычника. Он был **ритор**, по специальному значению этого слова, - человек, ведший судебные процессы от лица своих доверителей, в роде адвоката или прокурора. Таких риторов много было тогда и в Риме и в провинциях.

Чтобы снискать благоволение правителя, Тертулл начал свою речь с самых лживых похвал, говоря, что иудеи всегда и всюду признают, что Феликс у них обязаны глубоким миром и благоустройством страны. Насколько лживы были эти похвалы, видно из того, что по отозвании Феликса с прокураторской должности, иудеи сами же принесли на него жалобу римскому императору. Затем он изобразил Павла, как язву общества, который возбуждает мятежи между всеми иудеями, живущими по вселенной и как представителя назорейской ереси, который недавно отважился даже осквернить храм.

"Мы взяли его и хотели судить его по нашему закону" - тут ритор опять говорит явную ложь, ибо иудеи не судить хотели Павла, а просто убить его, без всякого суда, схватив в храме. Поступок Лисия он лживо представляет, как незаконное вмешательство в дело, касающееся будто бы только синедриона. Заключил свою речь ритор утверждением, что сам Павел не в состоянии опровергнуть возведенных на него обвинений. Члены синедриона тотчас же подтвердили, что все именно так, как сказал Тертулл.

Защитительная речь Апостола Павла (24:10-23).

С полным достоинством отвечал Павел на эти обвинения. В его речи мы видим естественное красноречие, отсутствие всякого подобострастия с возданием лишь должного почтения представителю государственной власти, а главное - живую веру, горячую и чистую ревность, которая забывает собственные интересы и помышляет лишь о спасении человеческих душ.

"Зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей" - здесь нет лести, тем более, что слово "справедливо" прибавлено лишь в переводе, а в подлиннике его совсем нет: Павел указывает тут лишь на тот факт, что Феликс уже много лет состоит судьей этого народа, знает его учреждения и обычаи, знает характер его, а также и представителей его - членов синедриона, поэтому он тем свободнее будет защищать свое дело, так как правитель, благодаря своему знанию всего этого, может верно рассудить невиновность Апостола.

После этого общего вступления, святой Павел сказал, что он не более 12 дней тому назад пришел в Иерусалим для поклонения, нигде ни в святилище, ни в синагогах, ни в городе его не видели с кем-либо спорящим или возмущающим народ. Следовательно, обвинение его, как народного возмутителя в Иерусалиме есть сплошная ложь, и обвинители не могут доказать этого своего обвинения. Тут же, однако, Павел смело признает, что он действительно исповедует то учение, которое обвинители называют "ересью." Определяя сущность этого учения, Апостол настойчиво и усиленно указывает на единство Нового Завета с Ветхим, которого держится синедрион: *"я служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках"* (духовно-нравственного содержания), то есть мое Богочтение не есть отпадение от религии отцов моих и всего иудейского народа, но служение тому же Богу, Которого почитают и мои обвинители. Здесь Апостол опять упоминает о надежде на воскресение мертвых, которой придерживаются и иудеи. Члены

синедриона на этот раз были сдержаннее, чем перед лицом тысяченачальника в Иерусалиме, тем более, что они тогда же еще, вероятно, заметили невыгоду для себя от разделения в своей среде, а потому саддукеи в этот раз смолчали.

Исповедуя христианское учение, Апостол старается сохранить непорочную совесть в отношении к Богу и людям, а потому обвинение его в принадлежности к христианству не есть в сущности обвинение, так как принадлежность к христианству не есть вина. Затем Апостол защищается против последнего обвинения в том, что он будто бы пытался осквернить храм.

Прошло, вероятно, около четырех лет со времени последнего посещения святым Павлом Иерусалима, почему он и выразился: *"После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения"* - цель его прибытия в Иерусалим была доставить милостыню и приношения народу своему и поклониться в храме Бога истинного с принесением Ему жертвы, а вовсе не мятежническая. Он не только не осквернял храма, а наоборот вошел в него с надлежащим по закону очищением, и не с народом и без шума. Схватили его не те, которые теперь его обвиняют, а *"некоторые Асийские иудеи,"* которым и надлежало бы обвинять его и которых, однако, здесь нет, ибо им не в чем обвинить его. В заключение Апостол потребовал, чтобы обвинители, не мог у щие доказать ни одного из возведенных на него обвинений, сказали хотя бы: какую неправду или, точнее, какое преступление, они нашли в нем, когда он стоял перед синедрионом? разве только сочтут преступлением то слово, которое он сказал им, что за учение о воскресении мертвых судим он ныне. Глубокая святая ирония слышна в этих словах.

Феликс хорошо понял религиозное свойство обвинения, тем более, что он, как давнишний уже прокуратор, не мог не знать о христианстве, находясь к тому же в Кесарии, где римский сотник Корнилий принял христианство. Он отказал обвинителям в утвердительном приговоре, но не желая раздражать их, не освободил совершенно и Павла, а отложил дело до нового рассмотрения, под предлогом, что придет Лисий для нового разбирательства. Заключение Павла он сделал умеренным, так что все друзья его могли приходиться к нему и помогать ему.

Беседа Павла с Феликсом и Друзиллой (24:24-27).

Некоторое время спустя Феликс со своей женой Друзиллой, которая будучи иудеянкой, могла судить о деле, велел призвать Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса. Эта Друзилла была дочерью царя Ирода Агриппы I-го, который умертвил Иакова, известная тогда красавица в Кесарии. Конечно, и сам Феликс был заинтересован личностью Павла, но, вероятно, главным образом, желала видеть и слушать одного из главнейших проповедников христианства Друзилла. Павел говорил Феликсу и его жене не о том только, что они желали слышать, но и о том, чего они, конечно, не хотели, но что святой Апостол считал своим долгом сказать им: *"о правде, о воздержании и о будущем суде."* Эти слова Апостола привели в страх жестокого и распутного Феликса, который, по словам римского историка Тацита, позволял себе всякого рода несправедливости и невоздержания и *"всякие злодейства совершал безнаказанно,"* и он отослал проповедника, обещаясь позвать его после. Какова была настроенность прокуратора, видно из того, что он надеялся получить с Павла взятку за его освобождение, а потому показывал ему свое благоволение, часто призывая его к себе и беседуя с ним. Зная, конечно, что христиане принимают большое участие в судьбе узника, он рассчитывал, что они дадут достаточно большой выкуп за его освобождение. Так продолжалось два года. В 60 или 61 году по Р. Хр. Феликс был отозван с прокураторства и замещен **Порцием Фестом**. О нем мало что

известно, но впрочем только доброе: он правил недолго и умер в следующем году, а на его место был прислан **Альбин**. Желая оставить по себе добрую память у Иудеев, Феликс так и не освободил Павла, хотя, видимо, считал его невинным: Павел продолжал оставаться в узах, считаясь находящимся под судом.

Глава двадцать пятая.

Прокуратор Фест в Иерусалиме и жалобы ему на Апостола Павла со стороны иудеев (1-6). Апостол Павел на суде перед Фестом (7-12). Царь Агриппа 2-й и Вереника в Кесарии и желание их слушать Апостола (13-27).

Прокуратор Фест во Иерусалиме и жалоба ему на Апостола Павла (25:1-6).

Вступив в должность, Фест через три дня отправился во Иерусалим, и там первосвященник и знатнейшие из иудеев тотчас же явились к нему с жалобой на Павла, прося его вызвать Павла в Иерусалим, с тем же расчетом убить его по дороге.

Первосвященником был тогда **Измаил**, сын Фаби, которого еще Феликс поставил на место смещенного им Анании. Фест был настолько благоразумен, что не послушался их подущений и отказал в исполнении их просьбы. Он сказал им, что Павел содержится под стражей в Кесарии, и он сам туда скоро вернется, так что нет надобности вызывать узника в Иерусалим, и предложил обвинителям, именно "*которые из вас могут,*" то есть облеченным соответствующими правами и властью, идти в Кесарию, чтобы там вести суд над узником. Так это и произошло.

Апостол Павел на суде перед Фестом (25:7-12).

После пребывания в течение 8-ми или 10-ти дней в Иерусалиме, Фест возвратился в свою резиденцию и на другой же день начал суд над святым Апостолом.

Конечно, обвинители его, иудеи, были уже здесь и стали возводить на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать. Из ответа Апостола в ст. 8 можно видеть, что это были все те же обвинения, какие излагались ими и на суде перед Феликсом, но одно было или совсем новое или более резко подчеркнутое: какое-то преступление *против Кесаря*. Надо полагать, что это был аргумент того же свойства, что и клевета солунских иудеев, то есть, что Павел признает царем иудейским Иисуса и других учит тому же (17:6 и д.).

Павел устраняет эти обвинения решительным заявлением, что он не сделал никакого преступления ни против закона иудейского, ни против храма, ни против Кесаря.

Тогда Фест, желая сделать угодение иудеям, спросил его: "*хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?*" Этот вопрос мог иметь двоякий смысл: "*хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я, как судья, судил тебя там в присутствии синедриона, или - чтобы там судил тебя синедрион в моем присутствии?*" В первом смысле суд должен был бы производиться над Павлом, как Римским гражданином, по римским законам, с применением только к национальным еврейским; во втором - суд должен был бы вестись по национальным еврейским законам, с применением только к римским.

Поняв всю опасность этого, Павел решительно отверг это предложение прокуратора, сказав, что иудеев он ничем не обидел, а потому и не хочет судиться перед их верховным судилищем - синедрионом; поскольку же в лице прокуратора он предстоит перед судом кесаревым (так как прокураторы судили именем кесаря), то он, с целью обеспечения себе защиты от пристрастного суда иудеев, требует себе суда лично перед Кесарем в Риме, причем заявляет, что он готов подвергнуться наказанию смертью, если только действительно сделал что-либо достойное смерти.

Из этих слов Павла видно, что он не надеялся на беспристрастие не только суда синедриона, но и суда прокураторского, при замеченном желании Феста угодить иудеям. Несомненно, что на это требование суда в Риме Апостола подвигли слова Господа, сказанные ему некогда, что как он свидетельствовал о Нем во Иерусалиме, так надлежит ему свидетельствовать и в Риме (23:11). Теперь обстоятельства сложились весьма благоприятно для того, чтобы можно было отправиться в Рим, ибо каждый римский гражданин имел право апеллировать к самому Кесарю. Эти слова Павла положили конец процессу. Рассмотрев с советниками, приемлема ли апелляция Павла, Фест объявил Апостолу: *"ты потребовал суда Кесарева, к Кесарю и отправишься"* - в этих словах чувствуется неудовольствие прокуратора на Павла, вполне понятное после таких замечаний ему в ответе Апостола (ст. 10-11).

Царь Агриппа 2-й и Вереника слушают Апостола Павла (25:13-27).

Спустя несколько дней в Кесарию прибыл, чтобы поздравить Феста со вступлением в должность, царь **Ирод Агриппа 2-ой** со своей сестрой **Вереникой**, или Вероникой (по сл. **Верникия**).

Это был последний царь из фамилии Иродов, с которым этот царствовавший дом прекратился. Он был сын Ирода Агриппы I-го (см. 12 гл.), правнук Ирода Великого, брат Друзиллы, жены бывшего прокуратора Феликса. Воспитывался он при дворе рим. имп. Клавдия, который недолго спустя после смерти отца его дал ему во владение **Халкис** в Сирии, а через 4 года (около 53 г. по Р. Хр) всю прежнюю тетрархию Филиппа и тетрархию Лисания с титулом царя и полномочием - иметь попечение и надзор за храмом иерусалимским (при нем и была окончена постройка всего храма) и избирать иерусалимских первосвященников. **Вереника** была его родная сестра, бывшая сперва в замужестве за дядей своим Иродом, потом по смерти его жившая в незаконной связи с братом своим Иродом Агриппой 2-м, потом вышедшая за Киликийского царя Полемона и после бывшая в связи с Веспасианом и Титом. Так как Агриппа был в вассальных отношениях к Риму, то потому счел своим долгом поздравить нового прокуратора.

Считая Агриппу сведущим во всех иудейских делах, Фест обстоятельно изложил ему все дело Павла. Рассказ Феста возбудил в Агриппе желание видеть и слышать такого узника, против которого так вооружены иудеи и которого, однако, прокуратор находил невинным. Очень вероятно, что Агриппа и прежде слышал что-нибудь об Апостоле, слышал, конечно, и о христианстве, равно, как и Вереника, и теперь они рады были случаю видеть и слышать одного из самых важных проповедников христианства. Желание высокого гостя было исполнено на другой же день. Агриппа и Вереника с царской пышностью вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами. В Кесарии, как резиденции прокуратора, было пять когорт римского войска, и, следовательно, пять тысяченачальников. В общем собрание это было весьма блестящим и многочисленным, и на это-то блестящее собрание, состоявшее из представителей военного и гражданского ведомства Кесарии с царем и его сестрой и правителем провинции, был приведен святой Апостол Павел в узах (26:29).

Представляя собранию узника, правитель изложил и побудительную причину: из представленных против Павла обвинений он вынес убеждение, что по римским законам он не подлежит смертной казни, но составить себе верного суждения о деле не может, а потому хотел бы слышать мнение присутствующих и особенно царя Агриппы, как знакомого с местными учреждениями и обычаями страны, дабы было что написать об узнике Государю, то есть императору Нерону.

Глава двадцать шестая.

Защитная речь святого Апостола Павла перед Агриппой, Фестом и другими с изложением обстоятельств своей жизни и обращения ко Христу (1-29). Мнение Агриппы и присутствовавших о деле Павла: признание его невинным (30-32).

Апостол Павел рассказывает о своем обращении ко Христу (26:1-29).

Агриппа, как царь и почетный гость прокуратора, председательствует в собрании, открывая и заканчивая его, но, как воспитанный при римском дворе, он, открывая собрание разрешением Павлу вести защитительную речь, не говорит: *"повелеваю,"* но: *"позволяется тебе,"* из вежливости по отношению к римскому правителю области.

Тогда Павел, простерши руку, не как знак к молчанию (как 12:17 и 13:16), но ради торжественности минуты и торжественности речи, начал говорить. Речь Апостола замечательна тем, что она направлена не столько к личной самозащите, сколько к защите своего дела - проповеди христианства, к которой он призван. Поэтому тон речи - радостный, восторженный, победный. Это было последнее торжественное свидетельство святого Апостола Павла о Христе на священной почве Палестины, произнесенное перед именитыми представителями иудейства и язычества, которым суждено было со временем составить единое стадо под главенством Единого Пастыря.

Апостол начинает свою речь обращением к царю с таким же достоинством, с каким он незадолго перед тем обращался к Феликсу. Он выражает радость по поводу того, что имеет случай защищать свое дело перед царем и при том - перед таким царем, который знает все обычаи и спорные мнения иудеев и, следовательно, лучше, чем другие, в том числе и прокуратор, может судить о его невиновности в тех преступлениях, в каких обвиняют его Иудеи, считая его достойным смерти.

Собственно речь в защиту себя Апостол начинает ссылкой на свидетельство тех, кто знает его еще до обращения его в христианство. Он указывает на то, что еще с самых ранних лет своей юности он воспитывался не в Тарсе, где родился, а в Иерусалиме, куда, вероятно, привезли его еще мальчиком для обучения закону Божию. Жил он, как фарисей, в полном согласии с требованиями этой строжайшей, консервативной секты иудейства.

Затем Апостол переходит к настоящему своему положению, как узника, и говорит, что не за измену своим прежним убеждениям его хотят судить и предать смерти, но единственно за общую у него со всеми Иудеями надежду на мессианское царство, обещанное Богом предкам иудеев и ожидаемое всем народом. И у иудеев особенно раздражало то, что Апостол в основание своей проповеди о наступившем уже царстве Мессии полагал учение о воскресении Иисуса из Назарета, почему он и говорит: *"Ужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?"*

Далее Павел признает, что он был ожесточенным гонителем тех, кто веровали в Иисуса из Назарета, как воскресшего из мертвых и обетованного Мессию, и рассказывает подробно, как произошло его обращение ко Христу на пути в Дамаск со всеми подробностями, подобно тому, как это он сделал в своей речи перед народом в Иерусалиме (гл. 22). Здесь имеются некоторые особенности, отличающие этот рассказ и от первого рассказа самого Апостола и от повествования Деяписателя в 9 гл., но в общем и существенном все три рассказа совершенно одинаковы.

Самой важной особенностью является более подробная передача содержания речи явившегося Господа Савлу, где Господь открывает ему цель Своего явления в том, что хочет сделать его Своим *служителем* и *свидетелем* наравне с прочими Апостолами. Далее важно то, что Господь, по словам Павла, Сам обещал являться Своему новоизбранному свидетелю и открывать ему волю Свою, что мы действительно и видим в его истории, как например, 22:17; 23:11 и др.

"Избавляя тебя" - надо понимать в смысле: "сохраняя жизнь твою от опасностей, которым ты будешь подвергаться," что мы также видим осуществившимся в миссионерской деятельности Павла, когда он столько раз чудесно спасался от смертельной опасности, ему угрожавшей. Из слов Господа видно, что Павел поступал в точности сообразуясь с ними, когда во время проповеди своей обращался всегда сначала к иудеям, а потом к язычникам. Господь объясняет Павлу и цель его посланничества: *"открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету"* - открыть их духовные очи для познания истины Божьей, результат чего - *"прощение грехов"* по вере в Господа Иисуса Христа, как Мессию.

Далее Апостол поясняет, что он не мог воспротивиться небесному видению, а потому и начал проповедовать сначала Иудеям в Дамаске и Иерусалиме и по всей земле иудейской, а затем и язычникам. За это и схватили его иудеи в храме и хотели убить, но Бог помог ему, так что он смог дожить до сего дня, проповедуя малым и великим и не отступая никогда от того, что предсказали Моисей и пророки, то есть, что Христос должен был пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить познание истины Божией, как иудеям, так и язычникам.

В этом месте энергичная и сильная речь Павла была прервана легкомысленно запальчивым (*"громким голосом"*), резким замечанием прокуратора: как некогда Пилату, речь Господа об истине, которую пришел Он принести на землю, показалась пустым мечтанием, и он прервал ее полным отчаявшегося неверия вопросом (Иоан. 18:37-38), так теперь Фесту, светскому языческому чиновнику, пламенная речь Павла показалась сумасбродством: *"Безумствуешь ты, Павел. Большая ученость доводит тебя до сумасшествия."*

"Нет, достопочтенный Фест, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла" - с большим достоинством отвечал на это святой Апостол. Для уверения в этом не понимающего дела язычника, святой Павел ссылается тут же на более понимающего иудея царя Агриппу, к которому, главным образом, как к могущему более понимать, и обращена вся речь Апостола. Апостол говорит, что он не верит, чтобы от царя Агриппы было скрыто что-нибудь из сего, то есть из того, что относится к жизни и деятельности Господа Иисуса Христа, ибо все это *"не в углу происходило,"* не в тайне совершалось, а на глазах всего иудейского народа в Иерусалиме и по всей Палестине.

Решительным и неожиданным оборотом речи Апостол вдруг обращается непосредственно к совести Агриппы и, как опытный "ловец человеков," едва не уловляет его, так что царь

только легкомысленной остротой избегает этого уловления, но почти тотчас же закрывает собрание, из чего можно ясно понять, что нечто зашевелилось в его совести. *"Веришь ли, царь Агриппа, пророкам?"* неожиданно спросил Павел и тут же сам ответил на этот вопрос за смущенного царя: *"Знаю, что веришь."*

Воспитанный при дворе римского императора, Агриппа конечно оставался в душе иудеем. Окончание постройки при нем иерусалимского храма, начатой его прадедом до какой-то степени свидетельствует, что в самой глубине души его было скрыто чувство иудейской религиозности. Проницательный взор Апостола усмотрел это и так сильно разбудил это чувство, что царь смутился, особенно при той обстановке, в которой он находился - в присутствии римского правителя области, который смотрел на него несомненно, как на римского воспитанника, чуждого "иудейских суеверий."

Возбужденное чувство иудея насильно подавляется ложным страхом и стыдом перед образованными римлянами, переходит в лицемерие и раздражается легкомысленной светской остротой: *"ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином."*

На эту остроту святой Павел с задушевностью и трогательностью отвечал: *"молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме сих уз."* Узы были похвалой Павла (Еф. 3:1; 4:1; Филим. 1:1), но, конечно, он не мог желать, чтобы все христиане были всегда в узах. Своим задушевым ответом Павел вновь разбудил совесть Агриппы, и тот, не будучи в состоянии более слушать его, поспешил закрыть собрание.

Признание Павла невинным (26:30-32).

Речь святой Павла носила в высшей степени отпечаток достоинства, свободы и любви, и это не могло не произвести впечатление на беспристрастных слушателей. Посоветовавшись в стороне, царь с правителем признали Павла достойным освобождения от уз, как человека ни в чем неповинного, но так как Павел потребовал суда Кесарева, то правитель решил послать его в Рим к Кесарю.

Глава двадцать седьмая.

Путешествие святого Апостола Павла из Кесарии в Рим: от Кесарии до Мир Ликийских (1-5); от Мир до Крита и предостережение Павла, которое не было принято во внимание (6-13); сильная буря от Крита до Мальты, корабль на мели, спасение вплавь на берег (14-44).

Путешествие от Кесарии до Мир Ликийских (27:1-5).

Когда отъезд в Италию был решен, что произошло осенью 61 года, то святой Апостол Павел вместе с некоторыми другими узниками был передан сотнику Августова полка по имени Юлий.

Как видно из местоимения *"мы,"* которое употребляет далее всюду Дееписатель, он был спутником святой Павла в этом путешествии. Вторым спутником Апостола был, как упомянуто во 2 ст., **Аристарх** Македонянин из Фессалоники.

Что это был за Августов полк, определить точно невозможно: возможно, что это был отряд из гвардии самого императора Нерона, бывший по какому-либо случаю на востоке и теперь возвращавшийся в Рим, чем воспользовался прокуратор Фест для того, чтобы под его конвоем отправить узников.

Так как в Кесарии не было корабля, который бы отправлялся прямо в Рим, то узников отправили на купеческом корабле сначала в **Адрамит** - приморский город в малоазийской провинции Мисии недалеко от Троады и Асса. Сделано это было с тем расчетом, чтобы по дороге в Адрамит, где по-видимому жил хозяин этого корабля, заходя в разные портовые города можно было найти корабль, идущий в Рим, и пересесть на него для дальнейшего путешествия прямо к цели. Так это и случилось. На другой день пристали к Сидону, древнейшему торговому городу Финикии. Поступая с Павлом человеколюбиво, сотник Юлий позволил ему сходить там к своим друзьям и воспользоваться их усердием, то есть, по-видимому, получить от них что-либо нужное на дорогу. Так обращался сотник с Павлом, вероятно, по приказанию Феста, а, может быть, и сама личность святого Апостола внушала к себе уважение и расположение благородного сотника. Из-за противных ветров корабль отклонился от своего прямого направления и приплыл в Кипр. Далее пришлось плыть вдоль берегов малоазийских провинций Киликии и Памфилии, чтобы зайти в пристань города **Миры Ликийские**. Это был цветущий тогда город в малоазийской провинции Ликии в 20 стадиях (около 4 верст) от моря на реке, судоходной до самого города.

От Мир до Крита и предостережение Апостола Павла (27:6-13).

Здесь сотник нашел Александрийский корабль, готовый поднять якорь, чтобы плыть в Италию. Он пересадил на него конвой и узников. Вероятно, и этот корабль был купеческий, потому что нагружен был пшеницей (ст. 38), но почему он был в малоазийской пристани, неизвестно.

Александрия и Египет были житницей Италии и вели с ней оживленную торговлю, но отчего этот корабль шел не прямо из Александрии в Италию, трудно сказать: может быть противные ветры отвлекли его от прямого пути, а, может быть, и другие торговые дела. Он был, как видно, очень большой, ибо, кроме груза, на нем могло поместиться 276 человек (ст. 37). По причине неблагоприятного ветра плыли очень медленно и поэтому только через несколько дней (вместо одного дня) достигли **Книда**, города в малоазийской провинции **Карии** на полуострове Книдии. Ветер помешал пристать к берегу. Оттуда доплыли до мыса **Салмона** на восточном берегу Крита. Пробравшись с трудом мимо него, корабль обогнул восточную часть острова и вошел в бухту на южной стороне острова, носившую название **Хорошие Пристани**, близ г. **Ласеи**. Эта пристань была хорошо защищена от северо-западных ветров, которые именно и были противны курсу корабля, задерживали его и заставляли лавировать. Прошло уже много времени от начала путешествия, и *"пост уже прошел,"* без сомнения важнейший пост дня очищения **10 дня месяца Тисри**, по нашему во второй половине сентября. Это было, следовательно, после осеннего равноденствия, когда плавание морское, особенно в тех местах, чрезвычайно опасно. Святой Апостол Павел, основываясь на своем прежнем опыте морских путешествий (2 Кор. 11:25), предостерегал от дальнейшего плавания, как опасного, не только для груза, но и для самой жизни путешественников. Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, естественно считая их более опытными, а так как пристань Хорошие Пристани неудобна была для зимовки, то по совету многих, решили дойти до пристани **Финика**, защищенной от юго-западного и северо-западного ветра, на том же южном берегу Крита и более удобной поэтому для зимовки. Так как подул южный

ветер, то решили, что можно попытаться прийти в более безопасную пристань Финику, ибо южный ветер не грозил им опасностью, что отнесет их в открытое море.

Сильная буря на пути к Мальте и гибель корабля (27:14-44).

Они, однако, ошиблись в своих предположениях: неожиданно из ущелий гор поднялся бурный северо-восточный ветер, называемый "Эвроклидон," который не позволил им приблизиться к Финику, а понес их прочь в открытое море. Бессильные бороться против урагана, моряки предоставили кораблю носиться по воле волн и ветра. Когда корабль проносился мимо островка, называемого **Клавдой**, к юго-западу от Ласеи и Хороших Пристаней, они едва смогли удержать лодку, которая обыкновенно, на всякий случай, плыла сзади, причаленная к кораблю. Подняв лодку, стали обвязывать корабль крепкими канатами и цепями, чтобы напором шторма его не разломило, а чтобы замедлить быстрый ход корабля и не сесть на мель, каковая была вдоль африканского берега, недалеко от Триполиса к востоку (Большой Сырт), спустили парус. Так как ураган не затих и на другой день, то, чтобы облегчить корабль, стали выбрасывать груз, а на другой день побросали с корабля вещи. Положение мореплавателей становилось все более и более тяжелым, так что исчезала всякая надежда на спасение: в течение многих дней они не видели уже ни солнца, ни звезд, так что не могли даже определить, куда их несет (компаса тогда еще не знали).

Погруженные в отчаяние люди ничего даже не ели, и тогда святой Павел выступил ободрителем всех, вдохнувшим в них дух терпения и надежды на спасение. Кротко упрекнув их в том, что они не послушались его совета, он ободрил их рассказом о явлении ему Ангела Божьего, который сказал ему: *"не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою,"* то есть, ради того, что Павел должен предстать пред Кесарем, Бог избавляет от гибели и всех плывущих с ним. Для большего удостоверения слушателей, Апостол выражает свою уверенность, что все это будет так и что они будут выброшены на какой-нибудь остров.

В четырнадцатую ночь после выхода из бухты Хорошие Пристани корабельщики на основании, вероятно, доносившегося до них гула морского прибоя, стали догадываться, что приближаются к какой-то земле. Здесь море, по которому носился корабль, называется **"Адриатическим,"** между тем, как теперь таковым называется лишь Венецианский залив, а это море, по которому они плыли, называется теперь **Ионическим**. В древности же **Адрией** или Адриатическим морем называлось все пространство между Грецией с востока, южной Италией и Сицилией с запада, в каковое пространство входил и остров Мальта. Начали измерять глубину: оказалось двадцать сажень, а немного спустя пятнадцать сажень, из чего можно было заключить, что недалеко земля и есть опасность попасть на подводные камни, каковых особенно много бывает около небольших островов. Тогда бросили с кормы четыре якоря, чтобы корабль прочно держался на одном месте, и стали выжидать наступления дня. Чрезвычайно напуганные корабельщики хотели воспользоваться темнотой ночи, чтобы бежать на лодке с корабля, оставив пассажиров на произвол судьбы. Апостол уразумел умысел их, когда они стали спускать лодку и предупредил сотника, что бегство корабельщиков грозит гибелью пассажиров, которые сами не смогут спастись, не умея управлять кораблем.

Характерны слова святого Апостола: *"вы не можете спастись"* - он говорил *"вы"* потому, что в *своем собственном* спасении был уверен. Воины отсекали веревки, которыми лодка была привязана к кораблю, и она упала, а потом, конечно, была отнесена волнами.

Перед наступлением дня святой Павел вновь стал ободрять своих спутников надеждой на спасение и уговорил их принять пищу, в чем сам дал пример, возблагодарив Бога пред всеми. Укрепившись пищею, снова стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море, ибо 276 пассажиров на корабле уже сами по себе представляли большую тяжесть. Когда настал день, они не могли определить, что за земля была, к которой прибило корабль, но разглядели залив с отлогим берегом и решили попытаться ввести туда корабль. Подняв якоря и развязав рули, которые обыкновенно завязываются во время сильной бури и во время стоянки, чтобы обезопасить их от напора волн, подняли малый парус, чтобы медленно подойти к берегу. Однако, корабль наткнулся на косу и сел на мель: нос увяз в песке, а волны начали разрушать корму. Тогда воины хотели умертвить своих узников, чтобы кто-нибудь из них не убежал вплавь, но сотник, желая спасти Павла, удержал их от этого: вероятно, по чувству личного уважения к Павлу, а, может быть, и по поручению прокуратора, он хотел сохранить ему жизнь. Он нашел другое средство удержать узников от побега: велел тем из стражи или конвоя, кто умеет хорошо плавать, первым броситься и выйти на берег: таким образом на берегу составила стража, которая могла принять спасавшихся узников и стеречь их. Все остальные на разных досках, обломках от корабля спаслись, выйдя на землю.

Глава двадцать восьмая.

Продолжение путешествия святого Апостола Павла в Рим: гостеприимство иноплеменников на острове Мелит, ехидна, не причинившая Павлу вреда, исцеление Павлом многих больных на острове и дальнейшее путешествие (1-14). Прибытие в Рим (15-16); двукратная беседа святого Павла с римскими иудеями (17-29). Заключение книги Деяний Апостольских (30-31).

События на острове Мелит (28:1-14).

Спасшиеся от кораблекрушения узнали от жителей острова, собравшихся на берегу, что остров называется **Мелит**.

Некоторые из древних толкователей полагали, что это маленький островок в собственно Адриатическом море, близ берегов Далмации, около Рагузы, ныне называемая Меледа, но против такого предположения говорит то, что в собственно Адриатическом море не бывает таких сильных бурь, что от Крита корабль несло северо-восточным ветром, почему он не мог попасть от критских берегов на север и, наконец, от того Мелита ближайший путь на Рим не мог бы быть через Сицилию (см. ст. 12). Новейшие исследователи почти единогласно признают, что остров, на который были выброшены святой Апостол Павел со спутниками был нынешняя **Мальта**, древний **Мелит**, в 15-ти географических милях (около 100 верст) к югу от Сицилии и около 50 миль от африканского берега. Сюда они действительно могли быть принесены от Крита, после бурного плавания, северо-восточным ветром и отсюда прямой путь в Рим действительно был через Сицилию и по западному берегу Италии, как описано далее (ст. 12-13). Притом на Мальте до сих пор существует предание о пребывании там Апостола Павла, тесно связанное с дальнейшим рассказом кн. Деяний. Жителей Мальты Деяписатель называет "*варварами*" ("иноплеменниками") с точки зрения греков и римлян, которые всех, не говоривших по-гречески и по-латыни, называли варварами.

Поселенцы Мальты, вероятно, были пунического происхождения (финикийско-карфагенского). Они оказали теплое гостеприимство потерпевшим кораблекрушение, разложив огонь, чтобы согреть их, так как был дождь и холод. Когда Павел собрал много хвороста и бросил его в огонь, оцепеневшая от холода в хворосте ехидна от жара пробудилась, вышла из огня и повисла на руке Павла. Жители острова, увидев эту ядовитейшую змею на руке Павла, были уверены, что его ожидает немедленная смерть от ее укуса и стали говорить, что он, вероятно, убийца, если его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить. Но когда они увидели, что он стряхнул змею в огонь, не потерпев никакого вреда, то стали говорить, что он бог, то есть, по их языческому представлению, один из богов, принявший на себя образ человека. В настоящее время на Мальте нет ядовитых змей, а у туземцев есть предание, что с тех пор, как святой Павел стряхнул ехидну в огонь, вся эта порода ядовитых пресмыкающихся утратила свою ядовитость.

Начальник острова по имени **Публий**, имевший по близости имение, принял у себя его и дружелюбно в течение трех дней угощал Павла и его спутников ("*нас,*" как выражается Деяния, то есть Павла, Луку и Аристарха, а конечно, не всех 276 путников, что особенно видно из ст. 10). Тут Павел совершил чудо исцеления от лихорадки и кровавого поноса отца Публия, после чего к нему стали приводить и других больных на острове, и он также исцелял их. Благодарность их была велика, они оказали Павлу со спутниками много почестей и снабдили их всем нужным на дальнейший их путь.

Через три месяца по прибытии на Мальту, то есть, когда прошла бурная осень и большая часть зимы, и дальнейшее плавание не представляло уже опасности, они отплыли на александрийском корабле, называемом **Диоскуры**, зимовавшем на Мальте, в **Сиракузы** - приморский город на юго-восточном берегу Сицилии в 18 географ. милях (около 125 верст) от Мальты. На носу кораблей делались изображения или богов или животных, или других каких либо предметов. На корабле, на котором Павел и его спутники отправились из Мальты, была надпись или изображение **Диоскуры**. Так назывались двое известных в древности мифологических героев-близнецов Кастор и Поллукс, покровители, как их считали, мореплавания и защитники от морских бедствий.

Пробыв в Сиракузах три дня, отплыли в **Ригио**, ныне Реджио, в южной Италии против г. Мессины. Отсюда при благоприятном ветре быстро, на другой же день, прибыли в **Путеолы**, ныне Поцуоли, приморский город в одной миле от Неаполя. Гавань Путеолы в то время была одна из самых значительных на западном берегу Италии и служила именно для торговли с востоком: здесь обыкновенно разгружались торговые корабли и потом уже сухим путем товары отправлялись в столицу тогдашнего мира - Рим.

Дальнейшее путешествие должно было совершаться уже пешком. Но в Путеолах нашлись христиане, которые просили святого Павла и его спутников побыть у них, и они пробыли у них целых семь дней. Это указывает на громадное доверие и расположение к Павлу сотника Юлия. Надо полагать, что Павел и его спутники были оставлены здесь с небольшим конвоем, а остальные узники с прочим конвоем, во главе с самим Юлием продолжили свое путешествие в Рим. Через семь дней Павел и его спутники направились в Рим по знаменитой **Аппиевой дороге**.

Прибытие в Рим (28:15-16).

Многие римские христиане, узнав о прибытии славного Апостола, поспешили ему навстречу до **Аппиевой площади**, небольшого городка в 42 римских милях (около 60-ти

верст) на юг от Рима и **Трех Гостиниц** местечка, называвшегося так потому, что там были гостиницы для проезжающих, в 10 милях (около 15-ти верст) от Рима.

"Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился." - в этом внимании к нему римской братии он увидел добрый залог, что его узы не будут большим препятствием к его апостольской деятельности в Риме. Так исполнилась давнишняя мечта Павла попасть в эту великую мировую столицу.

Узники переданы были, как это всегда делалось, особому военачальнику, одному из префектов преторианцев, в обязанностях которых было принимать и стеречь прибывающих из провинции на суд Кесарев лиц. Но для Павла было сделано исключение: ему позволено было жить особо, отдельно от других узников, в особом помещении и свободно, только с одним воином, вероятно, преторианцем, который должен был надзирать за ним. Такая свобода предоставлена была Павлу, вероятно, вследствие добрых отзывов о нем Феста и Юлия. Павлу было позволено выходить всегда со своим стражем, принимать приходящих к нему, писать послания. Таким образом, он имел некоторую степень свободы, которой и пользовался для своей апостольской проповеди.

Беседы Павла с римскими иудеями и заключение книги Деяний (28:17-31).

Через три дня после своего прибытия в Рим, Павел созвал знатнейших иудеев Рима и рассказал им, что никогда ничего не сделал ни против своего народа, ни против обычаев, какие он хранил от своих отцов, он был схвачен в Иерусалиме и предан на суд римскому правителю в Кесарии. Тот правитель, исследовав его дело, хотел освободить его, но так как иудеи воспротивились этому, то Павлу ничего не оставалось, как потребовать суда Кесарева, хотя у него и нет никакого намерения в чем-либо обвинять свой народ. Следуя своему обычаю, Апостол таким образом и в Риме начал свою проповедь с иудеев, причем, не имея возможности, как узник, посетить их синагогу, пригласил их сам к себе и начал с самооправдания, дабы объяснить им причину своих уз.

"Ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами" - так начал Апостол свою проповедь. Это объяснение послужило поводом к началу его проповеди о Христе.

Иудеи отвечали Павлу, что они не получали никаких писем о нем и никто не делал им также и устно неблагоприятного отзыва о нем. Но о христианстве они слышали, как *"о ереси,"* о которой везде спорят, и хотели бы сами слышать об этом учении от него.

В назначенный самими иудеями день уже не только знатнейшие, но и очень многие пришли к Апостолу, желая его послушать, и он с утра до вечера излагал им учение *о Царствии Божиим*, то есть учение христианское, приводя им пророчества о Христе Иисусе, как о Мессии из закона Моисеева и пророческих ветхозаветных книг. Следствием беседы было то, что одни убеждались его словами, а другие не верили. Они уходили, ведя спор между собой, и Павел напомнил им в момент их ухода грозные слова Исаии пророка, предсказавшего ожесточение и неверие Израиля в 6 главе ст. 9 и 10, заключив их тем, что спасение Божье будет предложено язычникам: они и услышат.

Заканчивается книга Деяний Апостольских свидетельством о том, что святой Павел целых два года жил в Риме на своем иждивении, принимая всех приходящих к нему, *"проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно."* Два года, очевидно, до освобождения от уз, а содержали Апостола, надо полагать, заботившиеся о нем римские христиане. Отсюда Апостол Павел написал свои послания к Филиппийцам, Ефесянам, Колоссянам, Филимону и Евреям. Неожиданное окончание кн.

Деяний в самый интересный момент прибытия святого Павла на суд Кесарев убедительно свидетельствует о ее подлинности и о том, что она написана именно в это время и до вторых уз Апостола Павла и его мученической кончины в 67 году.